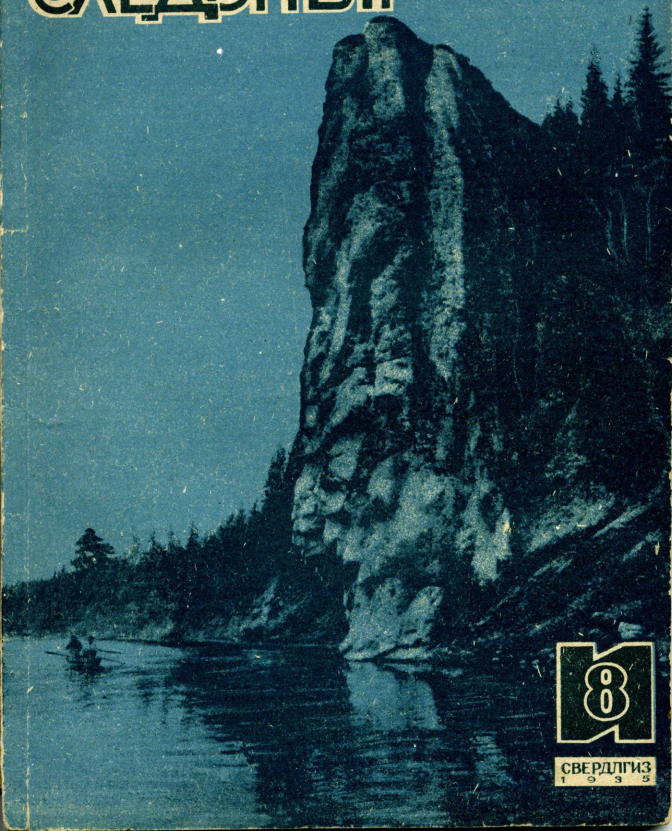

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

СВЕРДЛГИЗ
1 9 3 5

ПУТЕШЕСТВИЯ „УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“ ПО СССР

Водолаз на дне нефтяного колодца

Недавно в дне одного из нефтяных амбаров-колодцев около нефтеперерабатывающего завода им. Сталина в Баку образовалось отверстие, через которое нефть пробилась на поверхность земли. В колодце находилось около 2 млн. пудов нефти. Она хлынула наружу и за короткое время заполнила заводскую канализацию, создав угрозу города.

На помощь пришла каспийская экспедиция Эпрона. На дне нефтяного амбара, глубина которого 20 метров, спустились в скафандрах водолазы Эпрона т. Вольнов и т. Рынов. Последний пробыл на дне амбара 45 минут. Он заделал брешь мешками с песком и паклей. Авария была ликвидирована.

Участники предотвращения катастрофы объявлены благодарными. Рынов и его товарищи по работе премированы.

Путешествие гранитной скалы

К набережной Невы у Эрмитажа причалила баржа с необыкновенным грузом: баржа доставила с Онежского озера 40-пудовый обломок гранитной скалы с высеченными на нем древнейшими письменами,—изображениями человека, птиц, рыб, оленей и лодок.

История этой скалы такова: На восточном берегу Онежского озера, в 14 километрах к югу от устья реки Водля, находятся два гранитных мыса— „Бес“ и „Перий-нос“, как называют их местное население.

На этих мысах еще в 1848 году были открыты древние надписи, изображения птиц, рыб и животных.

Находка вызвала большой интерес среди ученых не только у нас, но и за границей. Некоторые ученые считают, что надписи и рисунки на скалах относятся к бронзовому веку.

Чтобы спасти от разрушения обломок скалы, Наркомпрот совместно с Эрмитажем решил доставить его в Ленинград.

Алло, алло, Эльбрус!

На высочайшей вершине Европы Эльбрусе установлен телефон. Теперь уже альпинисты не собьются с правильного пути. Телефонные столбы будут указывать путь. Звонок по телефону вызовет необходимую помощь.

Задача была нелегкая, но она успешно разрешена. Люди работали героически. В пургу, снег, туман и мороз бригады монтеров по несколько раз поднимались на вершину, порой рискуя своей жизнью.

Там, где ишаки отказывались тащить столбы, их взваливали себе на плечи герои-строители и бесстрашно шли все выше и выше...

От туристской базы Кругозора до Приюта Пастухова столбы вкапывались в лед, в снежные поля. В местах сильного таяния кабель прокладывался по льду. Выше Приюта Пастухова до самой селовинки приходилось сверлить лед и замораживать столбы.

От подножия до вершины Эльбруса пройдено 168 километров пути, установлено до двух тысяч столбов, построено 110 километров линии, повешено 280 километров проводов, оборудованы две телефонные станции: одна — в Баксанском ущелье, другая — у подножия Эльбруса.

Пятнадцать телефонов связали разбросанные вокруг вершины альпинистские лагеря. Сейчас можно связаться по телефону с селением Эльбрус, с Адыл-Су, с гостиницей „Интуриста“, с лагерем „Рот Фронт“, с лагерем экспедиции Академии наук, с лагерем школы альпинизма РККА, с Кругозором, с Приютом Одиннадцатки, с Приютом Деветки, с Селовинкой и, наконец, с западной и восточной вершинами.

Там, где покоится Беринг

Группа наших пограничников во главе с начальником контрольного пункта на Командорских островах Михаилом Волковым посетила место, где потерпел крушение бот капитана Витуса Беринга.

Бот разбился в бухте Командора, на острове, впоследствии названном именем Беринга. Здесь, в этой бухте, Беринг и его спутники остались на зимовку. Беринг, не выдержав суровых условий жизни на острове, умер от цинги. Беринга похоронили тут же, на берегу.

Пограничники Камчатки остановились недалеко от берега. Подойти к берегу и высадиться было невозможно: они ехали на моторном кавасаки (рыболовное судно), а для высадки нужна была шлюпка.

Издали Волков и его спутники увидели больше десятка пушек и памятник на месте гибели бота Беринга.

Тогда из трюмных крышек пограничники сколотили небольшую плот и по одному человеку начали переплывать от кавасаки к берегу. Так удалось сойти на берег Волкову и трем его товарищам.

Советские пограничники обнажили головы перед памятником Беринга и осмотрели пушки. Пушки лежат здесь около двухсот лет и сильно заржавели.

В тот же день пограничники выехали на соседний остров Медный, который вместе с островом Беринга и грядой Алеутских островов отделяет Тихий океан от Берингова моря.

Лето в Арктике

Полярное лето в разгаре. На самом далеком архипелаге—Земле Франца-Иосифа — на 80° северной широты желтоватым пламенем горят полярные маки, так напоминающие высокие корневые пастбища Альп и Кавказа. Мягкими россыпями на отложениях скалящихся пород, илстых наносах ручьев или на первичных образованиях почвы лежат красивые, зеленые, желтые и белые мхи, припаялись к камням лишайники. Нежными голубыми пятнышками отсвечивают камнемолки. Их листья почти

(Продолжение см. на 3 стр. обложки).

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Знать прекрасную нашу родину. *Передовая*. Чудовища тундры. *Ямальский рассказ*. В. КОЗЛОВА. По „быстрой воде“. Путешествие по Чусовой. *Очерк* М. ЗУЕВА-ОРДЫНЦА. — Новые сокровища Урала: 1. Камень урожая. 2. Черное золото. 3. Металлы будущего. *Очерки* А. БАРМИНА. — Уральские велоследопыты. *По рассказам участников велопробега Свердловск-Ивдель*. — Волки на Урале. САРАФАНОВА. — „Путь к центру земли“. *Фото-очерк* Б. РЯВИНИНА. — Хвойные леса Урала. Железная дорога через полярный Урал. Медвежье засилье. В. ТОБОЛЯКОВА. — Воздушный путь Москва-Свердловск. — Ночной учебный полет. Море, в котором нельзя утонуть. Дерево жизни. Дерево смерти (*Географическая Викторина*) Ва. ШТАРКА. — Путешествие „Ур. Следопыта“ по СССР (на обложке).

19 35

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК

Фото-обложка Б. Рябинина

*

Технический редактор В. Д. Коркин
Корректор О. Д. Березина

*

Свердлгиз

*

Сдано в производство 17/IX 1935 г.
Подписано к печати 15/X 1935 г.
Уполномочен. Свердловобллита В—2099.
Огиз № 1264. Индекс V—П. Бум. Оку-
ловской ф-ки. Форм. Бум. 72×105¹/₁₆.
Бум. л. 2¹/₂. Печатных л. 5. Печати.
знаков в бум. л. 150 000. Учетно-автор.
л. 8,52. Тираж 7150 экз. Заказ № 840.

*

Отпечатано в типогр. Огиза РСФСР
треста „Полиграфкинга“, г. Сверд-
ловск, Банковский пер., № 3.

ЗНАТЬ ПРЕКРАСНУЮ НАШУ СТРАНУ!

Ежедневно центральные и местные газеты пестрят многочисленными сообщениями об экспедициях, походах, перелетах. Тысячи советских людей на самолетах и ледоколах, автомобилях и глассерах, велосипедах и байдарках и, наконец, пешком преодолевают необъятные пространства нашей великой страны. Они двигаются по большим трактам, узким проселочным дорогам, бурным морям и многочисленным рекам. Они спускаются в долины. Они смело поднимаются в горы, ввысь, преодолевая невероятные трудности, взбираются на голубые пики Памира, алмазные вершины Казбека и Эльбруса, величественный Тянь Шань, маящие утесы Алтая.

Многие трудящиеся используют свой очередной отпуск, чтобы принять участие в экспедициях и походах.

Откуда такой необычайный интерес к туризму, к путешествиям у молодых, да и не только у молодых, граждан нашей страны?

Мы знаем, что и герои Жюль Верна и Майн Рида, капитана Маризетта и Джека Лондона, люди другой эпохи, другого общественного строя так же были охвачены горячкой путешествий.

Что их влекло?

Жажда авантюристических походов, стремление покорить, завоевать чужие земли и народы, погоня за личным обогащением и славой.

Иными побуждениями руководствуется советский человек. Пролетарии, колхозники, интеллигенты обрели после великого Октября подлинное отечество. Их родина, первое и пока единственное пролетарское государство в мире, занимает шестую часть земного шара. Удивительно ли, что они, советские люди, жаждут ближе, глубже познакомиться со своей прекрасной страной, стремятся познать свою обновленную, цветущую родину!

Растет страстное желание узнать природные богатства, климат, экономику, культуру, обычаи и нравы многочисленных народов, населяющих Советский Союз.

В каждом крае вы встретите сотни людей, с большим усердием изучающих свои родные места. Они пылко заглядывают в их историю, неутомимо роются в памятниках и архивах, настойчиво стремятся раскрыть их недра.

Прошло уже то время, когда в краеведческую работу смотрели, как на чудачество. Сейчас почти все понимают, что дело это серьезное, полезное. В нашей необъятной стране, где идет невиданное социалистическое строительство, изучение природных богатств немислимо без привлечения широких народных масс.

Тысячи разведывательных партий и групп исследуют недра Советского Союза. Их неутомимая работа уже дала свои результаты. Доказано, что нет в мире страны более богатой минеральным сырьем, чем СССР. Советский Союз и здесь, в мировом балансе минерального сырья, выходит на первые места, догоняя и обгоняя по установленным запасам капиталистические страны.

Неисчерпаемы недра советской земли. Руда и уголь, нефть и золото, торф и марганец — все это лежит под нашими ногами. Но чтобы эти богатства поставить на службу социализму, необходимо их тщательно разведать, подсчитать.

Капиталистическая организация производства ведет к хищнической эксплуатации недр. Только социалистический общественный строй с максимальной целесообразностью распоряжается богатствами недр.

Весь трудовой народ нашей родины кровно заинтересован в том, чтобы быстрее отвоевать у природы великие богатства, которые она скрывает.

Эта задача не может быть выполнена силами одних специалистов геологов. Нужно увлекать на это поистине прекрасное дело миллионы рабочих и колхозников, служащих и учащихся. Имена советских людей, открывающих для нашей страны новые богатства, должны быть известны всему Советскому Союзу.

Помочь трудящимся нашей страны познать богатства своего отечества—какая благодарная задача! Ученые и литераторы, путешественники и артисты, инженеры и художники должны напрячь свои усилия и помочь советскому человеку ближе познакомиться с историей, природными богатствами, разносторонней социалистической культурой многонационального Советского Союза.

На школьной скамье детей обучают географии. Нужно бесспорно добиться, чтобы школьники блестяще знали эту дисциплину. Но может ли один учебник удовлетворить пытливого ум ребенка, дать ответ на все возникающие в детском сознании и относящиеся к жизни нашей страны вопросы?

Конечно, нет.

Необходима разнообразная детская и юношеская литература, где бы в яркой, увлекательной форме были показаны природные богатства, культура, быт различных районов Советского Союза.

Людам нашей страны одинаково дороги, одинаково близки Красная Москва и далекая Ойротия, нефтяной Баку и Новый Комсомольск-на-Амуре, заполярная Чукотка и субтропическая Абхазия.

То немалое, что издано в области этнографической литературы, с восторгом встречается и „зачитывается“ нашими молодыми, да и не только молодыми, читателями.

Почему нет волнующих романов, повестей и поэм, воспевających незаметных, скромных героев-разведывателей, геологов? Ведь они, эти люди, творят воистину великое дело. Ведь среди них есть тысячи мужественных, волевых, беспредельно преданных социализму, партии Ленина—Сталина людей.

Советский Союз—великая братская семья народов. Однако быт, культура многих народов еще мало известны, недостаточно изучены.

Известно, что только после съезда писателей миллионы наших читателей начали знакомиться с такими старейшими

литературами, как грузинская, армянская.

Известно, что последние гастроли некоторых национальных театров в Москве „неожиданно“ показали высокий класс искусства у многих народов Союза.

Успехи национальных по форме и социалистических по содержанию культур уже не должны удивлять. После Октября прошло около восемнадцати лет. У всех народов, населяющих Советский Союз, выросла своя литература, свое искусство. Пора, чтобы советский человек, где бы он ни жил, мог познакомиться с этими культурными богатствами.

Советское кино заслуженно пользуется всемирной славой. Оно дало фильмы, которые войдут в сокровищницу человечества. Но, вечно греха таить, наши киноорганизации еще очень мало делают, чтобы познакомить советского зрителя с его страной. Может быть, такие „видовые“ фильмы не интересуют зрителя? Успех недавно выпущенного фильма „Золотое озеро“, картины, впервые показывающей героическую борьбу советских золотоискателей в новых, неразведанных районах, это опровергает.

Кино—не исключение.—„Почему так мало этнографических очерков в нашей печати?—справедливо жалуется в письме в „Правду“ учительница Григорьева.—То, что мне приходится читать в журналах, скажем, о народах Средней Азии, поверхностно и отдает дешевой экзотикой“.

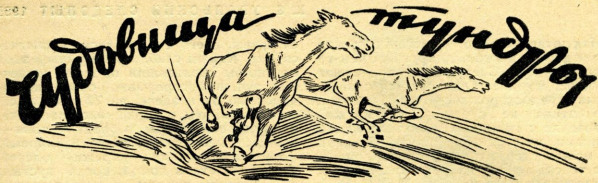
—Почему так мало выставок, стационарных и передвижных, показывающих историю, экономику, быт, культуру различных частей Советского Союза?—добавим мы.

Любовь к родине—чувство не отвлеченное. Оно находит свое выражение в глубокой привязанности к городам и селам, колхозам и предприятиям, школам и музеям нашей страны.

Моря и горы, долины и реки, изумительные пейзажи, разнообразная флора и фауна, богатейшие недра—все это дорого сердцу советского человека. Любовь к социалистической родине будет еще во сто раз сильнее, если мы будем знать свою прекрасную страну.

Поможем советским людям познать свою родину, самую радостную, самую счастливую, самую страну мира!

„Правда“.

Ямальский рассказ В. КОЗЛОВА

Первое появление чудовищ

С середины июля на Ямале установилась отличная летняя погода. С Обской губы льды ушли в Карское море. Даже в самых глубоких ущельях и оврагах снег стаял.

Старые охотники предсказывали богатую добычу, а у юных охотников-ненцы Ермини и Ячики дело не ладилось. Мальчики в третий раз ставили петли. Две предыдущих попытки вышли неудачны. Осторожные гуси и гаги во время распознавали хитрые замыслы и переходили на новые пастбища.

— Гляди в оба. Не проворонь, — покрикивает изредка Ермини младшему товарищу. — Не глазей по сторонам. Лететь должны с бухты. — Ермини трудно говорить: у него во рту все сто двадцать петель. Правая щека вздулась пузырьем.

Петли сделаны из сухожилий оленьих ног, у них сладковато-соленый вкус и во рту они набухли, стали клейкими. Они тонки, как волос, и так крепки, что птице легче вырвать ногу с мясом, чем оборвать такую петлю. Тут вся штука — выследить птичье пастбище, замаскировать петли в траве и укрепить попрочнее колышки.

Ермини посапывает носом, выскидывает места, где трава пышней, а мох как можно тоньше. Быстро и ловко мелькает деревянный молоток. Проверив крепость вбитого колышка, мальчик вытягивает изо рта петлю. Глаза скашиваются, белки выворачиваются, похоже, будто он хочет кого-то напугать страшной рожей.

С вершины бугра перед Ячики открыт широкий простор. Тундра уходит из глаз волнистыми увалами, постепенно повышаясь к западу. Она вся зеленая,

вся в живых и нежных оттенках трав, мхов, осоки. От серебристо-изумрудного ягеля, до темно-оливковых ползучих лишайников — разбросаны все мыслимые тона зеленой окраски.

Кое-где в низинах стоят тихие озера. Их чистая гладь блещет на солнце, как зеркальное стекло. Кочковатые болотца курятся на пригреве чуть заметным паром. И только небо тусклое, мутное и низкое. Даже в такие яркие дни оно хмурится, словно готово без туч и облаков заплакать дождем. Настоящее полярное небо, без признаков голубизны.

— Летят, летят! — взвизгивает вдруг Ячики и кубарем катится с крутого бугра.

— Беги! Живо! — командует Ермини. — Да не по траве, не по траве! Вниз беги, по ручью!

Путаясь в длинных полах малицы, Ячики мчится по дну песчаного оврага, который разделяет две возвышенности. Ермини поспешно уничтожает следы работы, расправляет траву, окидывает последним взглядом расставленные петли. Кажется, на этот раз ладно. Только коленками чуть-чуть примята трава, но без этого не обойдешься.

Остановились за третьим бугром.

— Сбегай-ка, погляди оленей, — приказывает Ермини, а сам потихоньку взбирается на холм.

Лежа на мшанике, он внимательно следит за гагами и гусьями, летящими с Обской губы. Там начался полуденный прилив, прекратилась ловля добычи, и птица возвращается к гнездам и пастбищам. Жирная и неповоротливая, она должно быть здорово наглоталась рыбы — лет низкий и грузный, по тихой тундре несется шум от широких крыльев.

Над потаенным своим пастбищем гуси и гаги делают несколько кругов, о чем-то переключаясь. Следующие подлетают по паре, по две. Они садятся с меньшими предосторожностями. И оттого, что птица не суется, не кружит в воздухе с громкими взволнованными криками, не стремится прочь — Ермини не может сдержать довольного смеха. Уж теперь-то он надует этих важных толстяков и толстух!

— Олени лежат у нарта, — говорит вернувшийся Ячики.

— Завтра будем есть гусиную похлебку, — с достоинством старшего оповещает Ермини, однако не умеет скрыть бурного восторга и, опрокинувшись на спину, дрыгает ногами, гримасничает, хохочет.

Схваченный за ногу, Ячики шлепается на траву. Начинается возня. Ермини значительно сильнее, но и Ячики тоже ненец. Его маленькая пятерня цепка, как у медвежонка, движения быстры и ловки.

В тяжелых меховых малицах оба вспотели и запыхались. Потом, развалившись на припеке, Ячики деловито спрашивает.

— Сколько поставил петель?

— Надо сосчитать.

Петли все еще у Ермини во рту. Одну за другой он вытягивает их и аккуратно складывает. Оказалось сорок две. После долгих вычислений при помощи пальцев, мальчики уточняют: поставлено 78 петель.

— Сколько же теперь попадется птице? — загадывает Ячики.

— Да уж с десяток, не меньше.

— Ого! Вот это здорово!

Ермини засовывает в освободившийся рот щепотку табаку и жует, сплевывая коричневую слюну. Ему одиннадцать, он уже начинает самостоятельно пасти оленье стадо — он почти взрослый ненец.

Какое наслаждение повалиться на толстом мягком мшаннике, нагретом летним солнцем!

Ямал на всем необъятном своем просторе безмолвствует, но это безмолвие до краев наполнено осмысленной жизнью. Солнце шлет скупое тепло в косых лучах чуть ли не с самого края горизонта. Оно не в состоянии высоко подняться, но зато оно и не заходит два месяца кряду — это изумительное полярное солнце. К нему тянут-

ся травы, в его слабой ласке курчавятся мхи. Как ни слаб, как ни удален этот словно бы скользящий по земле солнечный луч, но непрерывной своей настойчивостью он и здесь, на 72 градусе северной широты, раскрашивает простенькие тундровые цветы в бледные тона — розовый, желтый, голубой, лиловый.

Ребята оправляли упряжку оленей, собираясь ехать домой, когда пустынную тишину тундры пронизал звонко вибрирующий, протяжный звук. Несколькими долями секунд он бился над холмами и озерами, громяхая далеким эхом в ямальных предгорьях.

Ермини, возившийся с оленями, в недоумении глядел на крутой бугор, из-за которого несся звук. Ничего похожего он в жизни не слышал!

Звук повторился, заметно приближаясь.

Изумление сменилось страхом. Олени сбились в кучу и настороженно вытянули шею. Глаза маленького Ячики широко открылись, он дрожал всем телом.

— Что это, Ермини? Что это?

— Молчи...

Звук пронесся в третий раз уже совсем близко. Пронзительный, режущий, несильно громкий, он походил то ли на злобный рев, то на бешенства визгливый и срывающийся, то ли на вопль иступленного отчаяния. В вековом покое полярной пустыни это было необычайно, вызвало жуткую дрожь.

— Дух! Злой дух! — шептал, трясась от испуга, Ячики.

— Молчи, — шопотом говорил Ермини. — Стой у оленей, а я выгляну...

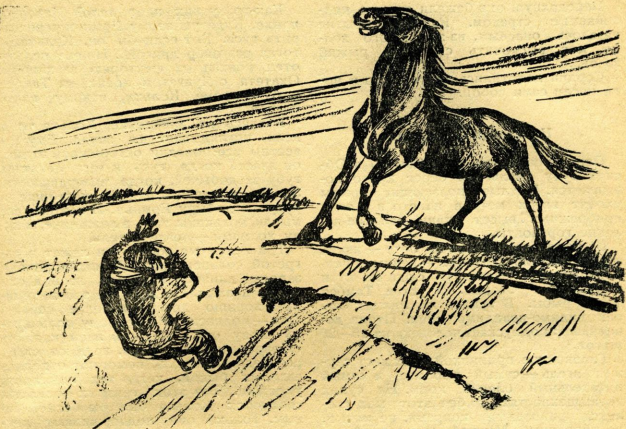
Олени застыли в напряженной готовности умчаться куда глаза глядят.

Ермини осторожно двинулся вверх по скользкому от крутизны холму, но не успел ступить нескольких шагов, как на гребень выскочил огромный рыжий зверь с свирепой-страшной мордой.

У оленей выкатились глаза. Взметнувшись, упряжка понеслась в бешеной скачке. Ячики упал лицом в траву, издав короткий визг.

Только Ермини стоял, одеревянев от ужаса. Хотел бежать, спастись, но ноги будто вросли в землю...

Сверкая круглыми горящими глазами, зверь готовился кинуться на мальчика. И вдруг, оскалив чудовищные зубы, он с дикой пронзительностью закричал. Это был тот же самый скрежещущий полувизг-полукрик, но

Ермини не вынес испытания и, схватившись за голову, упал.

удесятеренный по силе и свирепости, брошенный прямо в лицо жертве.

Ермини не вынес испытания. Охватив голову руками, он свалился и покатился кувырком с крутого бугра вниз.

На дне впадины, уткнувшись лицом в мокрый мох, Ермини недвижно лежал, боясь дышать. В голове мелькала мысль: „Авось, не тронет! Медведь, говорят, мертвых не трогает. Обнюхает — и уйдет... Авось, этот так же... Обмануть... Притвориться!“

Обычная нерушимая тишина тундры длилась бесконечно. От неподвижности заглохло шею, потом все тело.

Сдерживая дыхание, замирая от страха, Ермини выглянул из-под руки — никого. Он привстал и огляделся.

Зверь исчез.

Тогда мальчик вскочил и проворно полез на вершину холма. Открылись дали во все стороны, но сколько он ни всматривался, не было даже признаков страшного чудовища. И оленей не было видно.

Внизу жалким свернувшимся комочком лежал Ячики.

Подойдя вплотную, Ермини услышал, что тот тихонечко по-щенячьему скулит.
— Вставай! Никого нет... Бежим скорее в чум!

Ячики сел. Его мышиные глазки в слезах и все еще открыты шире обыкновенного. По лицу растерта грязь.

— Вставай же! Гляди, он вернется и сразу слопает. Ты у него зубы видел?

Ячики ничего не видел. Он вскрикнул отчаянней и снова принялся размазывать по лицу грязные узоры.

— Ну, идем. Не реви, как девчонка!

— А нарты где же?

— Ого! Олени умчались пулей. Наверно, они уже дома. Бежим, брат, скорей!

С высоты холма они внимательно осмотрели восток. Там, близ берега Обской губы, стояли их чумы.

Путь был свободен.

Подоткнув малицы, мальчики пустились во всю прыть. Когда взбегали на бугры, то приостанавливались и зорко оглядывали тундру.

Она необозримо стлалась во все стороны и мледа под солнцем в вековечном покое.

Передохнув, они бежали дальше, подгоняемые страхом. Каждое укрытие казалось опасным, из-за любого холма мог выскочить свирепый рыжий зверь...

Сердца колотились часто-часто и ноги несли сами собой.

Нападение чудовища

Перед впадением реки Тамбей в Обскую губу ямальский берег круто повышается. Рыхлае оползающие обрывы уходят вверх метров на сто и с этих прибрежных высот видны далекие-далекие горизонты.

В короткое полярное лето — июль, август, начало сентября — ненцы-кочевники не прочь заглянуть сюда по пути к Большим Озерам. В устье Тамбея много рыбы. В тундре на мелких озерах видимо-невидимо дичи. Птица доверчивая: подпускает человека на 15—20 шагов.

Главной же приманкой этих мест служит ягель — самый любимый и самый питательный олений корм. На сухих возвышенностях Тамбея этот мох стелется привольными коврами, не мятый, не топтанный. Нежнейшей матовой расцветки, тонко-ажурного рисунка, он так пленительно красив, словно его нарочно сделал художник-ювелир, потратив на странную эту прихоть бесчисленные изумрудные богатства.

И в этих широтах нет ни комара, ни овода, ни мелкой мошкеры — грозы и бича оленьих стад.

В нынешнее лето на высокоом тамбейском берегу поставили свои чумы три ненца: Яунгат, Серпиу и Окатета — родовые ямальцы. Их соединенное стадо в полторы тысячи голов пасется на ближних холмах. Олени неотрывно и сосредоточено отбирают губами только самые нежные ростки ягеля, только весенние молодые побеги. Мох так обилен, что съедать его до корня нет нужды. Спокойно и деловито животные нагуливают жир и силу. В длиннейшую полярную зиму они живут вироголодь: из-под снега добывать ягель и трудно и долго.

Колька Серпиу увел стадо километров за десять от чумов. Сегодня ему хочется быть поближе к тому месту, где Ермини с Ячки ставят петли на гуся и гагу.

Как-то у них идет дело? Наверно, плохо. Куда уж этому Ермини перехитрить гуся. Вот если бы он, Колька, — тогда разговор другой!.. Но ему нельзя: отец поехал на фабрику за хлебом. Окатета с Яунгатом ловят на Тамбее рыбу — кроме Кольки, некому пасти оленей.

Ваяясь на мшаннике, Колька то и дело поглядывает на запад. Ему известны все повадки осторожной птицы, он знает, когда гусь и гага летят на губу за добычей, когда возвращаются. Это он выследил птичье пастбище и уступил добычу Ермини. И поэтому все мысли колышки там, в ложбинке, между холмами — возле петель.

Три лохматые собачонки лежат в нагретой солнцем траве. У них мордочки заросли длинной шерстью, на вид они дикие и злые. На деле же это послушные, хорошо дрессированные собаки. Они — подпаски. По первому колыкиному слову они с звонким лаем кидаются заворачивать оленей, не дают стаду разбредаться врозь, помогают отделять ездовых быков, когда тех ловят для упряжки. Без этих грязных косматых собачонок Колька был бы беспомощным. Только они поддерживают дисциплину стада, только благодаря им полторы тысячи полудиких животных послушно идут в любую сторону.

Вот, наконец, с Тамбейской бухты полетели первые пары гусей и гаг. Колька заволновался. Успел ли Ермини? Сумел ли он поставить петли? А что как опять проворонил? Эх, если бы он сам!..

Кольке лишь 14 лет, но сколько он переловил разной тундровой птицы! Гусей и гаг — петлей, уток на мелких тундровых озерах — рыбацкой сетью, глухих куропаток — простыми силками.

У Кольки природное охотничье чутье и зоркий верный глаз. Еще десятилетним малышом он бил в лет снегирей и маленьких куличков из отцовского ружья. Теперь у него свое ружье: без оружия нельзя охранять стада.

За Сандо Серпиу — отцом Кольки — установилась слава одного из лучших охотников на Ямале, и своему сыну он передает все свое знание тундры, все секреты охотничьего искусства, всю остроту чутья и слуха.

Для Кольки в тундре нет тайн. По каким-то едва уловимым признакам, по чуть слышным шорохам и запахам он угадывает близость волка, находит

потаянную нору песка, безошибочно опереждает запутанный и хитрый ход росомахи.

Родной чум гордится своим Колькой. И уж, конечно, он на месте Ермини не упустил бы ни гусей, ни гаг. Завтра женщины и дети всех трех чумов драли бы гагачий пух — драгоценнейший товар, за который фактория платит по 80 рублей килограмм. И во всех котлах варилась бы жирная пахучая гусятина...

Колькины размышления были прерваны появлением из-за дальних увалов оленьей упряжки. Олени скакали, слома голову, и юный охотник без труда определил, что нарты пустые, а упряжка та самая, на которой уехали Ермини и Ячики.

С разбега ездовые быки ворвались в середину стада и стали. Их была мелкой дрожью, бока ходили, словно кузнечные меха. Было ясно, что животные чем-то сильно напуганы.

Кольку это происшествие несколько не встревожило, а лишь развеяло. Он знал, что в тундре нет более робкого и пугливого существа, чем олень. Упряжка может испугаться собственной тени и, сорвавшись, нестись быстрее птицы до полного изнеможения. Волноваться, следовательно, не из-за чего, а вот что Ермини упустил оленей и теперь ему придется шагать пешком добрый десяток километров — это потеха. Горе-охотник! Еще пробует соперничать с ним — Колькой! То-то будет смеха в чумах!

Некоторое время спустя, вдали показались Ермини и Ячики. Они спешили. Колька в ожидании благодушно посмеивался.

Но, вдруг, слева из-за холмов вынесся на простор громадный чудовищный зверь. С громким пронзительным ревом он кинулся прямо к стаду. Яркая шерсть в белых и рыжих пятнах блестела на солнце. Делая огромные быстрые прыжки, зверь словно летел по воздуху.

Олени, вытянув шеи, на секунду застыли, а затем, сбиваясь в кучу и теснясь, стадо бросилось к чумам. От стремительного топота нескольких тысяч копыт загудели тамбейские бугры...

Колька в первый момент растерялся. Зверь скакал с сказочной быстротой, потрясая тундру зловещим ревом,

Бежать было невозможно, укрыться нигде. С решительностью отчаяния Колька схватил ружье и выстрелил. До зверя было не меньше километра, заряд предназначался для случайной птицы и состоял из мелкой дробы. Пустынный Тамбей ахнул, словно от громового удара.

Колька с лихорадочной поспешностью вставил боевой патрон. Их он брал на случай встречи с волком или с росомахой, и теперь у него взволнованно билась в голове одна мысль:

— Пуля мала! Такого огромного зверя не свалить!

В это время с противоположной стороны, из долины, скрытой волнистой возвышенностью, донесся такой же страшный и пронзительный рев. Второй зверь, весь рыжий; словно литой из золота, мчался по травам, развевая длинный пышный хвост.

Колька опешил. Спасения не было. Если бы даже ему удалось свалить пулей одного, то сменить патрон он, конечно, не успеет.

Звери, блистая яркой шерстью, оглашая тундру несслышанным ревом, неслись один к другому наперерез между Колькой и возвращавшимися Ермини с Ячики.

Уставшие и потрясенные, те не пытались ни спастись, ни защищаться. Припав друг к другу, они замерли в траве.

Колька лишь мельком успел взглянуть на них, и вся его растерянность, весь страх разом исчезли. С ружьем в одной руке, придерживая другой боевые патроны, трясиная за пазухой мальчишки, он кинулся навстречу зверям. Шагах в двухстах присел и выстрелил в рыжего с колена, почти не целясь.

Звери прекратили рев и стали, как вкопанные.

Путаясь в полах, Колька бежал прямо на них, заряжая на ходу ружье, не издавая ни звука.

Полярная пустыня не любит шума, и мужественному, уважающему себя нецзу не подобает нарушать тишину.

И вышло потрясающе просто: звери не выдержали колькиного натиска. Прижав уши и распутив по ветру хвосты, они кинулись в тундру...

Колька пустил вдогонку пулю. Гулкое эхо холмов громыхнуло в ответ далекими перекатами.

За увалами звери скрылись из глаз.

Переполох в становище

Устье реки Тамбей теряется в широком просторе обского мелководья. Зыбкий песчаный грунт неустойчив. Свирепые полярные штормы перебрашивают русло с места на место. Путь реки запутан и изменчив, подобно бегу хищной росомахи, боящейся проторенных дорог и постоянно заматающей свой след.

Яунгат и Окатета в утлых крошечных калганках тихо подвигались навстречу течению.

Калганка — словно юла. Сохранить на ней равновесие труднее, чем на велосипеде. Но ненцы будто срослись с лодкой: стоя во весь рост, они искусно и равномерно гребли двухлопастным веслом то справа, то слева.

У мыска на повороте реки еще с вечера поставлены сети. В траве спрятан укрепленный конец прогона. Яунгат отвязал его и потянул. Рыбазаволавалась, сеть с силой дернулась в глубину. Ненец уперся ногой в берег, на помощь подошел Окатета.

В три сетки попалось до ста килограммов рыбы. Главным образом, это средняя селедка и корюшка, но в общей массе выделяются крупные максуны, чирь, налимы.

Метровый чир яростно бил хвостом, не желая сдаваться. Его светлая чешуя похожа на отполированное серебро. Брошенный на дно калганки, он еще долго бушевал, а затем успокоился, широко открыв рот и ловя воздух.

Прилив постепенно нарастал. Вода напирала из губы, боролась с речным течением. Речные потоки, не умея осилить друг друга, кое-где вертелись воронками, образуя водовороты. Река сердилась и урчала.

Тамбейская бухта стелилась широчайшим разливом. Огромное пространство отмелей покрылось водой, и на тихой глади виднелось только два маленьких зеленых островка.

Ненцы тронулись в путь. Под тяжестью рыбы и человека калганки низко осели, и издали было похоже, словно Окатета и Яунгат идут по колено в воде.

Направление взяли к тому месту, где береговые обрывы расступились, давая проход долине, полого спускавшейся к губе.

Когда до берега оставалось не больше сотни метров, из долины вдруг

хлынули олени. Впереди мчался рослый бык-вожак. За ним безудержной лавиной неслось ошалелое стадо. Телята не поспевали за матками и растянулись на добрый километр.

Не остановившись, вожак кинулся в воду. Полуторатысячная масса животных взбила вихри брызг, вспенила бухту и развела волну. Головной бык направился к ближайшему островку, манявшему яркой зеленью.

В попадавших изредка складках дна телятам приходилось плыть. Истомленные дальним бегом, с выпученными от испуга глазами, они беспомощно барахтались и захлебывались.

— Пешки погибают! — крикнул Окатета Яунгату.

С ловкостью цирковых акробатов ненцы юлили на своих калганках во все стороны, выхватывая пешек (телят) то за шею, то за уши, за маленький мяткий хвостик.

Не удержав равновесия, перевернулся с калганкой сначала Яунгат, потом Окатета. Улов погиб. Полуживая рыба очутившись в воде, в первый момент плавала на поверхности вверх брюхом. Потом, очнувшись, уходила в глубину.

Три лохматых собачки были тут же. Панику стада они прекрасно изучили. Главное — не отстать! Нестись и выбиваться из последних силенок вплоть до той минуты, когда олени остановятся и придут в себя. Тогда, успокоившиеся и покорные, они послушно пойдут обратно к чумам, под командный лай и шустрюю беготню своих косматых подпасков.

На островке стадо остановилось. Вокруг раскинулась необозримая водная равнина. Быки успокоились и улеглись. Важенки бродили у берега и обнюхивали выходивших из воды телят, разыскивая каждую своего. Мокрые и дрожащие, те тыкали мать в брюхо и жадно припадали к сосцам.

Ненцы обсушивались, подставляя солнцу то один бок, то другой.

Происшествие их не на шутку встревожило. Что могло испугать оленей среди белого дня? Куда девался Колька? Неужели он осмелился бросить стадо на произвол судьбы? Такое преступление в ненецком быту было немислимое!..

Однако болтать, чесать языки мужчине непристойно. Окатета и Яунгат

Их поразили огромные следы, оставленные лапами неведомых зверей.

бродили вокруг своего стада молчаливые и угрюмые.

Начался отлив.

На берегу у обрыва показалась колькина фигура. Он что-то пытался кричать, махал руками. Потом появились женщины и дети. Повидимому, произошло нечто необычайное. Все население стойбища столпилось на берегу.

— Ты оставайся у стада и как только вода уйдет — гони его к чумам. Я поеду. Что-то там, кажется, не ладно, — сказал Окатета.

Едва он ступил на берег, как толпа женщин и детей окружила его и загалдела. Жена, мать, сестра и пять женщин из других чумов выкрикивали что-то о страшных зверях, о злом духе, о чертях. Ячнки, ухватив отца за малицу, захлебываясь, рассказывал:

— Бо-о лышущий! Рыжий весь, как огоны! Страшенный! Выскочил прямо на нас, да как зарычит! Злой-презлой! Зубы у него — во!..

— Волк что ли? Медведь? — с недоумением спрашивал Окатета.

— Куда там! Страшней! — убежденно заявил Ермини. — Волков и медведя я видел.

Только Колька Серпиу молчал. Ему удалось прогнать зверей и он был горд своей победой.

— Ну, идем к чумам. Сейчас Яунгат пригонит стадо, тогда сообща подумаем, что делать, — сказал Окатета.

Вода заметно спадала, обнажились песчаные мели.

По тундре двигались с опаской. Окатета и Колька шли впереди с заряженными ружьями и внимательно обследовали путь с каждой возвышенности.

Никаких чудовищ не встретили.

Позднее Окатета и Яунгат поднялись на высокий холм и уселись, зарядив рот большими порциями табаку. Тут же были и Колька с Ермини. На виду паслись олени, охраняемые собаками. Ненцы молчали. Они уже осмотрели тундру и их поразили огромные следы, оставленные лапами неведомых зверей.

— Говори, Колька, что ты думаешь? — спросил Окатета.

— Надо подождать отца.

— А если он задержится и звери нападут?

— Будем биться! — решительно заявил Колька.

Яунгат помалкивал. Он уже переговорил с женой и со старухой-тещей. Для него не подлежало сомнению, что все это шутки нечистой силы и нужно не воевать, а умиротворить злого духа какой-нибудь жертвой. Тогда все эти

чудовища сами собой исчезнут, и тундра опять станет свободной и доступной.

Окатуе тоже порядочно напугали женские росказни, но он боялся показать себя смешным и трусом.

„Жаль, что нету Сандо Серпиу,— думал он про себя.— Тот не верит ни в какую чертовщину и знает охоту на всякого зверя. Ведь надо же было ему в этот день уехать на факторию!“

Колька, после долгого молчания, заговорил, как настоящий охотник, достойный сын Сандо Серпиу!

— Пока отец вернется с фактории, мы разведем, сколько этих чудовищ и где они скрываются. Тундра нам известна. От отца им некуда спрятаться на всем Ямале.

— Кто же пойдет их разыскивать?— спросил Яунгат.

— А хоть я с тобой.

— Ого, нашел дурака! Знаю я, что это за звери!..

Колька не сдержал смеха. Его наполнило чувство гордости. Он не побоялся один выйти на зверей и обратил их в бегство, а этот взрослый ненец, хозяин чума и собственного стада,— явно трусит.

— Ты оставайся с Ермини и с женщинами караулить стадо и чумы,— сказал он, не скрывая пренебрежения,— а мы пойдем вдвоем с Окатуей.

Окатета крикнула. Что-ж, он, конечно, пойдет. Только того не хватало, чтобы этот мальчишка смеялся над Окатуей!

Солнце катилось по краю горизонта. Его тусклый диск, позволявший рассматривать себя невооруженным глазом, миновал крайнюю северную точку и незаметно подвигался к востоку.

Близилось летнее полярное утро...

Пегас и Рокот

Огромный лихтер выбросил из своих бездонных трюмов свыше тысячи тонн всевозможного груза. Песчаные береговые откосы покрылись бунтами муки в мешках, горами различных ящиков, бочек, тюков, корзин, рогожных кулей. Черным бугром громоздится куча угля. Как попало, на берег сплавлены и выброшены дрова, бревна, доски, балки, жерди — стройматериал разобранных домов и топливо для них на долгую полярную зиму.

Силач-пароход огласил прощальным гудком тишину ямальских берегов и ушел в бескрайнюю даль Обской бы, уводя на стальных тросах караульных лихтеров, барж, паузков и моторок. Люди и животные остались на берегу ждать советскую факторию в семисотых километрах от ближайшего поселения.

Пегас с Рокотом с шести утра до пяти часов вечера возили по глубокому песку кладь. Тяжеловесные бревна ложили при помощи круглых катков, прочие грузы перевозили на телеге.

Это были первые лошади и первые колеса на Ямале.

Когда возникла мысль забросить факторию лошадей, то старые полярники смеялись. Им это казалось нелепым. В полярной тундре — кони! Ни с чем не сообразно. Они утонут в топких болотах, они провалятся в бездонных снегах. Ими негде пользоваться. Они явятся в тундре таким же чудовищем, каким некогда казался бы белый медведь в центральной Африке!..

Но лошадей все же взяли, и они пришли весьма кстати.

Пегас — жизнерадостный меринок, игривым независимым характером. Лихтер вдруг запрыгать козой с вывертом забаловать, заржать и, выбрыкивая дом, повестись в тундру. Или побежит за кем-либо из хозяев, замочает голую — дескать вот я тебя! Женщины в таких случаях с криком удирают. Но никому не причинил вреда. Догониткиется мягкой мордой в шею или в руку, нюхает с храпком и спокойно отодвигается. К таким играм все привыкли. Он общий любимец. Ест из рук, любит хлеб не брезгует мучной болтушкой.

На факторию привезли еще десятка здоровенных ездовых псов. Они злы и прожорливы. В борьбе за пищу они готовы перервать друг другу горло и разтерзать любого врага.

Однажды Пегас ел из кормушки разрезанный хлеб, и как-то случилось, что один из факторийцев вблизи не был. Прикрыв от удовольствия веки, мерин не спеша, жевал и ворочал во рту липкий мякиш.

Внезапно две собаки кинулись к кормушке и атаковали коня, свирепо рыча ощерясь клыками.

Надо было видеть великолепное вооружение Пегаса. Не заржав, а грозно протрубив на всю тундру, он с такой силой рванул одного пса зубами, что

ат кубарем откатился шагов на десять. Долго визжал, выгибая шею и голову. Тогда в атаку ринулась вся собачья стая. Сволчьей яростью, не уступающие друг другу по росту и силе, они облепили оленя со всех сторон, прыгали друг через друга.

Испуганные факторницы поспешили бежать на выручку. Но Пегасу никакой помощи не потребовалось. Прижав уши, раскалил громадные плоские зубы, он справился с ревом на дыбы. Его тяжелые лапы били, как молоты, челюсти работали с молниеносной быстротой.

Олень решил в одну минуту. Три пса атаковали по песку, отчаянно визжа, остальные разбежались в паническом страхе. Рассеившись на безопасной дистанции, псы долго лаяли, и в лае слышалась сконфуженная трусливая злоба. Пегас не стал их преследовать, разом успокоился и вновь, прикрыв веки, стал жевать.

Где взрос и как воспитался этот изумительный меринок?

Свойственная лошадиной породе тупая покорность в нем странно уживалась с гневным и отважным протестом на каждое грубое насилие. Он безответно впрягался в хомут, с утра до ночи возил тяжелые грузы по сыпучему песку, работал до мыла под ременной упряжкой. Но когда возчик ударил его по крупу дубиной, то Пегас взбесился, разнес в щепки передок телеги, изломал оглобли и чуть не убил обидчика.

Обычно добродушный, даже ласковый, он умел порою быть неукротимо злым и мстительным. Свирепая и сильная ездовая собака Лысый укусила его однажды за морду, когда он был в упряжке. Это явилось началом настоящей войны. Вид Лысого приводил Пегаса в бешенство. С трубным ржанием он кидался на ненавистного пса, гонял его по тундре и вокруг факторийных строений. Испытыв крепость пегасовых зубов и копыт, тот не пытался сопротивляться, боялся показываться мерину на глаза.

Совершенно иным был Рокот. Тоже мерин, он по робости и безответной кротости не отличался от любой деревенской лошади. Собаки с диким восторгом гонялись за ним всей сворой и, однажды, загнав в топкое болото, чуть не загрызли. В этом, возможно, была месть всему конскому племени за обиды, нанесенные Пегасом.

Лошадей связывала великая дружба. Они выказывали признаки беспокойства при самой кратковременной разлуке, и особенно Рокот. Достаточно было Пегасу скрыться из поля зрения, как Рокот начинал обкладывать его. Сначала тихо, затем громче и громче.

Свою кличку он получил от факторийцев за оглушительный рокочущий голос. Его ржание неслось по тихой тундре необычайными раскатами и будило эхо в отдаленных ямальских холмах.

Под защитой Пегаса Рокот привык чувствовать себя в безопасности. Как только на него нападали собаки, он во что бы то ни стало стремился пробиться к товарищу.

Вечерами после работы лошадей отпускали в тундру пастись. Пегасу спутывали веревкой ноги. Пригнать его к фактории или взять на уздечку было трудней спутанного, чем Рокота свободного.

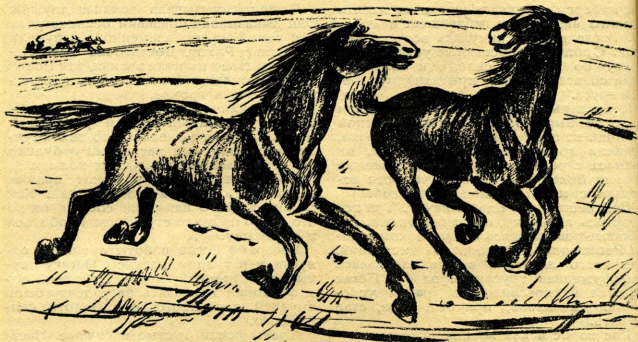
Травы росли густые и сочные. Наевшись досыта, лошади клали головы друг другу на шею и долго стояли неподвижно, прикрыв глаза. Их слух чутко ловил живые шорохи пустыни, их ноздри приятно шекотал знакомый запах сырого луга. Потом они находили самую теплую, защищенную от ветра, сторону холма и укладывались.

В каком-нибудь полуметре под травой лежит вечная мерзлота. Холод просачивается сквозь прочную лошадиную шкуру, пронизывает до костей. Он заставляет лошадей встать и усиленно двигаться.

Пегас с наслаждением побегал бы, порывался, подурил. Но у него короткие пути. Он в состоянии только прыгать обеими ногами сразу. Ему неловко и тяжело. Веревки трут и больно врезаются в кожу. Ножные пути сделаны с таким расчетом, чтобы лошадь спокойно паслась и набирала силу, а не растрчивала ее в пустой беготне.

Но случилось так, что в одну из ночей пути сами собой спали с ног. Коных небрежно закрепил узел, пути сначала ослабли, а затем одна нога освободилась.

Пегасу и раньше случалось уходить в тундру с свободными ногами, но то было среди дневной работы и прогулки допускались кратковременные. Он не успевал до-сыта наесть травы, опустевшее брюхо требовало пищи, уставшее тело хотело отдыха.

За этот день они отмахали километров пятьдесят.

У сытого Пегаса, всласть отдохнувшего, продрогшего от мертвящей полярной мерзлоты, явилась потребность бегать, согреться в движении. По привычке он взбрыкнул, взметнулся вверх, проделал несколько быстрых и ловких вольтов, разминая ноги. Шестилетнее тело, налитое силой, было крепко, как сталь. Пегас несся по травам и громко ржал Рокоту.

— Догоняй!

Они скакали долго с необыкновенной легкостью. Их перекликающиеся голоса оглашали тундру.

Открывались новые места, совсем непохожие на побережье губы. Путь пересекали овраги, промытые в почве весенними водами. Попалось широкое озеро с заросшими осокой берегами. Пока его обгнали, солнце дошло до востока и оторвалось от горизонта. Начался день.

Когда по телу разлилось приятное тепло и наружу проступила испарина, скачка перешла в рысь, затем в шаг.

Веревка на ноге волочилась, разматываясь и путаясь Задними ногами Пегас иногда наступал на нее, спотыкался. В конце концов она оторвалась и отпала. Ничто не связывало теперь Пегаса, абсолютно ничто не напоминало ему о тяжелой работе, о людях, о хомуте...

У него горели глаза и трепетали ноздри. Он то бросался в траву, катаясь по мягким мхам, вскидывая все четыре ноги вверх, то вскакивал, мчался вихрем, проделывая замысловатые прыжки и пируэты. Влекло все дальше и дальше, в простор зеленой пустыни. Он будто охмелел от свободы. Охватила небывалая дерзость, властно зовущая в даль, в бескрайние пахучие луга, навстречу неиспытанным опасностям.

Рокот не отставал. В его робком мозгу смутно теплилась тревога, и время от времени он опасливо оглядывался назад, в сторону покинутой фактории. Но Пегас уверенно вел его.

Этот первый день независимой свободной своей жизни они провели в беге, играх и еде. От обильной вкусной травы их животы стали тугими.

За этот день они отмахали километров пятьдесят, и было это не работой, а вольной, дружной игрой.

Дальше дни покатались один за другим, бездумные, стремительные. Питаясь доотвала, купаясь в озерах, резвясь и гоняя лодыря, кони мало-помалу делались неузнаваемы. Тело раздобрело, шерсть приобрела лоск, будто полированная. В солнечном свете на ярко-рыжего Рокота было больно смотреть. И глаза их стали другими. Куда девалось

выражение усталости, покорности, то-скливой обреченности! Теперь это стали глаза вольного зверя — быстрые, свер-жающие огнем дерзости и задора.

На пышных мшанниках, пригряте по-лярным солнцем, они врастающе спали, сколько хотели. И снились им чудес-ные сны: травы, травы, без конца и края луговые травы! Стелются они нарядным ковром, усыпанные яркими цветами, рос-систые, призывно-пахучие. Кругом раз-бросаны тихие озера, такие прозрачные, что на дне можно сосчитать все травин-ки, все камешки. Сверху, не опаяя, греет солнце. И от избытка благ, от пе-реполнившего ощущения воли не знают они за что приняться: есть ли, пить ли, мчаться стрелой навстречу вольному ветру или войти по грудь в прохладное озеро и притихнуть, рассматривая в зыб-ком зеркале отражение какой-то незна-комой лошади, тянущей свой холодный и мокрый нос к носу.

Просыпаясь, они видели продолжение тех же снов наяву.

Иногда же ясный день вдруг меркнул. Солнце скрывалось в мокрой мгле. С се-вера от близкого полюса налетал цик-лон. Буря несла туманы, рвала их в кло-чья, стегала дождем, как розгой. С ре-вом и стонами метались бешенные вихри по необозримой пустыне, пронизывая тела жутким холодом, наполняя сердце страхом...

Пегас и Рокот забывались тогда в глу-бокий овраг, тесно жались друг к дру-гу и переживали бурю, продрогшие и голодные. Циклон уносился в теплые широты, летнее солнце обогревало за-стывшую тундру, травы становились словно еще ярче, чище и краше.

Однако от тяги к людям, к жилию, ко всем привычным, впитанным с появ-ления на свет условия "домашней" жи-зни кони освободиться не могли. Ин-стинктивно они держались вблизи фак-тории. Иными ночами до них доносился лай собак, чуткий их нюх улавливал за-пах дыма. Будь Рокот один он давно бы уже смирился, покорно вернувшись в конюшню. Но Пегас неизменно уводил его в простор трав.

Подходил к концу август, давно на-чались темные ночи и делались холод-ней, особенно к утру, а кони все кру-жились возле фактории, то удаляясь ки-лометров на 100—200, то возвращаясь к самому берегу губы. Чутко прислу-шивались к знакомому шуму людского

жилья, втягивали нежными розовыми но-здрями привычные запахи человека.

Рокот был ленивей Пегаса, он больше спал, реже резвился, не любил без тол-ку носиться по тундре. Из-за этого не-редко случались разлуки. Рокот еще не мог проснуться, ему еще снились виде-ния, а Пегас давно пасся, бегал, выде-лывал свои замысловатые акробатиче-ские фокусы.

В таких случаях пустыня оглашалась неистово-тревожным ржаньем проснув-шегося Рокота и он носился по буграм и оврагам, разыскивая товарища.

Пегас отвечал не сразу: более само-стоятельный, сдержанный, он выражал дружба тише и холодней.

Частые встречи с оленями будили в конях инстинкт стадности. Они были бы не прочь затесаться в общую кучу и сой-тись поближе с этой ветвистой мно-гочисленной компанией низкорослых жи-вотных. Не только у Пегаса, но даже у Рокота они не вызывали опасений. Кони чуяли, что это мирное домашнее стадо. Но робость оленей портила дело. Вид громадных незнакомых зверей, их громкое ржанье наводило на них пани-ку. Приятельство не состоялось.

Конец Пегаса

Сандо Серпиу был первым ненцем, явившимся на новооткрытую факторию. Он привез для продажи песцовые меха и великолепную шкуру белого медведя, убитого нынешней весной. Ему продали хлеб, чай, табак, порох, новую мережу. Он внимательно, с практической делови-тельностью бывалого промышленника-ненца, рассматривал товары, привезенные фак-торийцами на Ямал. Мануфактура, ру-жья, посуда, готовое платье и белье, галантерея и парфюмерия ему были не в диковинку. Старый охотник, он видал на своем веку много советских факто-рий, не раз ездил в Салехард, побывал даже в самом Тобольске. От каждого товара он требовал прежде всего проч-ности, хозяйственности, добротного ка-чества. К внешней красивости, к лоску предлагаемых вещей относился подозри-тельно. Это то самое, чем когда-то ста-рались надуть иностранные заезжие кон-трабандисты наивного и простодушного ненца.

Факторийцы приняли гостя радуш-но, накрыли стол, потчевали чаем,

обедом, сладями. Угостили даже музкой.

Сандо вспотел, скинул меховую малицу, сидел за столом в новой, только что купленной сатиновой рубашке. Когда кончились деловые темы и беседа приняла домашний характер, начальник фактории пожаловался:

— У нас беда — сбежали две лошади.

— Здесь? На Ямале? — удивился Серпиу.

— Да, с фактории сбежали. Скоро месяц. И знаем, что где-то бегают поблизости, а найти не можем. Конюх однажды видел их с бугра, но у нас не на чем гоняться за ними по тундре.

— На Ямале, в тундре — лошади! — рассмеялся гость и во всем разговоре об этом приключении не переставал улыбаться.

Присутствие лошадей здесь, на „краю света“, казалось забавным. Лошадей он видел в далеких городах, но совершенно их не знал. Они ему казались тяжелыми, неповоротливыми, громоздкими животными, не подходящими для мягкой, мокрой тундры.

— Может быть они потонули? — высказал он предположение. — Забрались в болото и увязли.

— Нет, нет! — с уверенностью сказал начальник. — Они бегают. Мы слышим иногда их голоса. Пегас — умнейшее животное. Я знаю, они вернутся, как только наступит холода, но мне бы хотелось поймать их сейчас. У нас для них много работы. Найди их, Сандо.

— Тундра большая... — уклончиво ответил ненец.

— Для такого охотника, как ты, разве есть в тундре тайны? Про Сандо Серпиу идет слава до Омска и Урала!

Лесть пришлась по душе. Уезжая на следующий день с фактории, Сандо сказал:

— Я лошадей найду, но ловить их поедем вместе. Я не знаю, как с ними обращаться.

— А скоро?

— Завтра или послезавтра приеду с тремя упряжками. Может быть, тебе придется взять своих людей.

По дороге к чуму Сандо Серпиу остановился на высоком холме и долго осматривал тундру. День был яркий, сияло солнце, и в его лучах на самом краю горизонта ненец мерещилось какое-то блестящее пятно, золотое и сверкающее как солнечный блик. Оно пере-

двигалось с места на место и за далью трудно было опознать, что это такое. В высоких травах Сандо нашел следы. В больших глубоких ямках, оставленных копытами, скопилась вода. Взбредет же в голову привезти сюда лошадей! Здесь легкие олени со своими раздвоенными копытами местами вязнут по колено. Лошади в тундре! Вот потеха!

В чум он приехал в отличном настроении и, узнав о панике, произведенной двумя „страшными, свирепыми зверями“, принятыми за нечистую силу, долго хохотал. Яунгат и Ермини сконфужено краснели. Ячики стоял на своем:

— Ты бы поглядел сам, какие они домашние. Рычат, будто медведи, а зубы — во!

На следующий день, не дождавшись возвращения сына и Окаты, Сандо поехал на факторию с Ермини на двух нартах. Дул холодный вегер и по небу неслись темные облака, клубившиеся космами и местами опускавшиеся так низко, что вершинки холмов были окутаны густым движущимся туманом.

В низинах под полозьями длинных нарт хлопала вода. Никаких дорог или хотя-бы намеченных троп в тундре не было, но они и не нужны охотнику-ненцу. По каким-то едва уловимым приметам Серпиу уверенно гнал свою четверку быков. Они с правильными промежутками времени то неслись вскачь, то переходили в шаг, повинуваясь длинному легкому хорею. Эта легкая двухсаженная трость в руках охотника напоминала палочку оркестрового дирижера: он искусно владел ею, и олени с изумительной точностью выполняли каждое командное движение.

Несколько раз Серпиу останавливался, слезал с нарт, осматривал какие-то следы. В одном месте он нарочно сделал большой крюк в сторону. Пустынные холмы и девственные травы что-то поясняли острому глазу охотника, выдавали какие-то свои секреты.

Ехавший на второй упряжке Ермини догадывался, что Сандо ищет нужный ему след. Какой именно — он не знал, но твердо верил, что от охотника Сандо тундра ничего не скроет.

На одной из остановок он сказал:

— Вон за теми буграми расставлены наши пеглы. Я думаю, птицы попалося много.

Охотник усмехнулся.

— Гляди, всю не перелови — тундра без гусей останется.

— Что-ж, я петли не умею ставить, что ли? — обиделся Ермини. — Давай, заедем, посмотрим. Я уверен, что попадется не меньше пяти штук.

— Пожалуй, заедем, — согласился Сандо. — Если тебе поудачило, продадим птицу на фактории.

Они у подошвы обехали крутой бургор. Из котловины с громкими криками поднялась стайка гаг и гусей. В высокой густой траве прыгали и дергались крупные, жирные птицы. Некоторые махали крыльями, рвались в воздух и опрокидывались в траву. Крепкие оленьи сухожилия держали надежно, как стальная проволока.

— Ай-да Ермини! Молодец! — похваливал охотник, ловко связывая попавшихся птицам крылья.

— Вот это улов, я понимаю! Восемь штук — отличный улов! Это и бывалому охотнику не каждый раз удается.

Ермини смеялся и прыгал, сияя от счастья. Пять гусей и три гаги были уложены в нарты. Сначала они пробовали вырваться на свободу, вскакивали, хрипло гоготали. Но, измучившись, притихли, попарно связанные друг с другом.

Выделялся красивым и важным видом крупный гагагий самец. У него было пышное, блестящее перо и яркожелтый нарост на носу. Когда птица делала движение, нарост дрожал. Его яичная сверкающая окраска отливала глянцем. Было похоже, будто самец отлично понимал, что он красив, что им любят, а потому держался с напускным достоинством и чванством.

На фактории ненца уже ждали. Пока женщины угощали его чаем, начальник натянул болотные сапоги, взял ружье, сварядился.

— Как думаешь, Сандо, далеко придется ехать? — спросил он охотника.

— Километров тридцать. Лошади бродят между губой и озером Арро-то. Завтра мы их поймем.

— Как бы не убежали они от нас.

— Но ведь они же ручные? — спросил охотник.

— Что значит — ручные! С этим проклятым Пегасом разве справишься? Увидит погоню и пойдет наутек — попробуй его догнать.

Сандо снисходительно улыбнулся.

— От оленей, да еще таких, как мой, куда же ему уйти? Не беспокойся, догоним.

Охотник усадил с собой начальника, конюх с двумя уздечками ехал на нартах Ермини.

Рассвет застал их в дороге. Утро начиналось погожее. С мелких озер стайками поднимались утки. Громко крикая, старая птица обучала свои молодые выводки лету и охоте. Едва оперившаяся молодежь часто-часто махала крыльями и кричала тонкими голосами. Этой водяной дичи в тундре было видимо-невидимо: каждая пара дала за лето многочисленный приплод.

В одну из кратких оленьих передышек Сандо проговорил:

— Скоро мы увидим твоих лошадей.

— Откуда ты знаешь?

— Мы уже едем по свежим следам.

Начальник внимательно всматривался в траву, в мхи, но ничего не заметил. Когда стали подниматься на высокий холм, Сандо предупредил:

— Сейчас покажутся.

И действительно, как только с вершинки развернулась панорама, они увидели Пегаса и Рокота. Лошади мирно паслись, изредка отфыркиваясь от попадавшей в нос росы.

Конюх с уздечками в руках пошел к ним, подавая издала голос:

— Кось-кось-кось...

Лошади встрепенулись, подвняли головы. Рокот тихоенько заржал, приветствуя знакомого человека после длительной разлуки. Но Пегас, наострив уши, весь насторожился. В его сознании боролись, должно быть, разнородные чувства и соображения.

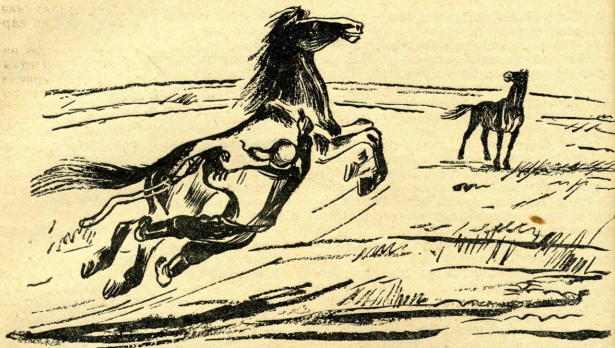
— Кось-кось-кось... — ласково приманивал конюх и потряхивал уздечкой. С другой стороны, старая не спугнуть, не выказать спешки, заходил начальник.

— Не пугай, — говорил он конюху. — Не торопись, спокойненько.

У Пегаса уши прижались к черепу. Он отвернулся от приближающихся людей, широко оглянул простор трав. Ноздри втянули луговой аромат, затрепетали. Он упрямо мотнул головой и тихо пошел прочь. Конюх прибавил шага и ровно настолько же убыстрил ход Пегас.

— Бери Рокота, — приказал начальник, но Пегас, словно угадав намерение людей, игриво взбрыкнул и громко на всю тундру заржал.

Рокот стоял в нерешительности. С одной стороны к нему неслись призыв товарища, уходящего неспешной рысью,

Рокот сразу рванул вскачь, и конюх шлепнулся.

с вывертами и прыжками, а с другой приближалась знакомая фигура конюха с ласковым „кось-кось-кось“ и с уздечкой, побрякивающей железными удилами.

— Кому отдаться?

— Бери! Чего мямлишь!— вскрикнул начальник.

Конюх быстро шагнул и схватил рукой за гриву. И в тот же миг раздался резкий вскрик Пегаса. Он остановился шагах в пятидесяти и ржал, кося блестящий глаз.

Рокот сразу рванулся вскачь. Конюх шлепнулся в мокрую траву. В его руке остался пучок конских волос. В следующую минуту лошади уже были далеко. С развевающимися хвостами, с веселыми короткими перекличками, они неслись по травам, легко перескакивая кочки и глубоко утопая копытами в мягких мхах.

— Ах, чортова скотина! Погоди, я тебе покажу!— кричал взбешенный начальник и грозил кулаком.

— Садись,— сказал Сандо.

— Теперь не догнать.

— На оленях-то! Садись, говорю.

Охотник издал характерный гортанный звук, упряжки с места взяли вскачь, и началось невиданное в тундре состязание.

Олени были приспособленней. Их тонкие сухие ножки с раздвоенными копытцами не увязали в мокрой почве. Они были значительно легче и резвей. Но нарты стесняли, заставляли тратить много силы.

Лошади вязли. Местами ноги уходили по колено в тинистое болото. Цепко путались полусгнившие косматые травы и ползучие водяные мхи. Большая тяжесть лошадиных тел совершенно не подходила к этим мокрым и зыбким ямальским просторам.

Сначала лошади легко и волюно уходили от преследования. Но Сандо недаром слыл лучшим охотником Ямала. Он знал тундру, ему случалось гонять быстроногих диких оленей и он изучил все тонкости искусства травли.

По его знаку Ермини со своей упряжкой стал заходить вправо, направляя лошадей к востоку. Тундра пошла вниз, к большому озеру Арра-то.

Травы поднимались все выше и пышней, а конские копыта вязли глубже и вырывать их становилось с каждой минутой трудней.

Лошади взмокли, с губ падала пена паха взмылились.

Ездовые быки, привычные к большому перегону, умевшие делать 80—100 километров без отдыха и пищи, не сбавляя

да. В этой бешеной скачке преимущество было явно на их стороне.

Но в критический момент, когда си-
коней подходили к концу, Пегас
руг изменил тактику. Он не обладал
отличным искусством Сандо, зато у
го были инстинкт четвероногого и
жда свободы. С громким сигнальным
таньем он повернул в пологорота
право и поскакал к югу, к виднев-
амся вдали холмам.

— Не пускай! Не пускай!— кричал
искураженный охотник.

Но Ермини ничего не мог поделывать.
а него вихрем мчались громадные,
рашные звери. Он упал в нарты, оле-
скакали никем не управляемые. Пегас
Рокот прорвались.

Повышаясь, тундра становилась суше,
г легче.

Сандо, стиснув зубы, погонял быков.
два мысль захватила охотника: до-
звать во что бы то ни стало! Затравить,
пгнать, взять измором этих тяжелых
громных животных! Нет, охотник Сандо
ерпиу не даст каким-то неуклюжим
ногопудовым зверям омрачить свою
хотничью славу!

Тундра шла суше и суше. Лошади
зяли направление к высокой вершине
олма и уходили от упряжки без вся-
их усилий. И, наоборот, по сухим низ-
им травам оленям становилось трудней
езти нарты. Все чаще и чаще Сандо
ускал в ход хорей.

И вдруг произошло нечто совершенно
неожиданное.

Когда лошади карьером неслись вверх
по крутому холму, с вершинки грохнул
выстрел. Скакавший впереди Пегас вски-
нул передние ноги, словно готовясь
проделать одну из своих акробатиче-
ских штук, но не удержал равновесия
и рухнул.

— Что такое? В чем дело?— спросил
в недоумении начальник.

Сандо молчал. Он уже заметил на
вершине холма притаившиеся фигуры
сына и Окатеты. Над ними курился и
таял дымок ружейного выстрела.

— Осрамили! Опозорили!— проноси-
лось в его голове.

Когда подъехали, Пегас умирал. Его
глаза подернулись тусклой пленкой, из
ноздрей вместе с воздухом булькали
пузырьки розовой пены. У подножья
холма остановился и застыл в напря-
женной позе Рокот. В тишине пустыни
внезапно взнеслось и долгим-долгим
призывом раскатилось ржанье.

Тело Пегаса дрогнуло, свелось судо-
рогой. Он оперся передними ногами
в землю и приподнялся. Глаза блесну-
ли, рот открылся для ответа товарищу.
Но звука не получилось. Меринок тихо
повалился набок и вытянулся. Глаза
меркли. Перед ним медленно и торже-
ственноплыли травы, травы, без конца
и края луговые травы.

ПО БЫСТРОЙ ВОЛЕ

Путевой очерк М. ЗУЕВА-ОРДЫНЦА

Фото Б. Рябинина

Эти строки писались при свете костра на ночных привалах, под могучей елью, прикрывавшей нас от дождя, в полутьме палатки, у яркой лампы в колхозной избе и просто в лодке, когда откладывались весла, чтобы взять в руки карандаш.

Дома, за письменным столом автор только слегка исправил эти строки. Не хотелось вносить в них сухую книжность и литературную надуманность. Автору хотелось бы донести до читателя в этих строках звонкий плеск чувовских струй, зеленый шум береговой тайги, треск горящих в костре сучьев и неторопливый говор чувовских колхозников, сплавщиков и лесорубов...

Первый день

Нас было четверо: автор, Кук, Раф и фото-художник, он же начальник нашей экспедиции. Пятым спутником нашим был эрдель-терьер Снукки. До Коуровки добрались в семь вечера. А когда спустились на станционный дебаркадер, поняли — вот теперь начало пути.

До базы ОПТЭ с нашим грузом, рассчитанным на двухнедельное плавание, пешком не добраться. Здесь же на станции начинаем подводу. Возница наш оказался одиноличником из Уткинской Слободы. Он недоволен всем на свете и ругает все, что можно обругать. Когда кто-то из нас спросил, много ли туристов плывет по Чусовой, он ответил раздраженно:

— Много их, лодырей, здесь шатается.

— А мы, папаша, тоже туристы,— сказал я, желая его смутить.

— Ну, значит, и вы лодыри! — не смущаясь и не меняя тона, ответил он.

Мы дружно расхохотались. Но слово это запомнили и оно впоследствии нам не раз пригодилось в нашем плаваньи.

Чахлая лошаденка, судорожно перебирая ногами по липкой грязи, вскарабкалась на невысокий холм. И перед нами открылся широкий вид на зачусовскую сторону. Уральские хребты длинными и невысокими увалами, спокойным и мягкими градами уходили к горизонту. Такие волны, негрозные и веселые, бьют на море после шторма. Садившееся солнце светило им в лоб, и они играли всеми цветами. Самые дальние хребты стояли почти черной грозовой тучей, следующие подернулись темно-голубой и фиолетовой дымкой, ближе к нам — нежно зеленели лесами, а совсем ближние были золотыми от послевающих яровых. Где-то там, вдали между этими яркими, цветистыми хребтами, бежала наша горная красавица Чусовая. И нас охватило волнующее чувство полета, захотелось крыльев, чтобы помчаться в этот простор, в эти красочные дали.

Но подвода наша вползла в улицу Уткинской Слободы, и померкли краски далеких хребтов. Слободская улица приотглыво извиваясь, сползла к какой-то небольшой мелкой речушке. Она струилась в отлогих берегах лениво, словно нехотя.

— Что за речушка? — спросил без интереса Кук.

— Чусова, — ответил коротко возница. Мы переглянулись ошеломленно. Эта смиренная речушка и есть та грозная Чусовая, которая в щепы разбивала огромные барки, за несколько часо

опила сотни людей, про которую сложена недобрая пословица — „на Чусовой протгись с родней“?

Не успели мы опомниться от первого удивления, как чахлая наша лошаденка бесстрашно вошла в воду и, бултыхаясь попытами по чусовским струям, поплелась к противоположному берегу. Раф поднял было ноги, но тотчас же опустил их. Вода еле-еле прикрывала копыта лошади.

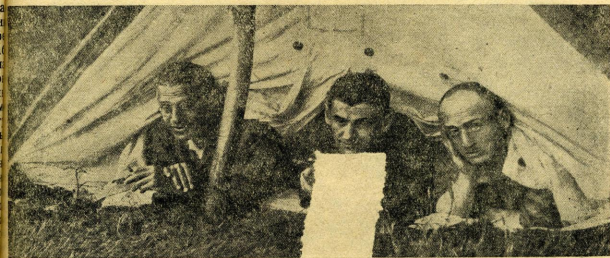
Это было первое наше „плавание“ по Чусовой, не вверх или вниз, а поперек ее, и не в лодке или на плоту, а в простой телеге.

За Слободой мы снова переехали Чусовую вброд. Тут Раф не выдержал, плюнул за борт телеги, сказал хмуро:

— Где же ваша хваленая Чусовая?

— Погоди, дальше лучше будет, — неуверенно пообещал Нач — начальник нашей экспедиции...

...База ОПТЭ расположилась высоко над рекой, на высокой скале. Эта скала — первый чусовской боец, который мы видим. Его название — „Собачьи Ребра“. Его скалы действительно ребрами, могучими каменными ребрами встали над рекой. На вершину Собачьих Ребер, к базе ОПТЭ, вскинулась бесконечная лестница. Кук, попытавшийся одолеть ее с грузом на плечах, выдохся на половине подъема и тотчас прозвал ее „миокардитной лестницей“. Он был прав, обвиняя ОПТЭ в том, что оно заставляет туристов неоднократно подниматься с тяжелым грузом по 103-м ступенькам.

Погодка не радует, не хочется вылезать

Слева направо: Кук, автор, Раф.

Заказываем двухведерный оптэвский самовар и отправляемся в базу чаепийствовать. За самоваром знакомимся товарищами по путешествию. Немецки рабоче с Уралмаша едут по Чусов по-семейному, с женами. С этой группой туристов мы за все время нашего двенадцатидневного плавания по горной части Чусовой держали тесную связь.

Вечером выхожу на улицу. С высоко Собачьих Ребер гляжу на Чусовую. Внизу дымятся первыми туманами туманная дала, в сумерках васильковая река. Уровень плещется в берег тихими, смелыми волнами, не спеша перепрыгивает с камешка на камешек на ближнем ребре. Где-же пенистый вал, летящий с глухим ревом и стоном, где б

азгул могучей стихийной силы? Или только в книге?

, грозной и страшной бывает Чусовесно. А сейчас лето, „межень“. Пешенно возвращаюсь на базу. И накрапывать дождь.

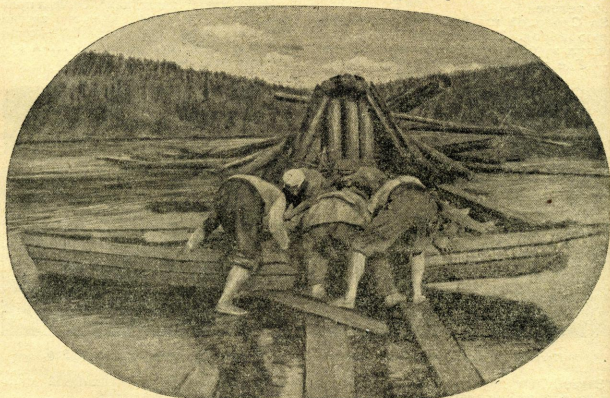
Второй день

железные низкие тучи обложили небо. Зсит мелкий, совсем осенний дождь. Значенно поникнув головами, расхлябываясь по койкам. Опять появляется на горизонте двухведерный оптэвский самовар. Перед обедом, выбрав минутку между двумя дождями, тренируемся в становке полученной со склада бабалатки. Она оказалась „горной“ темы. Это был настоящий ребус из

веревки, колеи, парусиновых полотнищ, марлевых окон. Кончилось дело тем, что Кук, окончательно спутанный веревками, запеленатый в полотнища, взмолился о пощаде. Остальные справедливо решили, что, когда это нам действительно понадобится, палатку расставить мы сумеем, и ушли, предоставив Куку одному распутывать палаточный ребу.

На обед варили на костре манную кашу. После городской пыли и духоты удивительно ароматным показался дым костра из еловых и можжевельниковых ветвей.

После обеда начальник, он же фотограф нашей экспедиции, пригласил нас вниз, на „верфь“. Наша лодка, наконец, готова. Блестя свежим тесом бортов, опоясанная по пазам черными лентами смолы, она, казалось, звала нас в дальнее плавание. Мы уперлись уже в корму, чтобы спустить ее на воду, но начальник сделал запрещающий жест, затем принял торжественное лицо и вытащил из кармана роскошный лодочный выпел. Медленно развернул его, и мы увидели: на красном поле вышит советский герб и рядом с ним любовь

Перетаскиваем лодки через „лесной двор“.

вышитая надпись: „Уральский Следопыт“. Вымпел, одетый на специальный флагшток, водрузили на носу лодки.

Небо было беспросветным. Отплытие откладывалось на неопределенный срок...

Чем занять время?

Вынимаем из рюкзаков предусмотрительно захваченную литературу о Чусовой. Из путеводителей узнаем об интересном прошлом Уткинской Слободы, той самой, которую мы вчера проезжали и строения которой видны из окон базы.

Невзрачная эта деревушка на семьдесят лет старше Ленинграда. Она ос-

нована в 1651 году. До ее основания здесь были юрты хантэ. Вытесненные отсюда хантэ в союзе с сылвенскими татарами не раз нападали на Слободу, сжигали ее, но она снова поднималась из пепла.

Чусовая в течение нескольких столетий была ареной ожесточенной и кровавой борьбы. Исконные народы Урала—хантэ, манси, башкиры, пермяки, татары долго сопротивлялись русским пришельцам.

Внезапные нападения, разрушения городков и деревень, увод в плен их

обитателей были здесь обычным бытовым явлением.

Первые русские поселенцы на берегах Чусовой ни на минуту не расставались с оружием. С ним спали, работали, пахали, сеяли, косили, не отходя далеко от укрепленных городков и сел.

Не напоминает ли это страници Фенимора Купера или Майн-Рида, посвященных такой же кровавой борьбе между белыми скваттерами и краснокожими индейцами? И если краснокожие племена имели своих прославленных вождей, то и у чусовских туземцев, отставивших свою независимость, были так же свои предводители, имена которых вошли по праву в историю — Салават Юлаев, прозванный царскими генералами „свирепым Салаватом“, Батырша, Кулук Салтан, Кихек и другие.

Многие уральские села, деревни и слободы основаны беглыми из западных русских областей. Примером этому и является Уткинская Слобода — одно из первых русских поселений на Чусовой.

С развитием горнозаводского промысла, в Уткинской слободе была заложена так называемая Турчаниновская пристань. Здесь грузились на барки изделия Сысертских заводов. Ежегодно Уткинская Слобода отправляла свыше 13.000 тонн грузов.

Это была самая неудобная из чусовских пристаней. Караван Сысертских заводов насчитывал более 50 барок, а причальная линия пристани была очень незначительной. Приходилось, поэтому, барки при погрузке ставить в несколько рядов. Они перегораживали реку, и караваны, идущие сверху, налетали на них. Крушения случались почти ежегодно.

Я и Нач бродили под вечер по запутанным улочкам Слободы. Не верилось, что когда-то здесь бурлила, клокотала пристанская жизнь. По улицам, заросшим травой, бродят лениво козы и свиньи, а на берегу реки одинокая корова уныло позвякивает боталом.

От бурной жизни, заливавшей когда-то эти берега, не осталось никакого следа даже в памяти местных жителей. На все наши расспросы о сплаве, о бывшей когда-то здесь гавани, они ничего не смогли ответить. Не знают. Не помнят. Не понах на их памяти было. Лишь после долгих попыток какой-то древний старичок показал нам на левом берегу Чусовой остатки гавани. Несколько гни-

лых, почерневших свай — вот все, что осталось от нее.

...Вечер коротаем в беседе с немцами. Говорим о колхозах, о русской деревянной архитектуре, о китайском актере Мей-Лин-Фане, об опере, о всем, чем угодно, лишь бы не говорить о погоде.

Третий день

Едва проснулся, побежал к окну и увидел — на востоке веселый краснощекый рождался день. Разбудил товарищей, заодно и немцев. Спешно укладываются вещи, пишутся последние письма. За столом тесно. Раф пишет открытку на донышке сковородки, положив ее на колени. Затем тащима вниз по „миокардитной лестнице“ рюкзак, мешки с провизией, свертки. Все это погружено в лодку. Немцы уже отчалили. Очередь за нами...

Начальник подтянул покрепче ремнем брюки, отпихнулся от берега и сказал: — Поехали, что ли!

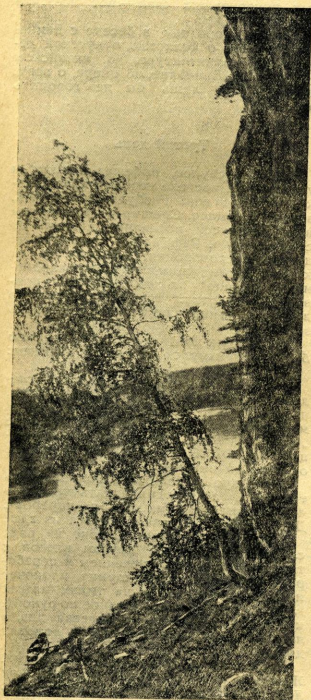
Течение подхватило „Уральский следопыт“ и вынесло его на середину реки, на „гребень“. Поплыли назад, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее „Собакач Ребра“, „миокардитная лестница“ база ОПТЭ с сиявшими на солнце огромными окнами.

Отчал произошел ровно в одиннадцать тридцать, а в одиннадцать тридцать четыре мы сели на мель на переборе. Даже база не успела скрыться из глаз.

В межень Чусовая состоит из ряда следующих друг за другом плесов с тихим и спокойным течением и перебором, на которых вода шумит, клокочет и мчитя бешено. Но на тихих плесах глубина такая, что опущенное по рукоятку весло пронесит, не задевая дна, а на переборах вода иногда еле доходит до щиколоток.

Мы отчаянно отпихивались веслами. Желтая речная галька хрустит под лодкой, как ореховая скорлупа под ногой. Но лодка не трогается с места, лишь вертится как прибитая гвоздем к речному дну. Начу это надоело. Он снял брюки и, поживаясь от холодной воды, снял лодку с мели.

За перебором начались первые бойцы. Особенно хорош Георгиевский камень. Он поднимается над правым берегом длинной грядой живописных скал.

У подножья камня Оленьего.

В скалах — небольшие пещеры, над ними полуразрушенная часовня. Бойцы Часовой и Бобинский ничем ни замечательны. В следующем за ними, видимом издали, камне Левинском пласти известняка изогнулись правильной аркой. Любого геолога привела бы в восхищение эта идеальная антиклиналь.

А за Левинским камнем увидели ушедших далеко вперед немцев. Лодка их как-то странно приткнулась к кусту. Женщины на берегу, мужчины в воде около лодки черпают из нее воду консервными банками, кастрюлями, чайниками. Определенно терпят бедствие!

Повинуясь международному правилу об оказании помощи потерпевшим, мы подлетаем к ним на полном ходу и предлагаем свою помощь. Они вежливо благодарят, потом совсем невежливо начинают ругать ОПТЭ, снабдившее их дырявой лодкой. Мы трогаемся и вскоре они, нагнав нас, идут за вами в кильватере. Но женщины их на ходу продолжают отчерпывать воду из лодки.

На крутом повороте реки, на полном ходу, „Уральский следопыт“ вздрагивает от крепкого удара в дно. Подводный камень! Пройли, но лодка подозрительно быстро начинает наполняться водой. Однако плывем дальше.

Подводными камнями, или по местному „ташами“, усеяно все русло Чусовой на всем ее протяжении. Они очень опасны, но опытный рулевой легко заметит их издали. Вода над ними кипит ключом, как в котле. А иногда покажется, что навстречу лодке вверх по течению плывет какая-то гадина, подняв чуть голову и извиваясь длинным тонким телом. А когда гадина поравняется с лодкой, видишь, что это речные струи свиваются жгутом над подводным „ташем“.

За камнем Левинским снова сели на переборе. Нач уныло бродит вокруг лодки по дну реки. Забавная фигура! Длинные голые ноги, галстук, очки и... перчатки. Перчатки для гребли, а не для шика. Немцы догоняют и перегоняют нас. Но у них свой способ плавания на переборах. Впереди, закатав выше колен брюки, идет „лоцман“, и щупает ногами глубину. За ним движется лодка. Медленно, но верно!

Немцы скрылись за поворотом. Начальник все еще бродит вокруг лодки. Мы сидим в лодке, меланхолично поплываем за борт. Наконец, начальника осеняет идея:

— Вылезай из лодки! — вдохновенно командует он.

Мы делаем вид, что ничего не понимаем и начинаем усиленно любоваться береговыми пейзажами. Нач свирепеет, вспоминает словечко возницы.

— Вылезай, лодыри!

Приказание явно относится к нам. Один за другим, покряхтывая, разуваемся, засучиваем брюки и лезем в холодную, быструю воду.

Облегченная лодка всплывает и движается по течению. На глубоком месте мы на ходу прыгаем в нее.

Чусовая делает крутой поворот на северо-запад и мы видим на высоком левом берегу деревню Каменку. Ее описал Мамин-Сибиряк в своем известном очерке чусовского сплава „Бойцы“. Отсюда он и начал свое путешествие по Чусовой, спустившись на барках до самой Перми.

У деревни Каменки богатое историческое прошлое.

Во второй половине XVI века, в ответ на налет на их владения сибирского князя Махметкула, Строгановы послали из Чусовских Городков карательную экспедицию вверх по Чусовой. Строгановские казаки и „охочие люди“ поднялись по Чусовой на 300 верст. Стойбища манси и хантэ, союзников Махметкула, превращались в пепел, жены и дети их избивались или забирались в плен. В сотый раз берега Чусовой озарились заревом пожаров.

Дальше устья реки Каменки строгановская экспедиция итти не отважилась, опасаясь „многолюдства татарского и вогульского, и сибирского владения“.

Здесь, при устье реки, было заложено селение Каменка, в котором Строгановы поселили своих пахотных и воинских людей.

Селение это, смело выдвинутое в самую глубину уральской и сибирской крайины, сделалось крайним пунктом русской колонизации. А основание Каменки предупредило на несколько лет знаменитый поход Ермака, облегчив ему задачу борьбы с сибирским „салтаном“.

Впоследствии, во времена сплава, Каменка была известна, как место вербовки бурлаков. Каменские лихие бурлаки, „камешки“, славились по всей Чусовой.

Последние строения Каменки скрылись за поворотом. Подходим к устью реки Грязнухи. Против ее устья большой живописный остров, заросший деревьями. Остров безмянный. Под троекатное „ура“ и размахивание флагом называем его островом „Уральского следопыта“. Чем не географическое открытие!

Немцы то перегоняют нас, то идут в кильватере, то борт о борт с нами. Мы объясняем им береговые достопримеча-

тельность. Помогаем друг другу советами при проходе трудных мест. Река нас сдружила. Решили вместе встать на первый же ночлег.

За островом „Уральского следопыта“ вытанулся бесконечный перебор. Начу уже заученно, командует:

— Аврал! Лодыри, вылезай!

Долго бьемся на ташах. Слезаем с одного — сядем на другой. Острые речные камни режут ноги. Я обращаюсь к Начу с просьбой освободить меня от аврала по болезни.

Раздаются негодующие крики всего экипажа:

— Прогульщик!. Симулянт!..

Я снова наваливаюсь на корму. Наконец, перекат пройден. И снова мы мчимся по свободной воде, и снова развевается победно наш вымпел.

На ночлег останавливаемся у камня Сокол. В первый день пройдено 18 километров.

Лодки быстро разгружены. Налаживаются палатки. Мы свою расставили, конечно, быстро и благополучно. Даже Кук при всем своем усердии не запутался ни в одной веревке.

Через полчаса дикий берег принял жилой вид. Белеют две палатки. Дымят костры. Снуют люди.

Могучая сосна на берегу превратилась в „шаманское дерево“, обещанное жертвами верующих. На ней висят — ружье, фотоаппарат, брезентовый плащ, чьи-то выстиранные носки, брюки, кепка, ведерко с грибами, в стволе торчат два топора и охотничий нож... Снукки, славный эрдель-терьер начальник экспедиции, бродит от костра к костру, у каждого получая угощение. Сокол звонко отражает многочисленное эхо наших голосов.

Нач полез на Сокол фото-художествовать. Вскоре вернулся оттуда, запыхавшись.

— Тетерки! Целый выводок!

Раф схватил ружье и умчался. Скоро слышим выстрел с вершины Сокола, второй, третий... Славный будет ужин! Раф возвращается и бросает у костра тощего дрозда.

— Не маловато ли для трех выстрелов? — ехидно осведомляюсь я.

Раф моментально обижается.

— Поохотиться не на что. Нет никаких тетерок!

Мы вежливо верим. Тощего дрозда решено положить в суп, „для навара“

В этот миг от костра раздается неистовый вопль Кука.

— Ведро течет! Пропал суп!

Бросаемся к месту катастрофы. Действительно маленькое ведро, полученное в базе ОПТЭ, в котором мы решили по первоначалу варить суп, течет как решето. Хорошо, что мы догадались захватить еще котелок военного образца.

Темнеет. С реки тянет ровным, ласковым вечерним холодком. Лагерь затихает, а с первой звездой и засыпает. Лишь двое немцев, отъехав на ближайшую отмель, плескаются в воде кастрюлей и сковородкой. Пытались мять золото. Вернее играли в „экзотику“, воображая себя джек-лондоновскими персонажами.

Четвертый день

Первым просыпается Кук. Просыпается раньше солнца.

— Что-то есть охота. Вахта, вставай завтрак готовить! — И заворачивается поуютнее в одеяло. А я сбрасываю одеяло, бужу Рафа, моего парного по кухонной вахте. Оба неистово грозимся:

— Ладно, стоготим! А завтра мы из вас кровь будем пить!

Над рекой висит еще туман. Но немцы уже встали. Пылают их костер. Занимаю у них огня на розжиг и одновременно осведомляюсь о причинах такого раннего подъема. Оказывается, ночью был дождь, а их палатка, полученная в ОПТЭ, течет. Дырявая лодка, дырявое ведро, дырявая палатка! Не организовать ли из этих экспонатов музей туристского снаряжения имени свердловского ОПТЭ?

За пять минут набрано ведро ядерных масел. Закипает грибная похлебка. Бужу Нач и Кука, завтракаем, грузимся, отплываем. Проходим камень Высокий. Он состоит из трех больших групп утесов, поднявшихся над водой на высоту 20—25 метров. На вершине — дремучий сосновый бор. Оттуда тянет вниз смолистым ароматом. Грудь жадно дышит.

За камнем Корчаги раскинулась деревня Трека. Здесь, на деревенских улицах, впервые на Чусовой видим столбы электропроводки.

В лодке у нас идет непрерывный разговор о червях для рыбной ловли. Решили нарыть их в Треке, но, увлекшись спором, деревню незаметно, про-

плыли. Снова заспорили, возвращаться или нет? Я рассудил:

— „После Треки кулаками не машут! На этом и порешили.

Проходим камень Гребешки. Один из его утесов имеет причудливую форму — будто искусственно и очень искусно вырублена из камня голова Пушкина. Ясно видишь плоский пушкинский нос, его негритянски-пухлые губы, бакенбарды, курчавые волосы и характерный подбородок.

За Гребешками запутались. Оба путешественники ввалили немилосердно. По путешественнику должно быть устье реки — реки не видно. По путешественнику камень слева, а по местности камень справа. Мы были окончательно дезориентированы. Спасли нас ребятишки-грибники, случайно вышедшие к реке. От них мы узнали, где плывет наш „Уральский следопыт“.

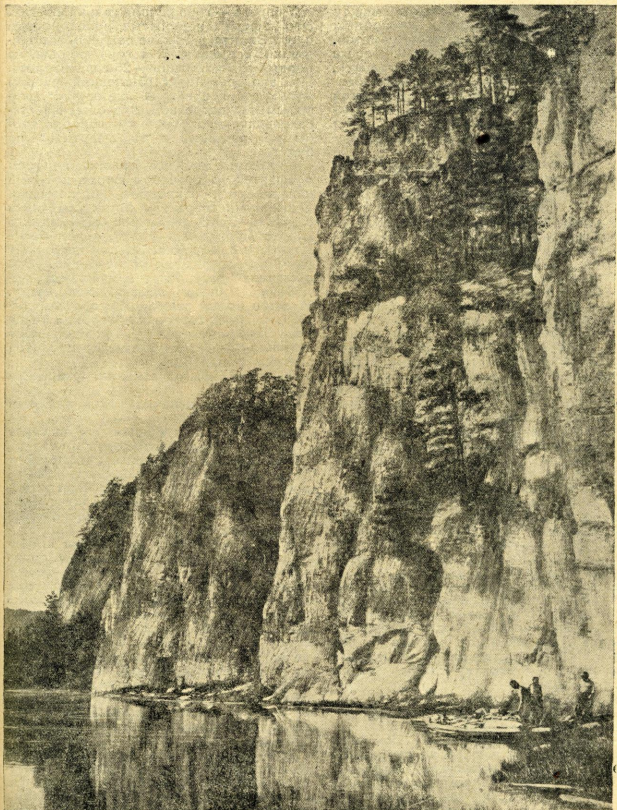
Он проходил устье речки Сибирки. Эту речку известный сибирский историк П. Словоцов считает западной границей древнего царства Сибири.

Под камнем Курочка пережили острую минуту. Нас подхватил особенной силы „тягун“. Так называют здесь быстрое течение перед перебором. Течение, колебля тяжелые прозрачные складки, подхватило лодку и понесло ее так, что захватывало дух. Полное впечатление полета с американских гор. Посредине перебора зловеще чернел разбитый, разметанный волнами плот из неохватных бревен. Лодку несло прямо на плот. Мы перебрасывались короткими, тревожными фразами: — „Чуть левее!.. Справа камень!.. Теперь вправо!..“ — Лодка царанула бортом о берег (прибрежные кусты хлестнули нас больно ветвями), скребнула днищем о подводные камни, вильнула судорожно носом перед разбитым плотом и стрелой, спущенной с лука, вылетела на чистый и тихий плес.

Неволью вспомнились строки Мамин-Сибиряка:

„Душой овладевает неуправляемый страх, когда барка делает судорожное движение и птицей полетит прямо на скалу... На барке мертвая тишина, бурлаки прильнули к поносным¹, боец точно бежит навстречу, еще один момент — и наше суденышко разлетится вдребезги.

¹ Название потесей — рулей из бревен на носу и корме барки.

Остановка у камня Оленьего.

...И какой резкий контраст между kloкочущим перебором и спокойным плесом! Течения здесь почти незаметно. В тихие эти воды смотрятся с берега ласковые березки, плакучий тальник, темные метелки осоки, бархатные банники куги и восковой глянец желтой кувшинки. И вдруг покажется, что плывешь не по бурной горной речке, а по сонным прудам Павловска или Детского Села.

И только здесь начинаешь понимать тишину. Эту тишину можно слышать. Это не тяжелая каменная тишина подвала, это тонкая, одухотворенная тишь затанувшей жизни. Лишь всплески наших весел и журчание воды под носом лодки нарушают ее. Но едва мы проплываем, тишина снова смыкается за нами, как и вода за кормой нашей лодки.

Нам, горожанам, становится не по себе в этом беззвучии, и мы начинаем орать хором песню.

...Курочка — каменная стена, стесанная ровно и гладко, словно по ней прошлись гигантским рубанком. Непонятно, откуда же такое название?

Зато камень Заплотный полностью оправдывает свою кличку. Сплошным заплотом (стеной) вытянулся он вдоль левого берега Чусовой метров на двести. Впечатление такое, что мы плывем по крепостному рву под исполинской, мрачной крепостной стеной.

Плывешь-плывешь и вдруг видишь — река уперлась в хребет, поросший лесом. Тупик! Но Чусовая делает замысловатую петлю, изогнувшись, как змея, скользнет в какую-нибудь каменную щель и, победив, идет тихая, спокойная, удовлетворенная победой.

Под камнем Заплотным подходим к стану золотодобытчиков. Из широких полотенщесты береды сажены на берегу шалашик. Причаливаем и карабкаемся на высокий, крутой берег, к шалашу. Мы готовы окунуться в юконскую и калифорнийскую романтику Джека Лондона и Брет-Гарта.

— Как золотишко?

— Не зарно. А газетку привезли?

— Газетку?.. А-а, для раскурки?

— Зачем для раскурки. Почитать! Пять ден газеты в глаза не видали. Не знаем, чо и на белом свете деется.

Что-то мало похожи эти старатели на молодцов из „Ревущего Стана“. Однако, не теряя надежды, просим показать нам их „производство“.

У берега — гора речной гальки и песку. Это „эфеля“, перемытые золотосносные слои. Золота в них не найдешь и порошок, все взято. Эта гора родила, на первый взгляд, мыш — 25 грамм золота. Но это результат 15-дневной работы двоих старателей. А „не зарно!“, которым нас встретили, это обычная старательская и охотничья отговорка, чтобы не сглазили, а то „фартить“ не будет.

Впрочем, на все наши вопросы о „фарте“, о заветном фарте, который искали отцы, о котором рассказывали деды, наши старатели лишь улыбались вежливо. Здесь не может быть „дикого золота“, богатой россыпи, а тем более крупного самородка. Здесь золото идет ровно, не жирно, но и не бедно. Это обыденная разработка земных недр, подобная добыче железа, меди, угля. И наши новые знакомцы-старатели отнюдь не брет-гартовские герои, а те же промышленные рабочие. Так произошло на наших глазах крушение пресловутой золотой романтики.

А когда мы отчаливали, старатели крикнули:

— Может, книжечка какая найдется почитать?

Раф поднялся и бросил им на берег „Токно — город безработных“...

Под камнем Лебяжьем „пофартило“ Куку. Он, освободившись от гребли, запустил „дорожку“. Вдруг быстро повел и дернул. На дно лодки смачно шлепнулся полновесный красноперый красавец окунь.

На переборах под дер. Курья пробились минут сорок. Слезем, сядем, опять слезем. Лодка похожа была на телегу на тяжелой дороге, когда пассажиры то слезут, то вскочат на ходу. В особо трудные моменты наш молодой рослый Нач хватался за носовую веревку и волочил за собой лодку. В такие минуты он похож был на Гулливера, волокащего за собой неприятельский флот.

Под камнем Красеньким налетели с полного хода на бревно-топляк. Лодка повалилась на левый борт и едва не опрокинулись. Такие полузатонувшие бревна опаснее ташей.

Это было первое предупреждение. Вскоре мы увидели под камнем Богатырь ушедшую вперед лодку немцев. Она была окружена, заперта могучими сплавными бревнами, и не было ей хода ни взад, ни вперед.

— Как „Красин“ во льдах! — острит ехидно Кук. Он не знал, бедный, что это „красинское“ приключение горше всех будет именно для него.

Скорее и мы входим в сплошное бревенчатое поле. От немцев узнаем, что у подножья Богатыря Чусовую перегородил „лесной двор“ Старо-Уткинского завода. „Двор“ — это загородь поперек реки из толстых бревен, остановленных перекинутым через реку стальным тросом. „Двор“ ловит бревна, идущие сверху молевым сплавом. Он поймал и нас, как в капкан.

Объединив силы с немцами, попробовали пропихнуть лодки под бревна и трос „двора“. Не тут то было! Что же делать? Прекратить плавание в самом начале? Вернуться в Свердловск по железной дороге и поговорить по душам с ОПТЭ? Ведь оно должно было предупредить туристов о том, что река перегорожена, или организовать свободный проход для лодок. Отдохнули и снова принялись пропихивать лодку под изгородь „двора“. Но с таким же успехом можно было пропихнуть верблюда в форточку.

Нам помогал самоотверженно, проваляясь между бревен в воду, показывая чудеса эквилибристики, смиренный мужичок с буйной бородой. Через пять минут мы знали его имя — Иван Матвеевич, рабочий заводской лесной биржи.

По его совету решили перетащить лодки через изгородь „двора“ волоком, по способу Ермака.

Перед этим, для облегчения лодок, часть груза выкладываем здесь же на бревна. Женщин и седовласого Кука решено отправить на берег.

До берега им надо пройти по бревнам метров двести. Мокрые скользкие бревна вертятся под ногами, а иногда дыбчась и звонко шлепают по воде, как гигантские клавиши. Женщины охают и повизгивают. Кук покорно идет по бревну, как гусь по проволоче, не без страха, но и не теряя достоинства.

Тяжелые и без груза лодки переволокли усилиями двух команд, но со дна их была содрана вся смола. Когда снова спустили их на воду, днища стали фонтанировать не хуже знаменитых петергофских фонтанов в миниатюре. Мчимся стремительно к берегу. Выкидываем на берег вещи. Выскакиваем сами, переможенные, усталые, как потерпевшие крушение мореплаватели.

Кто-то радуется: — Могло бы кончиться хуже! А теперь все это позади.

— Нет еще. Впереди дровяная гавань завода, — утешает нас Иван Матвеевич. — Там вам ни волоком, никак не пройти!

Убитые этим известием, мы раздражаемся хором возмущенных восклицаний.

— Да вы не беспокойтесь! — тут же успокаивает нас Иван Матвеевич, — лодки на телеге перевезем по берегу. Я это вам завтра на своей лошади оборудую.

Не знаем, хохотать или ругаться. Напряжение разряжает Раф:

— Лодка на телеге? Во второй раз на телеге по Чусовой? Курам на смех!..

Пятый день

Уральские купцы — горнопромышленники некогда хвастались:

„Двести лет вся Россия пахала и жала, ковала, копала, рубила изделиями уральских заводов. Она ездила на уральских осях, стреляла из ружей уральской стали, пекла блины на уральских сковородках, брэнчала уральскими пятаками в кармане...“

А в очерке Мамина-Сибиряка, член-учредитель транспортного акционерного общества „Нептун“, ораторствует:

„Урал — золотое дно для России, но ахиллесова пята его — пути сообщения. Не будь Чусовой, пришлось бы очень плохо всем заводчикам и крупным торговым фирмам. Пятьдесят горных заводов сплавляют по Чусовой пять миллионов пудов металла, да купеческий караван поднимает миллиона три пудов. Получается очень почтенная цифра в восемь миллионов пудов груза. Для нас даже будущая железная дорога не представляет ни малейшей опасности, потому что конкурировать с Чусовой — немислмая вещь!“

Для выполнения этой гигантской задачи — отправки восьми миллионов пудов груза — требовалась целая бурлацкая армия в 25 тысяч человек. Местных бурлаков не хватало. На Чусовую шли чердынцы, кунгурцы, соликамцы, даже казанцы, даже уфимские башкиры, верхоурские манси, вологодские зыряне, лаишевские татары. Большинство из этих бурлаков нанималось через волостные правления целыми артелями, в подневольном порядке, специально для

уплаты недоимок. Деньги, причитающиеся им за работу, забирало вперед волостное правление.

От дому до пристани бурлаку приходилось шагать километров 700, а то и всю тысячу. Сколько одной обуви, одежды истреплет он за это время! А не пришел на пристань в указанное контрактом время — штраф.

Бурлак работал на барке, а мысли его были дома, около земли. Сплав нередко затягивался и продолжался до 10 и даже 15 мая по старому стилю. А между тем, 23 апреля наступал уже „Егора Вешний“, затем 1 мая проходил „Еремей Запрягальник“ — самое горячее время весенних полевых работ. После „Еремея Запрягальника“ только ленивая соха не выезжала в поле. Бурлаки хорошо помнили, что упустить несколько пахотных дней, это значит на целый год остаться без хлеба. И тогда на чувовских пристанях происходили такие сцены:

„— Оно точно, что оно по контракту, Осип Иванович... Только вот сегодня Егорий, а через неделю Еремей Запря-

гальник. Сумлеваюсь насчет артели, Осип Иванович, как бы со славую не выворотилась...

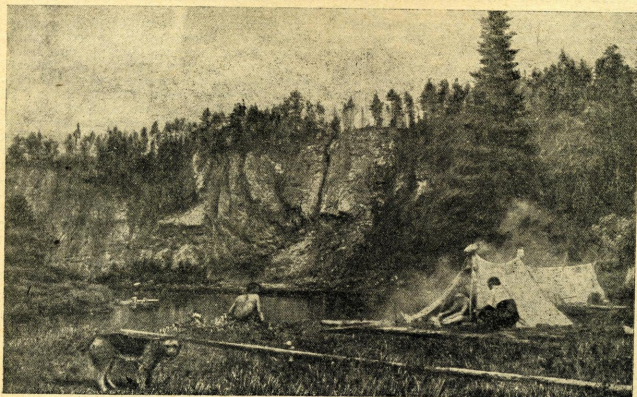
— Я вот вам, подлецам, такого Запрягальника пропишу, что до будущего сплава будете меня помнить! — горячился Осип Иванович. — Мошенники!.. Ты — первый зажигатель и бунтовщик. понимаешь? Сейчас позову казаков, руки к лопаткам и всю шкуру выворочу наизнанку!

— Река-то когда еще пройдет, а пашня не ждет, — словно вслух думал бурлак.

— А ты все свое долбишь, а? — грозно зарычал Осип Иванович, бросаясь с кулаками на „бунтовщика“. — Если ты мне еще раз покажешь свою рожу... да я...“

Но ни кулаки Осипов Ивановой, ни контракты акционерных обществ, ни нагайки казаков не могли остановить бурлаков. Артели „выворачивались“, бежали домой, зная, что там ждет их порка в волостном правлении, штрафы и новые недоимки...

...На рассвете проснулись от панических криков Нача:

Лагерь туристов у камня Высокого.

— Тревога! Кук сбежал!

Со спичкой осматриваем палатку. Место Кука у стенки палатки пусто. Его вещей тоже нет. Выбегаем ловить девертира. Но и река и берег в густом, как сметана, тумане. Упираемся в него, как в подушку. Наверное именно такой туман англичане называют „четвертой стихией“.

— Сбежал! — говорит решительно начальник.

— Выворотился! — поправляю я.

— Видно и у него „Еремей Запргальник“ наступил, — пытается защитить Раф беглеца.

Поднявшееся солнце съело туман. Ровно в восемь, как обещал, прибыл с телегой Иван Матвеевич. Спрашиваем у него про Кука. Отнекивается: ничего, мол, не знаю, но прячет в бороду лукавую улыбку.

Сначала лодку немцев, потом нашу грузин на телегу и под шутки, остроу, улюлюканье старо-уткинцев тащимся километра два берегом. За поселком снова спускаем их в Чусовую. Начинается молниеносная погрузка под аккомпанемент скупых и быстрых фраз:

— Где мои ботинки?

— В мешке с картошкой!

— Где масло?

— В моем сапоге!

Иногда отплываем, провожаемые благими пожеланиями пришедшего проводить нас Ивана Матвеевича, на берегу, рядом с ним появляется неожиданно Кук. Он грациозно раскланивается и кричит: — Адью! До свиданья в Свердловске!.. Пока!.. Пока!..

Затем начинает плясать танец краснокожих. В руке его, заменяя томагавк, блестят золотые очки...

Мы все поняли. Кук действительно „выворотился“, ибо от Старой Утки до железнодорожной станции всего семь километров. Кук сговорился с Иваном Матвеевичем, чтобы тот подвез его. Оба они нас предали!.. Мы молча, презрительно поворачиваемся к ним спиной и наваливаемся на весла.

За камнем Висячим опять влетели в тягун. Лодку подхватило, понесло и с размаху посадило на таш. Волны, яростно зачесывая вихрастые гребни пены, били в лодку, грозя перевернуть ее. Раф выпрыгнул в реку, пытаясь удержать судорожно дергающуюся лодку. Но она неожиданно вильнула кормой, ударила Рафа по ногам и едва не сбила

его в воду. Только общими усилиями мы вывели лодку на чистое течение.

Подошли к камню Сокол. Это второй боец с таким же названием, и мы именуем его Сокол № 2. Остановились у его подножия. Каменная громада жутко нависла над головой. Оборвется — до дна выплеснет Чусовую из берегов. И обрывались с бойцов не раз такие каменные громады. Потому и торчат со дна Чусовой жадными клыками подводные таши.

За камнем Пестерьковым встала над рекой угрюмая, но в своей величавой дикости прекрасная Сташкова Гора. Краснорубые, словно окровавленные ее склоны поросли хмурым сосновым лесом. На таких наверное вершинах ставили древние насельники Чусовой капища своих грозных, кровавых богов.

Отмахали без передышки более 15 километров. Хочется есть. Достаем, что ближе лежит — сухари. Макаем их через борт в реку. Заедаем зеленым луком. Запиваем водою из пригоршни. Удивительно вкусное блюдо это называем „тюрей по-чусовскому“.

Подходим к деревне Родина. Деревни на Чусовой узнаешь издали, по звуку ботал, железных звонков, подвязываемых к шее коров и лошадей, чтобы легче было найти их в прибрежных зарослях. Плывешь мимо диких, заросших тайгой берегов, и вдруг слышишь перезвон на разные тона и полутона — бот!.. бот!.. бот!.. Настоящая симфония!

Догоняем лодку немцев. Оттуда кричат: — „Уралишен пфадфиндер“¹, давай ночлег! Дождь!

И в это время, действительно, начинается дождь. На левом берегу видим уютную одинокую избушку — Митин хутор. На общем совете с немцами решаем остановиться здесь не только на обед, но и на ночлег. Надо высушить промокшие вещи и продукты.

Итого за день пройдено всего лишь 24 километра.

...До позднейночи беседуем с хозяином хутора — Федором Тимофеевичем Пантелеевым.² На столе выкатила изумленно желтки яичница-глазунья. Запиваем ее крепчайшим красно-вишневым чаем с лесной душистой малиной.

Голос у Федора Тимофеевича тихий, шуршащий, как песок — грудь отбита прикладами колчаковцев.

¹ По-немецки — „Уральский следопыт“.

Федор Тимофеевич — 2 красный партизан-подпольщик. Он работал среди белых солдат, агитировал за переход к красным. Сагитированных сам вел потаенными тропами через горную тайгу и переправлял через Чусовую к красным. Работал он умело и осторожно, но был выдан кулаками. Узнав об этом, бежал к себе на Митин хутор. Но белые каратели шли следом и застали его врасплох. Он успел лишь скрыться в сарай. Жена задвинула за ним снаружи засов. Выдал его собственный сын, ребенок. Увидав въезжавших во двор карателей, бросился с криком к сараю: — „Тятя, вылезай! Колчаки пришли, опять грабить будут!“ Мальчишка-подпоручик собственноручно порол Федора Тимофеевича нагайкой. Били ногами и прикладами в грудь и поясницу. До сих пор кашляет кровью. Хотели прикончить штыками, но отложили расправу на завтра. А ночью колчаковцы успешно ушли, чем-то налужанные.

Федор Тимофеевич, взволнованный, пьет чай. А я думаю о том, что новые люди не изготовляются в ретортах химических лабораторий. Надо пройти сквозь боль, ужас и предсмертную теску, чтобы по-настоящему, всем сердцем понять и оценить нашу радостную новь. И мне не кажется смешным, когда Федор Тимофеевич с трогательной наивной гордостью называет себя „заповедателем новой жизни“. Сейчас он член колхоза „Новая жизнь“, председателем которого — его старший сын.

Мы меняем тему разговора. Еще днем я заметил, что против хутора, на противоположном берегу, гора обросла странными буйными рыжими космами. Это — мертвый горелый лес с опаленной красно-рыжей хвоей.

Федор Тимофеевич рассказывает о лесном пожаре, о том, как с двумя мальчонками-сыновьями три дня отстаивал хутор от огненной стихии. Загорелся лес и на этом берегу, сзади хутора, но хутор они спасли.

Расходимся перед светом. На дворе расходывается пегух.

Спать идем на сеновал. Хорошо слушать мокрый шорох дождя, лежа на сухом теплом сене. А каково сейчас в лесу?

Шестой день

Сеновал подвел. Проспали. Выехали лишь в одиннадцать.

Через полчаса видим за бойцом Моисиевым строения Старо-Шайтанского завода.

Старо-Шайтанский — один из старейших заводов на Урале. Основан он Никитой Демидовым в 1727 году. Еще до революции завод был разобран на кучи пичи.

Старо-Шайтанский завод вошел в историю рабочего движения на Урале. Одновременно с восстанием декабристов, в 1825 году, здесь возникли серьезные волнения. Для подавления их была направлена воинская команда в 100 штыков. Тридцать крепостных, работавших на заводе, были арестованы и подвергнуты жестокой расправе.

...С удивлением гляжу на бурелом. Деревья в обхват выдраны из земли с комлями, как спички, сброшены вниз, в реку. Какой же силы ветер должен быть, чтобы производить такие разрушения?

Нотихинский перебор мы проходим легко, а немцы напоролись на тах. Пробыли дно. Остановились чинить.

В деревне Мартыановой причалили купить молока. О Мартыановой сохранилась недобрая слава в истории чусовского сплава. В 1877 году весь чусовской караван судов, из-за высокой воды, плавание по которой особенно опасно, остановился в Мартыанове. Наступил „Еремей Запрягальник“. Бурлаки сбежали, и караван дальше Мартыановой не ушел.

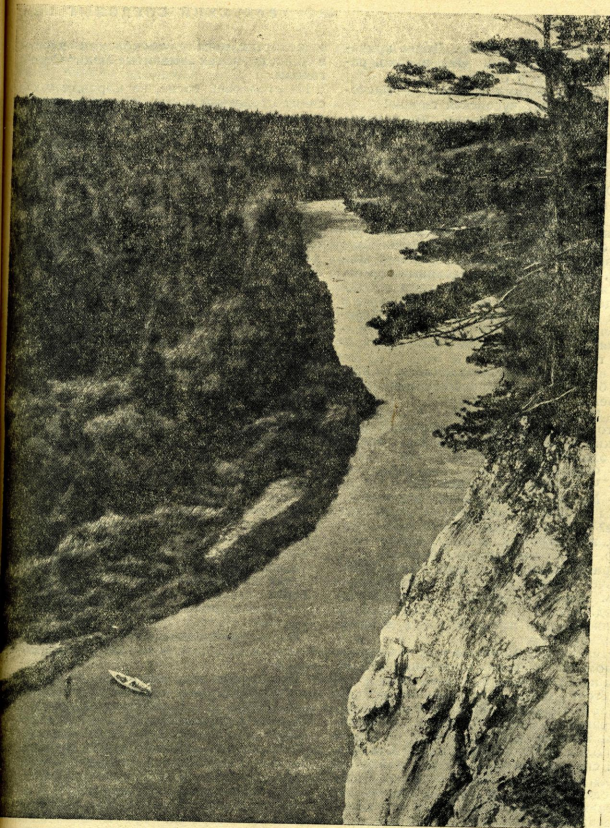
Здесь же видим впервые чусовское судно — одномачтовую полубарку метров пяти длиной. Грузоподъемность ее не выше трех тонн. Пришла она снизу конной тягой: привезли на мельницу зерно для помолы.

У камня Палатка Чусовая делает огромную петлю километров в пять, концы которой почти сойдяся. Расстояние между концами петли не больше 60—70 метров. Идем пешком, берегом. На лодках самый необходимый экипаж — гребец и рулевой. На нашей лодке рулю я, Раф — на веслах.

Подходим к страшному Глухому перебору. Оба растерялись — где итти? Всюду мели. И вдруг с берега звонкий детский голосок:

— Правее держите, бороздою!

Удивленно оглядываемся. На берегу — хутор. В воротах стоит девчурка лет пяти, машет ручонкой показывая нам фарватер. Покорно следуем ее указаниям

и нигде не зацепили дно. Долго кричала ей благодарности. Она звонко, радостно смеется в ответ.

— Сирена! — умиляется Раф. — Настоящая маленькая чувовская сирена!

— Легендарные сирены проделывали совершенно обратные вещи, — говорю я. — Они песнями подманивали моряков к берегу, и корабли их разбивались о скалы.

...Огромный Перевалочный камень, на наш взгляд, самый красивый из чувовских бойцов. Совершенно отвесно, метров на полтора, поднялась над рекой стена средневекового города. Глаз без всякого напряжения различает карнизы, арки башни. Вот массивные ворота, бойница, зубцы, между которыми, так и ждешь, появятся сейчас закованные в латы воины. Надо самому увидеть Перевалочный камень, чтобы понять, как прихотлива бывает природа в своем стихийном творчестве!

А ниже камня Перевалочного, на правом берегу, желтеют крепкие новенькие строения. Кричим с лодки:

— Чья постройка?

Кто-то, в шегольской городской кепке, сложив руки рупором, отвечает, вспугнув эхо у Перевалочного:

— Фирма-а!¹

— Чья?.. Какая?.. — орем мы.

— Матафе-е! — надывается кепка.

Мы удивленно переглядываемся. Матафе? Негритянское что-то. Наконец, Раф, как агроном, догадывается: — Эмтеэф. — молочно-товарная ферма.

Причаливаем. На берегу доярки тщательно моют подошники. Разговорились. Доярки — веселый, общительный народ. Узнаем от них, что МТФ колхоза имени Сталина имеет 80 коров, 4 быка-тагильца.

Отчаливаем, провожаемые бисерным звоном молока о дно подошников. А два года назад, судя по воровьевскому путеводителю, здесь были кулацкие хуторы: Крутой и Нижний Мыс. Жизнь внесла поправки. И мы учтиваем их. Зачеркиваем в путеводителе хутора и пишем на полях: МТФ колхоза имени Сталина.

И снова глухомань, чаще, тайга. Ни следа, ни голоса человеческого. Лишь изредка мелькнет высоко на дереве примитивный улей-колода. Такие ставились еще при Строгановых. Да это и есть те самые „места пустые“ и „леса черные“,

о которых писали московским царям в своих грамотах „именитые люди“ Строгановы.

На столетней сосне, на корявом суку сидит столетний ворон. Он не каркает, он хрипит от старости. О чем его злобещая песня? Похвала быломu? Почему бы не выйти сейчас к реке медведю, не посмотреть взглядом удивленным и напуганным вслед нашему „Уральскому следопыту“?

Выстрел!.. Он звонко катится по затихшей реке и замирает где-то в таежных трупобах. Два следующих выстрела следуют один за другим. Стреляют рядом, за поворотом реки. Кого бьют? Медведя? Может быть, сохатого?

Река круто свернула влево. И навстречу нам медленно движется огромное колхозное стадо. Был ленив и сыт шаг откормленных коров, были стремительны скачки телят-подсосов, ревнивый гнев и вызов слышался в глухом, утробном реве быков-производителей. Пастух взмахнул длинным звивающимся кнутом и... новый звонкий выстрел прокатился по реке, замирая где-то в таежных трупобах. Вот она, чувовская новь, которая пришла в „места пустые и леса черные!“

А километром ниже снова тишина, снова непролазная тайга по берегам. Дрожат над водой радужные стрекоты, взметнулась вверх серебряным комом и звонко шлепнулась вновь в реку крупная щука. Согнув дугой узкие крылья, почти касаясь воды, проносятся кулики и в неподвижном горячем воздухе отчетливо звучат их нежный свист. Но река снова делает поворот, и мы видим палатки, много палаток и дым многочисленных костров.

Геолого-разведочная партия. Раф узнает среди них своего бывшего преподавателя.

Разведчики недр тоже делают многое для того, чтобы превратить чувовскую глухомань в радостный счастливый край. Едва ли в каком-нибудь другом месте найдет геолог такое необозримое поле для своих исследований, как на Чусовой. Она с геологическим поистине терпением ждет разведчиков недр, чтобы раскрыть перед их глазами свои сокровища. А их, этих сокровищ, великое множество на чувовских берегах. Тут и ценнейшие породы известняков, гипса, алебаstra, мрамора, тут и платина с золотом, и серебро с свинцом, и драгоценные камни,

¹ Ферма.

хромистые, медистые, бурые железняки, медный и серный колчедан, кобальт, никель, каменный уголь и, наконец, нефть.

Подходим к камню Волегову. Из-за страшной быстроты течения, крутизны поворота и узости реки, Волегов считался очень опасным для барок бойцом.

В 1858 году под ним разбилась четыре барки, в 1861 году — пять барок. Камень острым, безжалостным клыком выдается в реку навстречу течению.

Быстро темнеет. Из-за дальнего зубчатого леса показывается смугло-золотая ущербная луна. На небо высыпали звезды, крупные, красные, теплые. В робком свете мы снова видим на берегу новые, из свежих бревен постройки. Оттуда тянет на реку тонким ароматом свежескошенного сена и сладким запахом парного молока. Там, в густой теплой полутьме, звонко и счастливо смеются невидимые парни и девушки. Жизнь крепкая, уверенная и радостная расцветает на древних чусовских берегах!

Плывем в полной темноте. Маяком служит яркий костер на правом берегу. Это немцы сигнализируют нам, что они остановились на ночлег под камнем Выоким.

Седьмой день

Мы обрастаем попутчиками. Кроме немцев, с нами идет еще одна лодка — два брата и сестра, студенты Московского и Свердловского университетов. Итак, целая флотилия из трех лодок.

Видимо, ночью где-то в верховьях прошли большие дожди, и чусовая, подпертая шальной водой из бесчисленных своих притоков, выиграла по-настоящему. Плывут сорванные где-то бревна, доски, целые плоты. На рассвете пришли в наш лагерь старатели, мывшие золото немного выше нас, и сообщили, что ими перехвачены две беспризорных лодки. Немного спустя примчались перепуганные геологи, у которых выигранная Чусовая унесла эти лодки. Они были возвращены им при общем смехе и шутках.

Вышли ровно в девять. Плыть легко. Еще не жарко. Непередаваемо бодрит свежий речной воздух, пахнущий рыбой и сосной. Все переборы под водой. Кончились наши мушкетеры. Река вздулась, как обожравшаяся змея. Но половодье наделало немало бед. Затоплены не только „слизки“ старателей, злиты даже

их шалаши. Мы видим, как старатели, прекратив работу, перебираются на высокие места.

Проходим камень Ершик. По виду совсем безобидный камешек, а слава у него плохая. В 1877 году, обходя его, пять барок разбилась о подводные камни и затонули.

...Помнит Чусовая многие жуткие катастрофы. Случалось, что барка захлебывалась только одним бортом. Находившиеся в ней чугуны или железо с грохотом скатывалось к одному борту, и барка опрокидывалась вверх дном, покрывая бурлаков своим днищем. Когда вода спадала, дно прорубали и из-под него вытаскивали изуродованные, раздавленные чугуном человеческие трупы.

Точных данных о том, сколько погибло на Чусовой барок, нет. Особенно крепко запомнили чусовляне годы — 1873, когда погибло 64 барки и обмелело 37 барок, и страшный 1877 год, когда за несколько часов разбилось 47 барок и в Чусовой утонуло свыше ста человек.

...Камень Бревеник сложен из очень непрочного известняка, наполовину разрушенного. Отвалившиеся глыбы образовали у его подножья груды подводных камней. Эти камни несколько раз убирались, но Бревеник насыпал на их место новые. Мы проходим это место особенно осторожно. Рулевой не садится ни на минуту. И все же частые удары то в борта, то в дно заставляют лодку зловеще потрескивать.

В деревне Сулем останавливаемся купить провизии. Разговариваем с продавшей нам молоко древней старухой. В шутку спрашиваем:

— А медведи, бабушка, у вас водятся?

Она ответила спокойно, словно говорила о деле совсем обычном:

— Как не быть. У нас здесь лес верст на семьдесят без перехвата. Года не проходит, чтобы медведь скотину не задрал. Около самой деревни. Мой-от старик охотник, айда, гляньте, чо приволок вчера! — не без тайной гордости заканчивает она и ведет нас в избу. С печи, на длинном колу, свешивалась сушившаяся медвежья шкура с темно-сизыми кусками мяса на мездре...

Под Усть-Уткой попробовал свое охотничье счастье Раф. Из кустов, под самым носом лодки, начали выпархивать крыжки. Раф вертелся на корме, как на горячей сковороде:

— Утки... ах, чорт, утки!

А ружье его было запрятано от возможных дождей в чехол. Вытащил, собрал, зарядил. Утки исчезли.

Крайне интересен в геологическом отношении камень Романов, на вид невзрачный. Он сложен из известняков двух возрастов, при чем известняки более старые (девонские) лежат поверх известняков более позднего происхождения (каменноугольных). Камень Романов напомнил мне ватрушку, но перевернутую творогом вниз.

У камня Могильного есть замечательное место. Видишь, как река идет под уклон. Словно с горы катится. Кажется, что там, дальше, — обрыв, водопад, страшный, как Ниагара.

Нос „Уральского следопыта“ врзает-ся в мутные воды реки-притока Межевой Утки. На протяжении нескольких километров ниже своего устья мутная Межевая Утка идет, не смешиваясь с чистыми струями Чусовой. Так переболтали ее воду мощные электрические драги.

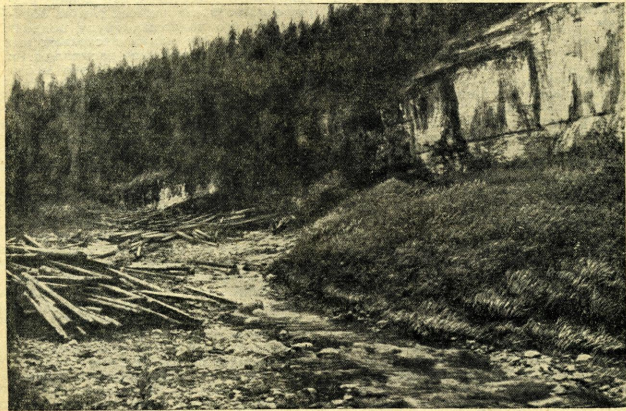
Межевая Утка — поистине платиновая река. В ее верховьях и по ее притокам открыто свыше 150 коренных месторождений платины. Здесь, в разное время, был найден ряд крупных самородков платины. Так, на реке Мартьяне были найдены самородки весом в 2, 3½, 5, 6 и 8 килограммов.

На ночевку останавливаемся под камнем Желтым. В этот день пройдено 43 километра.

Восьмой день

Вчера, когда ложились спать, начало накрапывать. А когда проснулись, все еще моросил унылый, уставший за ночь дождь. Около двенадцати отошли уже километров пять от устья Межевой Утки, а ее мутная глинистая вода все еще не смешивается с чусовской.

Погода хмурится. Гадаем — будет дождь или нет? В это время проходим деревню Харенки. Раф, поглядывая на берег, говорит серьезно:

Устье реки Поньш, заваленное сплавленным лесом.

— Бабы с веревок белье снимают, значит, дождь будет. Верная примета!

И дождь, действительно, начинает накрапывать.

Под камнем Кривушей настораживаемся. В необычайной горной и речной тишине раздался вдруг шум мотора. Едва слышный, он порою как будто порывал невидимые заграждения и тогда трещал оглушительно и зловеще. И вдруг над хмурой, дикой Кривушей взмыла мощная стальная птица. Долго провожаем ее глазами.

Проходим знаменитый Кашинский перекор. Такого стремительного течения мы еще не видели. Здесь падение Чусовой на протяжении 420 метров — около трех метров.

Из пройденных за день камней, самый интересный, безусловно, Дыроватый. Эта каменная громада сложена из наклонно поставленных пластов известняка. В камне три пещеры, которые служили прежде жилищем для чуди. В одной из пещер найдены были костяные наконечники для стрел.

Останавливаемся на ночевку в дер. Пермяково. Пройдено всего лишь 28 километров.

Девятый день

Дождь, дождь и дождь без конца. Видно, придется здесь сделать вынужденную дневку.

Брожу по деревне. Ничего интересного, ничего примечательного. А между тем, во времена сплава, Пермяково слыло среди бурлаков опасным местом. Самое имя селения произошло от разбойника Пермякова.

Никаких разбойников сейчас, конечно, в Пермякове нет. Но кержаки есть. Мы остановились у кержаков. Правда, это не прежние, кондовые кержаки. И чайшкo зудят, и табачным зельем грешат, и земляной горох едят¹. Они не прочь попользоваться даже благами грешной, „антихристовой“ цивилизации. Не говоря уже о часах, керосиновой лампе, сепараторе, — у них даже рукомоинок с крапом. Но в избу нас не пустили. Там целый угол занят старинными иконами. Угодники смотрят друг на друга враждебно, словно они передрались от скуки в своем тесном углу. А хозяйка, глядя на нас, поджимает в ниточку бледные

злые губы и холодно сверкает испуганными глазами фанатика. Когда же она смотрит на немцев, даже уши ее прижимаются к черепу, как у озлившейся кошки. Но хозяин „стреляет“ у тех же немцев табаку на закурку, и, в украдку от жены, тащит нам крынку молока. Колец приходит пресловутому „древлему благочестию“!.

Камень Писанный обманул наши ожидания. Никакой надписи, выбитой на камне, мы не нашли по той простой причине, что она, как узнали позже, давным давно выветрилась. Но крест на противоположном берегу отыскали, надпись на нем прочитали легко. Я ее списал полностью:

„1724 года сентября 8 дня на сем месте родился статского действительного советника Акинфия Никитича Демидова (что тогда был дворянином), сын Никита, статский советник и кавалер святого Станислава. Поставлен оный крест на сем месте по желанию ево 1779 года маяя 31 числа“.

А на другой стороне креста высечена неизвестной рукой вторая надпись, которая по-иному оценивает это событие и которой тоже суждено пережить поколения. Вторая надпись сообщает коротко и ясно:

„Здесь родился эксплуататор трудового народа“.

Очень эффектен камень Столбы. Над рекой поднялись два почти совершенно круглых известковых столба, высотой метров на 40. На одном из столбов — камень, напоминающий издали сгорбившуюся над книгой старуху. Камень этот так и зовут — Старушкой.

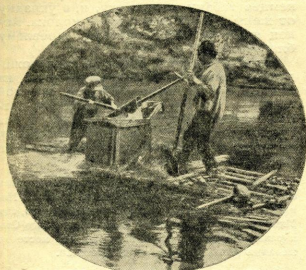
Проходим устье исторической реки Серебрянки. Правый, горный берег Чусовой точно раздался здесь широкими воротами, из которых выбегает бойкая речонка. По ней, поздней осенью 1581 года, свернул на Сибирь Ермак.

Василий Тимофеевич Оленин-Повальский, исполнивший когда-то на волжских стругах обязанности артельного кашевара и прозванный за это Ермаком, что значит — артельный котел — имел под своим началом отряд всего лишь в 840 человек. Кроме казаков, в отряде были немцы, литовцы и татары.

Дисциплина в отряде была железная. За отказ выполнить приказание начальника сажали в мешок с камнями и бросали в реку. Одним из главных способов укрепления дисциплины в отряде была хорошо налаженная „агит-проп-

¹ Земляной горох — картофель.

работа" — при отряде была подвижная церковь, в которой попы часто отправляли церковную службу. На Серебрянке Ермак зазимовал, а весной 1582 года тронулся дальше, на Сибирь.

В русле реки копошатся старатели.

Теперь мы плывем теми же местами, лишь в обратном направлении, которыми плыл этот полулегендарный герой российской истории.

Вдруг у носа лодки что-то шумно бултыхнуло. Налетели на подводный тащ, на бревно-топляк? И тотчас Раф взревел:

— Снуки за бортом!

Испуганная мордочка Снуки пронеслась мимо борта лодки. Бедный пес отчаянно шлепал всеми четырьмя лапами в воде. Нач, сидевший на корме, успел схватить его за шиворот и, дрожащего, перепуганного, втащил снова в лодку. Тотчас была создана комиссия для выяснения этого необыкновенного случая. Комиссия выяснила, что Снуки зашел на своем обычном месте на носу лодки, и во сне упал за борт.

Метров за двести до камня Кирпичного, тоже на правом берегу, видим безымянный камень, похожий на пьющего ихтиозавра. Гигантское тело зверя полускрыто деревьями, а маленькая злобная голова припала жадно к воде. Называем его — камень Пьющий Ящер.

Камень Печка со своим гротом до смешного похож на открытую русскую пещку.

Долго не кончается мрачный камень Высокий, третий по счету с этим назва-

нием. Но этот самый высокий и самый мощный камень на Чусовой. Сплошной стеной поднимается он прямо из воды на стометровую высоту и тянется по берегу Чусовой километров на десять. Много барок в разное время разбилось об этот мрачный, безотрадный утес.

Подходим к Кыну. Угрюмые, даже жуткие места. Недаром Кын, по-пермяцки — злой, студный. Мы плывем словно по реке мертвых, Стиксу. Река мчится вниз, в какую-то мрачную дыру. Темный, без красок, притихший лес. Облака спустились так низко, что, кажется, их можно достать веслом. И все же есть во всем этом величавая, мощная, хотя и шемящая сердце тоскою, красота.

Не здесь ли был главный пермяцкий храм, посвященный Иомале, высшему существу? Не в эту ли мрачную долину стремились корыстолюбивые скандинавы, не раз пытавшиеся ограбить храм Иомалы. Даже снаружи храм был обложен золотом и алмазами, которые сиянием своим освещали всю окрестность. На идоле Иомалы, внутри храма, было золотое, тяжелое ожерелье. Венец на голове идола был осыпан драгоценными камнями, а на коленях его стояла золотая чаша такой величины, что четверо богатырей могли бы утолить из нее жадно. А одежда Иомалы, по цене, превышала богатейший груз трех кораблей, плавающих по морю Греческому. Так скандинавские саги воспевали богов древних чувовлян...

На ночевку останавливаемся в Кыну. Сегодняшним переходом можно гордиться. Без обеденного привала прошли 40 километров.

Десятый день

Делаю сразу два дела: записываю эти строки и варю суп для нашей компании. Бегаю от стола к печке, хватаю то карандаш, то ложку.

А записать надо бы многое...

Наш хозяин — потомственный чувовлянин. На заводе работал, на барках бурлачил, лесорубничал. Он хорошо помнит караванный сплав и охотно о нем рассказывает. Он помнит, как гремели на Кыновской пристани пушки, салюты проходящим караванам и получая ответные салюты с барок. От этой канонады можно было оглохнуть. Он помнит, как расцветала весенним лугом Чусовая,

когда проходили мимо караваны, ибо каждая барка несла свой особый флаг цвета, присвоенного ее заводу. Он помнит, как в диком, отчаянном загуле пьянствовали бурлаки, пропивая с горя последние гроши, и как страшно они голодали, питаюсь падалью, ибо бурлацкая армия, как саранча, объедала все встречные селения. Он помнит, наконец, как мимо окон его дома плыли бурлаки-утопленники с разбившихся барок.

Мой собеседник был не рядовым бурлаком, он был сплавщиком. А хороших сплавщиков на всей Чусовой насчитывалась сотня-другая, не больше. Сплавщик—это нечто в роде речного штурмана или лоцмана. Чтобы быть завправским сплавщиком, нужно было иметь огромную память, быстроту соображения, нужно было обладать истинной, то-есть холодной, рассудочной храбростью.

Сплавщик обязан был знать все капризы течения Чусовой на протяжении 300-400 километров, со всеми ее мелями, подводными ташами, переборами, бойцами. А при подъеме воды хотя бы на полметра, в корне изменялись все условия плавания по Чусовой.

Сплавщик должен был изучить законы движения воды при разных уровнях, законы образования струй, водоворотов и суводей, то-есть обратных течений. Он должен был учитывать различные сочетания различных скоростей течения воды и хода барки.

А в страшных боевых местах, под бойцом, при „хватке“, то-есть остановке барки с полного хода, при обходе подводных камней сплавщик должен быть примером хладнокровия, выдержки и смелости. От одного его слова, движения руки зависела жизнь и смерть многих людей, не говоря уже о ценном грузе. И понятно, что тип чусовского сплавщика выработывался сотнями лет, в течение многих поколений, в борьбе с бешеной горной рекой. И ремесло сплавщика передавалось от отца к сыну. О чусовских сплавщиках вполне можно было сказать поговоркою — „ремесло у них в крови сидит“.

...После обеда осматриваем Кыновской завод, вернее лишь его поселок, так как завод закрыт еще в 1911 году, а здания его проданы на слом. Причина закрытия — низкое качество чугуна — фосфористого и сернистого. Железо из него получалось хотя и мягкое, но низкосортное.

Мы прыгаем через дыры деревянных тротуаров, пересееаем в брод чудовищные лужи. Поселок тих и малолюден. После закрытия завода все местные рабочие ушли в Лысьву. Кын долго не может оправиться после этой потери свежей здоровой „крови“ и едва ли оправится. От шумного трудового прошлого остались — шлак на улицах, сиротливая мачта на месте бывлой пристани и руины древних, еще строгановских заводских корпусов.

Единственная достопримечательность Кына, и нешуточная, это мемориальная доска в лавке № 1 Кыновского общества потребителей

Первому организатору кооперативного движения в России — Кыновскому обществу потребителей, в день 70-летнего юбилея (1864—1934 гг.)
Лысьвенский горком ВКП (б)

Именно здесь, в Кыну, в 1864 году, по инициативе заводских служащих, зародилось первое не только на Урале, но и в России общество потребителей. А потому Кын заслуженно может быть назван „дедушкой русской кооперации“.

Наконец-то расстались с Кыном. Погода на реке хорошая, но плыть мешает сильный встречный ветер.

Тотчас же за последними строениями поселка поднимается камень Становой. У сплавщиков он слыл добрым камнем — сорвет с барки, как соломинку, бревно-другое, только и всего.

Под деревней Бабенки видим интересный „туземный“ способ передвижения. Человек оседлал бревно и помахивает себе веслом. Чусовая здесь зачастую — единственный способ сообщения между деревнями. Берегом, через тайгу только на танке проберешься. А на реке — поймал бревно, садись и поезжай, правда только по течению.

Деревня Бабенки, равно как и расположенная ниже деревня Колчик, населены обрусевшими манси. В 1773 году Бабенки посетил ученый путешественник Георги. Тогда жители ее были еще идолопоклонниками, хотя носили уже русскую одежду. В Бабенках Георги насчитал 12 дворов. Я насчитал в Бабенках 35 дворов. За 160 с лишним лет прирост в 23 двора.

Здесь мы увидели старинные уральские костюмы: на женщинах — пестрые

сарафаны и повойники, на мужчинах — старинные войлочные шляпы и неуклюжий пониток, длинный пиджак без отворотов из домоткани.

За Копчиком долго наблюдаем работу лесорубов и сплавщиков. С вершины горы до воды выложена из бревен же ровная дорожка, спуск. Бревна катятся по спуску, подпрыгивая, перевортываются и бултыхаются в реку, вздымая фонтаны воды. И долго еще летит, скользит по реке, как глиссер.

Сброшенные бревна образовали у подножия горы бесформенный ворох. Издали он похож на кучу спичек, высыпавшихся из коробки. Рабочие растаскивают ворох баграми. И вдруг бревна с глухим, зловещим рокотом поползли вниз. Рабочие бросились враспынную, кто на берег, кто впасть по реке. Лавина из бревен рухнула в реку. Вода запенилась. Огромная волна ударила в борт нашей лодки, едва не опрокинув ее.

За последние годы неизмеримо выросла роль чудовских лесов, как поставщиков топлива и строевой древесины для уральских индустриальных гигантов. И ожили лесные трущобы. Выросли по берегам новенькие бараки лесорубов. Гулким эхом несется по Чусовой треск лесных великанов. Сотни тысяч кубометров древесины плывут сейчас под чудовскими бойцами, там где разбивались барки и гибли бурлаки.

Ермак-камень укрыл нас от очередного дождя. Двое из нас пробовали вскарабкаться по веревке в пещеру, в которой Ермак по преданию спрятал награбленную на Волге казну. Пещера расположена посредине камня, на высоте 20 метров над рекой, и из попыток наших ничего не получилось.

Достоверно известно, что около устья реки Ермаковки, километрах в двух от камня, Ермак сделал первую остановку. Отсюда главные силы под его начальством поплыли к устью Серебрянки, а разведочный отряд пошел выше по Чусовой, до реки Межевой Утки, „разведать о вогульских силах“.

Во времена сплава и бурлачества существовал у бурлаков суеверный обычай окликнуть Ермака по имени. И когда звонкое эхо отвечало, они верили, что это откликается сам Ермак.

Начесть предпологаля на правом берегу, на мельнице, у устья реки Свадебной. Но не нашли ни устья, ни мельницы. Привалили к левому берегу,

где наткнулись на полуразрушенное здание. Рамы сняты, крыша полуразобрана. Не то брошенный лесной кордон, не то бараки лесорубов. Спать придется на голом полу.

Глухая лесная трущоба! Я отошел от порога постройки на два шага и не смог пробраться через чащобу. Какая-то стена из живых и павших деревьев. Порою кажется, что леса больше лежит на земле, чем стоит. Под ногами сухая, пружинящая, как матрац, настилка из векового слоя пожелтевшей хвои, обросшие плюшевым мхом павшие деревья, в лицо колют, норовя попасть в глаза, сухие острые сучья. Как продрасться через эту чащобу?

В бараке, при свече, изучаю карту-десятиверстку. В какую глушь мы забрались! В обе стороны от реки, километров на сто, ни одного жилья. Девственная тайга, безымянные речки, горы. Если угонять наши лодки речные воры или поднимающаяся от дождей река сорвет их, нам не выбраться отсюда.

Перед сном снова выхожу на волю. Горы попржежнему курятся облаками. Их белесые полотнища спускаются так низко, что почти закрывают крышу барака. Они свиваются в кошмарных сплетениях, плывут и клубятся бредовыми чудовищами, а в редкие разрывы мутно проступают темные горы с гребнями, поросшими лесом.

Ночь лисой притаилась в тайге. Река плещет звонкой крутой волной, плачущие кричит неведомая птица или зверь, трещит под чьими-то крадущимися шагами валежник, бесшумно, пушисто пролетел над головой филин и утонул в тумане. Высокие травы и кусты стеною обступили кордон. Не видно, что делается в двух шагах. Лишь встревоженным ухом ловишь таинственную ночную жизнь тайги...

Одиннадцатый день

Где плывем — неизвестно. Ни деревень, ни бойцов. Я тщетно пытаюсь ориентироваться по карте. Ничего не понимаю!.. Наконец-то определились. Прошли Москву. Да, да, Москва, а в ней три жилых двора.

— Это Москва?— кричали мы, не веря надписи на карте.

— Она самая!— отвечают с берега.

— Метрополитен есть?

— Нету еще!— смеются москвичи и машут приветливо руками.— Заезжайте! Расскажите про этот самый метро... политен. Какой он?

Но мы спешим. За следующей деревней Кумыш начинается самое интересное, самое страшное место на Чусовой. Подходя к нему, молились и готовились к смерти бурлаки. Здесь встали самые страшные бойцы — Молоков и Разбойник. Они щелкали барки, как спелые орехи.

„Бойцы, расположенные за деревней Кумыш,— пишет Мамин,— представляют последнюю преграду, с которой борется Чусовая. Старик Урал собирает здесь последние силы, чтобы загорудит дорогу убегающей от него горной красавице...“.

Подходим к Молокову. У подножия его ласково, нестрашно плещется река. От воды на камне дрожат зеркальные арабески. Вид у камня добродушный, мирный. Мне показалось, что грозный Молоков сучает, дремлет по-стариковски под жаркими солнечными лучами. Но грозный боец бывает и другим.

Трудность прохода под Молоковым заключается в том, что косую струю течения надо пересечь под самым камнем, почти вплотную к нему.

Чусовая под Разбойником была поистине кладбищем барок, братской водяной могилой сотен людей. В одном только 1877 году о Разбойник за несколько часов разбилось 23 барки и утонуло свыше ста человек. А сколько барок разбил Разбойник за все время сплава и сколько людей погубил он, подсчитать невозможно!

А мы подошли к Разбойнику вплотную, причалили лодку к горячим от солнца каменным его бокам и занялись своими домашними делами: начальник перезаряжал кассеты, я и Раф чистили на ужин грибы.

На ночевку остановились в удивительно красивом месте— в устье реки Поньш. Река эта прорыла себе ложе в почти отвесных скалах и выходит к Чусовой, как из огромных каменных ворот. Поньш, кроме этого открытого устья, имеет еще один подводный выход в Чусовую несколькими километрами выше.

Когда на высоком берегу мысу загорелись наши костры, с противоположного берега приплыли к нам гости— колхозники и колхозницы. Раф угостил их, по их желанию, лекцией о силосных ямах. Они отблагодарили нас за лекцию

сообщением, что до Чусовского завода, до конечного пункта нашего путешествия, нам не добраться. Река перед заводом километров на шесть забита сплавными дровами.

Двенадцатый день

Идем фордевиндом (на попутном ветре) в корму. К обеду будем в Чусовском заводе. Но как дрова, дрова?

Прошли густо поросшую лесом гору Журавлик. Она широко известна на Урале тем, что на склонах ее залегают алюминиевая руда— бокситы. Мнения геологов об этой руде различны. Одни считают, что журавлинские месторождения алюминия представляют только „теоретический интерес“, другие ставят вопрос об организации здесь промышленной добычи руды. А повидимому, месторождение, как следует, еще не исследовано.

За Журавликом мы прощаемся с дикой горной и таежной Чусовой. Сначала по берегу робко заструился между редкими столбами телефонный провод. Вытесняемый тайгой и скалами, он испуганно метался с одного берега на другой. Но вскоре победил, укрепился на правом берегу. Затем потянулись бесконечные штабеля сплавного леса, аккуратно сложенного по берегам. Это тот самый лес, который плыл без конца вместе с нами по Чусовой. А здесь был конец его пути.

За камнем Шайтан частые удары в тугой звенящий бубен. Это на берегу работает мотор. Звенит дисковая пила. В ноздри ударил полузабытый запах бензинового дыма. Здесь сплавной лес идет в распиловку. А на противоположном берегу, под последним из бойцов, легко вознеслась буровая вышка. Отвалы шлака, раздробленной и растертой буровой коронкой породы, усеяли берег. По этим отвалам видно, что бурение идет очень оживленно.

И неожиданно опять Чусовская „экзотика“. Перегоняем плот, из трех бревен связанный лыком. На плоту— две женщины, свертки с провизией, одеяла, подушки...

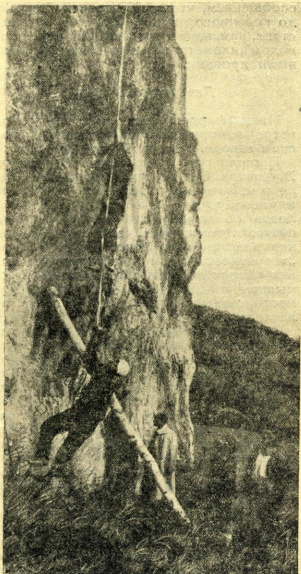
— Куда путь держите?

— В Чусовской завод сплыть думаем.

— Когда там будете?

— Сегодня к вечеру!..

Но все же культура властно захватывает оба берега и самое реку. Вот

Неудачная попытка подъема на камень Ермак.

на крыше лесного кордона вскинулись мачты антенны. Навстречу идет лодка с двумя пассажирами явно городского типа. Оказывается, рабочие Чусовского завода выехали на рыбалку и на охоту.

И лодка тыкается с разбегу в бревенчатые торосы...

Колхозники не обманули. Вот он, наш последний, самый трудный барьер. Мы мечемся, как мышь в мышеловке. Лодки наши суют носы во все щели. Нет хода! Дровяная гавань Чусовского завода вытянулась километров на шесть вниз по Чусовой. Это похуже Старо-Уткинского „двора“.

Высылаем глубокую разведку на оба берега. Левобережная разведка вскоре доносит, со слов какого-то рыбака, что под левым берегом есть проход. Мы стоим под правым берегом и путь нам загораживает запань — чудовищные бревна, свинченные в три ряда болтами сцепленные пудовыми крюками, врозь вагонных стяжек. Надо перетаскать лодки через запань.

Начинается напряженный аврал. Стоим на скользких, уходящих под воду бревнах запани, тащим через них лодки. А в каждой, с грузом, не меньше полутонны. Мало того, в самые опасные моменты Нач кричит:

— Примите трудовые позы. Спокойно!.. Снимаю!

Позировать с полутонновой тяжестью на руках — дело не легкое.

Тащим вторую лодку, третью. А в уровне наших ног мчится Чусовая, крутит ошалелыми водоворотами. Здесь, в четырехстах с лишним километрах от истока, вздувшаяся от дождей Чусовая поистине страшна. Если сорвешься с запани — засосет под бревна, будет молотить о них и выкинет на берег изуродованным трупом.

Наконец, лодки перетасчены. Сели. Несколько взмахов весел. Начинаются приземистые домишки городского предместья. Проплыла справа невысокая гора. Она безжалостно оскальпирована. Лес содран вместе с кожей, с дерном. Ее каменное брюхо в спорого разработки — городская каменоломня. Ударил в уши городские звуки — свист паровоза, шипенье отработанного пара, визг терзаемого железа.

И неожиданно, сразу во всю ширь развернулась мощная панорама Чусовского завода — высокие трубы, длинные корпуса, ажурные переплеты железно-дорожного моста и над всем этим — дымное, дымное небо.

Здесь кончается „чусва — быстрая вода“ кончается горная Чусовая. От Чусовского завода она поворачивает резко на запад, уходя от уральских хребтов, и течет в отлогих сравнительно берегах.

Мы проплыли по горной Чусовой 355 километров.

Немцы сигнализируют руками и веслами. Указывают место причала — последнего причала.

Прощай, Чусовая!..

Новые сокровища УРАЛА

Очерки А. БАРМИНА

Урал давно славился богатством и разнообразием своих ископаемых. Более двухсот лет эксплуатируются его недра. Однако только сейчас мы начинаем узнавать по-настоящему, чем богат Урал, что таится в его глубинах.

Феодалные магнаты, русские и иностранные капиталисты, которые хозяйничали на Урале до революции, не проводили широкого и систематического геологического изучения Урала. Получая миллионные прибыли, капиталисты на разведочные работы отпускали мизерные суммы.

„Помилуйте, зачем нам карты (геологические), мы без них проживем и золотце находить будем“, — так рассуждал один из крупных уральских золотопромышленников в 90-х годах прошлого столетия. И это было характерно для того времени. На первом плане были интересы грубой наживы, интересы сегодняшнего дня.

Нешадно эксплуатируя уральских рабочих, капиталисты хищнически расточали природные богатства Урала, снимая „сливки“ с наиболее богатых месторождений там, где не требовалось больших капитальных затрат на производство работ. Неудивительно поэтому, что Урал фактически открыт только при советской власти.

На огромном пространстве, от берегов Северного Полярного моря до Казакстанских степей, в различных климатических поясах, ведутся в крупных масштабах геологические разведки Урала. Сотни людей, начиная от маститых академиков и кончая юными пионерами, вовлечены и увлечены этим делом.

Уступая большевистской напористости, хорошо вооруженной передовой наукой, недра Урала раскрывают свои тайны.

В результате всего этого наблюдается колоссальное приращение старых, известных богатств Урала, медных и железных руд, золота, угля и др., и выявление новых: калия, нефти, редких металлов, бокситов и т. д.

Оказывается полностью битой ставка вредителей, которые доказывали, что Урал одряхлел и что ждать от него уже больше нечего.

Каждый новый год геологических работ великолепно иллюстрирует слова великого Сталина о том, что Урал представляет „такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране“.

Новые и новые сокровища Урала, вызванные к жизни созидательной работой партии большевиков, ставятся на службу социализму.

Металлы будущего

Автомобили мчатся теперь со скоростью трехсот километров в час, самолеты летят вдвое быстрее. Скорость стала характерной чертой новейшей техники.

Даже из паровоза, изобретения далеко не нового, выжимают теперь все, на что он способен.

Американский рекорд скорости паровоза — 190 километров в час. Что позволило развить такой бешеный ход? Обтекаемая воздухом ферма корпуса, рельсы из стали улучшенного качества, а главное — отливка частей машины из новых прочных сплавов.

Один итальянец поставил рекорд скорости на гидросамолете — 709 километров в час. К моменту выхода этого номера „Уральского следопыта“ кто-нибудь пролетит еще быстрее — в этом можно не сомневаться.

Поршни двигателей внутреннего сгорания, лопатки турбин, моторы станков ставят все новые рекорды числа ходов или оборотов в минуту. Значит, и прочность материалов, из которых делают машины, должна быть повышенной.

Если взять сталь марки, которая считалась самой лучшей, самой прочной еще десяток лет назад, то при нынешних скоростях она не выдержит

сломается. В двигателе самолета есть особый вентилятор (импеллер). Он вращается со скоростью двадцати семи тысяч оборотов в минуту. Любая сталь разорвется при этом, потому что сталь тяжелая и сила инерции стальных лопастей губит их¹.

Это можно понять из простого опыта. Привяжи к нитке деревянную ложку. Зажми конец нитки в пальцах и верти. Ложка будет описывать бесконечное количество кругов — пока не надоеет.

Привяжи на ту же нитку металлическую ложку. И как только скорость вращения будет достаточной — нитка лопнет, и ложка с силой отлетит в сторону. Смотри не попади в зеркало или в окно!

У импеллера рвется не нитка, а сама стальная лопасть. Сталь не годится. Тут нужен металл такой же прочный, как сталь, но более легкий.

А какие металлы самые легкие?

Это алюминий, магний и бериллий.

Алюминий в три с половиной раза легче меди. Магний легче алюминия, а бериллий легче их обоих и по весу приближается к сухому дереву — он в пять раз легче меди.

Алюминий все хорошо знают: видали и кастрюли на кухне и блестящий самолет в облаках. Менее известен магний, разве только любителям фотографии: при вспышке магниевого порошка они делают моментальные снимки. В промышленности магний употребляется в виде сплавов с другими металлами. Тогда он по прочности не уступает стали и очень ценится во всех видах транспорта. Чем возить свои собственные тяжелые части, лучше их сделать из легкого сплава — и взамен автомобиль, самолет или гондola стратостата сможет взять много полезного груза. Из магния с прибавкой небольшого количества трех других металлов (цинка, алюминия и марганца) получают легкий сплав электрон. В 1935 году построен первый советский самолет „Орджоникидзе“ — целиком из алюминия.

Бериллий замечателен, кроме легкости, тем, что добавка его придает сплавам большую прочность. Получается как бы новый металл с небывалым сочетанием

свойств. Медь с добавкой бериллия может подвергаться закалке, как сталь. Говорят, за границей были изготовлены карманные часы из бериллия — их можно бросить изо всей силы об стену. Они не ломаются и не теряют точности хода. Еще одно ценное свойство есть у бериллия: он самый электропроводный из всех металлов и потому им особенно интересуются электропромышленности.

Легкие металлы изучаются еще в много лет. Полностью использовать их свойства техника пока не умеет, это впереди. Но для металлургии будущего они несомненно станут не менее распространены, чем теперь железо и медь. Так ученые и называют легкие металлы: металлы будущего.

На Урале имеются руды всех этих трех легких металлов.

Руда алюминия — бокситы. До 1928 года знали только одно месторождение боксита — на реке Чусовой, но настоячивые поиски в течение первой пятилетки завершились большим успехом. По восточному склону Урала нащупана рудная полоса бокситов в восемьсот километров. Должно быть, и это еще не конец: найдены выходы боксита далеко на юге, в Башкирии, и на северном Урале, за рекой Ивдель.

В ивдельских лесах уже второй год работает партия поисковиков под начальством молодого геолога Н. Марковой. Работать здесь трудно: дорог нет, леса почти непроходимы, население очень редкое, ни рабочих, ни лошадей не достанешь. Зато интересно: именно здесь найдены самые лучшие бокситы. Месторождение „Красная шапочка“ в Кабаковском районе (на левом берегу реки Вагран) может похвалиться бокситами, не уступающими знаменитым французским.

С поисковиками партии Марковой я встретился в поселке Богословском. Они показали мне куски боксита, найденные прямо на улице и на задах строения Богословска — темно-красные плотные плитки. Они же рассказали мне любопытную историю открытия северных бокситов.

Бокситы Северного Урала были найдены... в музее. По анализам залежи их были известны еще в 90-х гг. прошлого века, но тогда алюминий был редкостью, и русская промышленность ими не интересовалась. Геологи сделали анализ на железо, убедились, что

¹ Существует маленькая машинка „ультрацентрифуга“, в которой валик вращается со скоростью, в два раза превышающей скорость звука — 145.000 оборотов в минуту. Подшипники у нее — газовые.

в залежах его не больше 30% и определили образцы как „убогую железную руду“. Образцы легли в витрины здешнего музея, а анализы — в папки архива.

Через тридцать лет, в 1926 году, была новая разведка. Она повторила ошибку, назвав залежи „железистыми песчаниками“. Даже не рудой!

И только зимой 1931 года геолог Каржавин пересмотрел химические анализы „песчаников“ в музейном архиве и увидел, что в некоторых образцах содержится до пятидесяти процентов глинозема или окиси алюминия. „Песчаники“ были сразу же переименованы в бокситы, и Каржавин поехал на „Красную шапочку“ за новыми образцами.

Следующим летом разведка шла полным ходом. Был обнаружен пласт боксита мощностью до десяти метров. Содержание глинозема в лучших светлых и землстых образцах боксита доходило до 80%!

Теперь „Красная шапочка“ уже развезена и сдана в эксплуатацию.

Найдены также бокситы в Каменском районе Челябинской области и в других местах.

Поисковики обнаружили в пластах бокситов и в известняках выше и ниже бокситного пласта окаменелые остатки жизни. Нашли кораллы, морские лилии и скорлупу древних моллюсков. Это доказывает, что бокситы — морской осадок и образовались тогда, когда не было еще Уральского хребта. Морское происхождение залежи — важный признак. Морские осадки залегают всегда на больших пространствах. Значит, бокситов на Урале найдется еще не мало.

Уральские бокситы сразу выдвинулись на видное место среди его мировых месторождений. У Каменска строится алюминиевый завод. Он будет третьим в Союзе. Скоро он даст дешевый легкий металл. В царской России алюминиевого производства не было совершенно. Алюминиевая промышленность — детище советской власти.

Выстроены и работают Волховский и Днепровский алюминиевые комбинаты. Наш Каменский алюминиевый завод будет давать 26½ тысяч тонн рафинированного алюминия. Алюминий будет получаться электролизом растворенного глинозема в расплавленном криолите. Завод будет работать на челябинском угле.

Сырье для получения магнезия — минералы карналит и магнезит. Близ Сатки

на Южном Урале находятся богатейшие в СССР залежи магнезита — Карагай, Волчья гора и другие. Отсюда его везут за границу. Однако магнезия из магнезита не получают — он целиком идет на огнеупорные стены металлургических печей. Магнезит не плавится и при 1700 градусах, в то время как температура плавления железа около 1500°, а меди 1085°. Для получения же металлического магнезия нам достаточно карналита из соликамских залежей калийных солей.

Из Соликамска я привез пробирки с карналитами разных цветов. Вот мясокрасный, вот оранжевый, самый красивый — лимонно-желтый. Он прозрачен, ярок и чист, как драгоценный камень, но не прочен. Потому и приходится хранить его в стеклянных пробирках, да и то слезается и тает желтые кристаллы.

Карналит — тоже новая, уже чисто советская находка. Его историю мы расскажем в очерке о калии. А сейчас достаточно сказать, что карналитов под Соликамском столько, что весь Союз обеспечен магнезием на сотни лет. Магнезия на Урале (притом, в одном месте) вдвое больше, чем железа. Сейчас на Урале строится первый в Союзе мощный карналито-магнезиевый комбинат. Здесь путем сложной переработки карналита будут получаться хлористый магний и многочисленный ряд весьма ценных химпродуктов: бром, бертолетова соль и др.

Бериллий можно получить из изумрудов. Как так?! — удивитесь вы. Из изумрудов? Из этих драгоценнейших и красивейших самоцветов? Но изумруды редки! Но изумруды стоят тысячи рублей одной вставочкой в кольце.

Ну, не из изумрудов, тогда из бериллов. Они отличаются от изумрудов своей окраской. Бериллы, впрочем, тоже годятся в кольца и брошки, если красивы. А когда они мутны и трещиноваты, то ничего не стоят. Вернее, не стоили.

На уральских изумрудных копях ежедневно скапливается пять-десять тонн светлого неограненого „изумрудного сырья“. Из сотен зеленоватых, желтоватых и мутных камней выуживаются один-два изумруда. А остальные — в отвал. Вот из этих-то бериллов и можно добывать металлический бериллий.

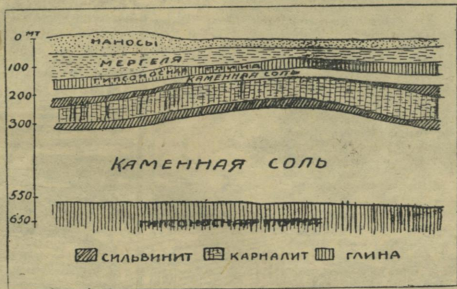
Сто лет копилась отвалы берилловых отбросов на копах. Сотню лет так и считалось, что это отбросы. А вот, оказывается, это добывалась драгоценная

калийных солей больше ста метров, и в этом промежутке льются многочисленные ручьи. А по гипсовым покровам близ самых солей течет целая подземная река. Поэтому шахту пришлось проходить способом замораживания.

Весь столб земли диаметром 10 метров и глубиной 150 проморозили насквозь. Для этого опустили вокруг будущего ствола шахты трубы и через них прогоняли охлаждающий раствор.

Трубы расположили кольцом, через метр одна от другой. Раствор имел 45° холода.

Замораживание шло день и ночь несколько месяцев под ряд. Наконец лед скрепил весь нужный столб земли и стало можно пробивать шахту. Правда, работать в шахте пришлось при самой настоящей зимней стуже, но зато было сухо, и не страшно: река в ствол не хлынет.

Схематический разрез Соликамского калийного месторождения.

Когда шахту прошли до конца, то ствол, пока стенки его еще не оттаяли, закрепили громадными чугунными кольцами и сросили их в сплошную трубу.

Нам никогда раньше не приходилось работать методом замораживания, пришлось пригласить для этой цели немецких инженеров, платить им огромные деньги и учиться у них. Иностранцы специалисты ревниво берегли секреты и методы этого дела. Однако это не помешало советским инженерам и рабочим освоить технику глубокого замораживания. Шахты строящегося второго калийного рудника проходятся методом замораживания исключительно под руководством советских специалистов.

Шахта — только ход к калийным солям и сквозь соли. Ход, или, вернее, отвесный спуск на глубину 262 метра. Самый рудник представляет многокилометровую сеть коридоров штреков.

В руднике очень проorno, чисто и светло. Он не похож ни на один

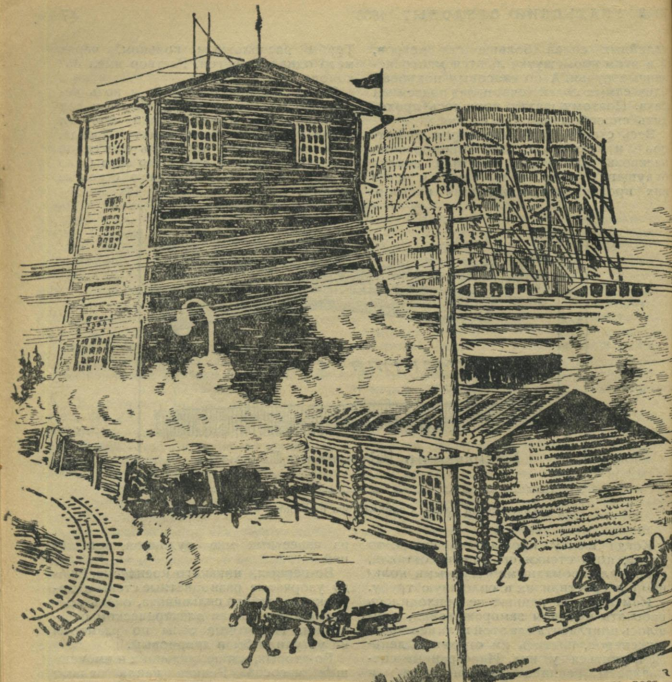
из известных мне рудников или копей.

Во-первых, никакого крепления. Всюду узорчатые разноцветные стены и потолки из самого сильвинита, очень красивые при сильном электрическом освещении. Некоторые залы по размерам не уступили бы и дворцовым.

Во-вторых, нет фыркающих и чмокающих насосов. Редкие капли падают с потолка, кое-где висят прозрачные сосульки соли, но в общем так сухо, что можно бродить по подземным улицам в белой обуви и не запачкать ее за целый день.

Электровозы с гулом развозят вереницы вагонеток, груженных солью. Врубные машины подпиливают новые пласты, готовят их к обрушиванию динамитом.

За 1910-й год Россия купила и привезла 66 тысяч тонн калия. Когда рудник будет работать на полную мощность, он один выдаст наверх это количество

Новое на смену старого: уголь соликамского калийного кокината в процессе его роста строительства, калий

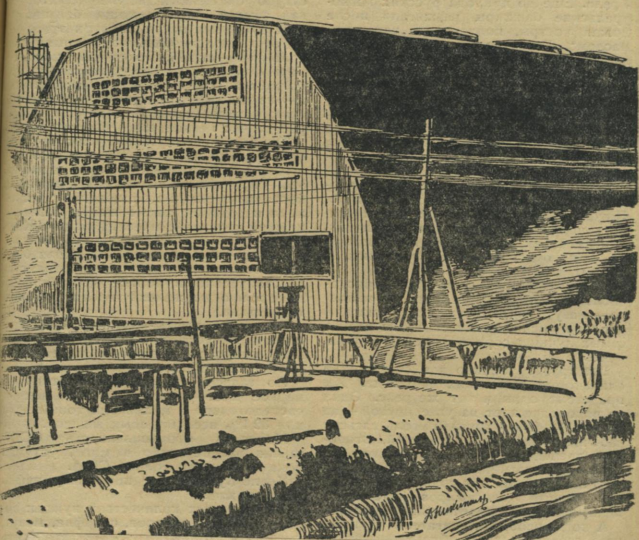
за три месяца¹. А в конце второй пятилетки столько же калия будет добываться за 12 дней.

И несмотря на это, запас Соликамского месторождения будет уменьшаться очень медленно, почти незаметно.

¹ Если считать по весу, то даже за две недели. Но добывается сильвинит с 15% окиси калия, а ввозили, вероятно, чистую окись калия.

Мы говорили уже, что пласты солей — в оболочке из глины, как большой пакет в непромокаемой бумаге. Надо добавить: этот пакет занимает пространство в 1500 квадратных километров.

Геологи насчитали здесь калия (чистой окиси калия) 16 миллиардов тонн, т. е. в пять раз больше, чем остальные запасы калия во всем мире.

Слева — старый копер, справа — новый склад сырьевинтового сырья, в центре — новое оно было вначале.

На тысячелетие хватит уральского калия всему миру!

Капиталисты долгое время пытались замолчать открытие огромного месторождения калия в Советском союзе.

Весьма горький для них факт пришлось признать только тогда, когда в Соликамске развернулись работы и когда многие из иностранных ученых побывали на строительстве.

Первый калийный рудник работает уже полным ходом.

Советский калий широким потоком пошел на колхозные поля и в совхозы, являясь могучим средством повышения урожайности.

Часть советского калия вывозится за границу, где он по своему высокому качеству завоевал себе прочное место.

Нефть на Урале

На Урале открыта нефть..

Что это значит — «открыта»? Еще Петр первый посылал в Голландию для анализа боченок нефти с Северного Урала. Еще до прихода русских южноуральские башкиры разжигали после дождя костры, поливая их «каменным маслом». Горшки не раз натыкались на лужицы густой бурой жидкости. Почти готовые колодцы питьевой воды приходилось бросать, потому что вода оказывалась с резким неприятным запахом, а на поверхности ее блестела радужная маслянистая пленка. Но долгое время нефть была нужна только... на лекарство: от ревматизма, то ли, помогала.

Всего семьдесят пять лет назад «горное масло» было почти бросовой вещью. Потом нефть оценили — из нее научились получать керосин для освещения. А мазут и бензин, попутно получавшиеся при очистке нефти, сливались в канавы, как отбросы.

Когда изобрели форсунку — приспособление для сжигания жидкого топлива, — мазут из отброса превратился в топливо высшего качества. Он ценнее самых лучших сортов каменного угля. Чем?

Вот грузят топливо два совершенно одинаковых океанских парохода. Им предстоит один и тот же рейс. Один из пароходов идет на угле, другой — на мазуте. Первому грузили уголь пятьсот рабочих и работали пять дней. Второму — двенадцать рабочих погрузили мазут в двенадцать часов. Второй пароход взял лишнюю тысячу тонн груза и лишних триста пассажиров — настолько меньше места занимает жидкое топливо.

А когда изобрели двигатели внутреннего сгорания (автомобильный, например) бензин стал незаменимым продуктом. Спрос на нефть сразу вырос, нефть сделалась одним из самых полезных ископаемых.

«Нефть это — горючее для аэропланов, автомобилей и тракторов, смазочное масло для всевозможных машин, асфальт для дорог, продукты переработки нефти — необходимое сырье для алюминиевой, электродной, полиграфической, резиновой, кондитерской и десятка других отраслей промышленности. Современная техника не может обойтись без нефти.

Из-за нефти идет жестокая беспрепятственная борьба между империалистами.

«Тот, кто владеет нефтью, будет владеть миром, ибо он будет господствовать над морями при помощи тяжелых нефтей, над воздухом — при помощи сугубо очищенных нефтепродуктов и над землей — при помощи бензина и осветительных масел. А сверх этого он будет господствовать над своими собратьями — людьми в экономическом отношении, в силу того фантастического богатства, которое будет извлекаться им из нефти — этого чудесного вещества, которое сейчас все ищут и которое сейчас ценнее даже золота».

Так писал моему правительству один французский промышленник в 1919 г.

Нефть в капиталистических странах, это — причина политических интриг и кровавых военных столкновений с десятками и сотнями тысяч жертв. Известнейший капиталистический хищник Клемансо в свое время цинично заявлял: «Бензин — это кровь войны, капля бензина стоит капли крови». И капиталисты действительно не жалеют крови рабочих и крестьян.

Советская нефть — мощное средство социалистического строительства, нашей индустриализации и укрепления обороноспособности страны.

По запасам нефти СССР занимает первое место в мире. В его недрах сосредоточено 3 миллиарда тонн нефти или 32,1% всех мировых запасов.

Нефтяная промышленность СССР заняла второе место в мире, уступая пока первенство только США.

Урало-Кузнецкому комбинату нефть очень нужна.

В громадных количествах нужны: керосин, бензин, лигроин, парафин, мазут, смазочные масла... Извольте доставлять все это с Кавказа!

С первого же года существования комбината начались поиски промышленного месторождения нефти на Урале.

Нефть — тело жидкое и в породах залегает не так, как прочие ископаемые. Обычно она располагается в своде выгнутой кверху земной складки (антиклинали), образованной осадочными породами, искать ее можно в песчаниках, сланцах и известняках. А слоем, у которого нефть останавливается, служат глины. Глина для жидкости непроницаема.

Нефть легче воды, поэтому и собирается вверх, в куполе складки. Там она лежит под сильным давлением газов. Если окажется трещина или если пробурить к нефти скважину, газы вытолкнут нефть фонтаном.

На поверхности же над нефтяным месторождением часто не имеется никаких особых признаков. И даже находка нефти в каком-нибудь овраге или болоте еще ничего не доказывает: она могла быть занесена водой издалека. Только после тщательного геологического изучения района можно предсказать ее нахождение. И только после глубокого бурения можно убедиться в ее существовании.

В первый раз промышленную нефть на Урале нашли случайно. Это было в 1928 году. В Чусовских Городках заложили скважину для поисков границ распространения калийных солей. На глубине трехсот тридцати метров калия еще не встретили, зато пошли известняки, пропитанные нефтью.

Когда нефть стала переливаться через устье скважины, шум ее разнесся по всему Союзу. Газеты ежедневно печатали телеграммы о поведении нефтяного столба, о результатах анализов, о новом десятке тонн нефти. Целая роща буровых вышек с американской быстротой выросла на месте захудалой деревушки Чусовские Городки.

Но разведка затянулась. Потребовалось бурение на невиданных еще в СССР глубинах: — полтора-два километра. Шум постепенно утих. Из Городков разъехались журналисты и туристы. Только терпеливые геологи продолжали сидеть там и изучать столбики пород, высверленных алмазной коронкой бурового станка.

В это время уральский геолог Ф. И. Кандыкин опубликовал свои наблюдения над выходами нефти в Башкирии, близ города Стерлитамака, у деревень Ишимбаевой и Н. Бурачинной.

Здесь уже давно были известны такие явления. Со дна реки Белой поднимались пузыри, они лопались и распыливались по воде круглыми радужными пленками. Башкиры доставали со дна ил, насыщенный „горным маслом“ и сильно пахучий. Тот же запах нефти замечался и в горных породах окрестностей, а галечник по берегу местами был сцементирован черной смолой в плотные пласты.

В начале XX века один мензелинский купец занялся здесь разведками на нефть. Он бурил по берегу неглубокие скважины, но нефть не давалась. И запах есть, и пленки на воде, но нет главного — фонтанов нефти. Купец стал просить помощи у правительства: не могут ли прислать ученого геолога, чтобы направить его разведки?

Приехал геолог из Геологического комитета, важный чин, действительный статский советник. Геолог посмотрел на скважины и сказал, что разведки за счет правительства производиться не будут.

— Почему же?

— Лет сорок назад здесь была уже казенная разведка. То-есть, не совсем здесь, верстах в десяти. Не на нефть, правда, а на каменный уголь. Ну и в отчете тогда ничего о нефти не было сказано. Значит, нет смысла снова тратить казенные деньги.

И уехал действительный статский советник. А купец побился еще и бросил разведку.

Потом арендовал эти земли у башкир один полковник — тоже для поисков нефти. Полковник и бурил и даже шахту двенадцатиметровую пробил, но кроме сгустков нефти и пропитанных нефтяной смолой песков ничего не нашел.

Геологи тогда же сказали, что бурить надо глубоко, что нефть проникает из глубоко лежащих пород, вероятно, из губчатых известняков. Они отмечали и громадное промышленное значение нефти в этих местах — на берегу судоходной реки Белой, почти в центре горнозаводского Урала. Площадь нефтеносных земель определялась в пятьдесят квадратных километров.

Однако правительство не отпустило средств на глубокое бурение. Предприниматели не хотели вкладывать средства.

Одно дело — хищничать, другое дело, — вкладывать средства с риском не получить их обратно.

В Америке, разведывая нефть, закладывали скважины даже там, где никаких признаков нефти почти нет.

Такая скважина называется „дикий кошкой“. Американцы считали, что одна удачная скважина окупит расходы на десятки „диких кошек“. Так оно и получалось.

Только советское правительство начало глубокое бурение в Ишимбаево. В 1929

году наши разведочные учреждения выехали вперед отряды геофизиков.

Геофизики испробовали здесь все свое вооружение. Ходили с электроприборами, с магнитными аппаратами, устанавливали тяжелые станки с медленными маятниками, взрывали динамит в разных точках и записывали, как передается сотрясение по подземным пластам. Так они изучили тектонику, то-есть геологическое строение района. И только когда убедились, что антиклинальные складки (хотя и очень пологие) осадочных пород здесь есть, назначили первые четыре точки для глубокого бурения.

Бурение шло медленно. Надо знать здешние условия: трудно и на земле и под землей. Породы такие твердые, что буровой инструмент то и дело ломается. Это не бакинские мягкие глины, к которым привыкли нефтяники. А на землемозимой бураны с ветром твердым, как стена, весной — разлив рек, который отрывает Ишимбаево от всего мира на полтора — два месяца. Железная дорога в ста двадцати километрах и сюда ветку не проведут, пока не покажется настоящая нефть. Паровые котлы для буровых станков пришлось везти конным обозом. Автомобили в здешних снегах тонут. Всякую мелочь для работы разыскивали с громадными трудами.

Трудящиеся Стерлитамака и башкирское советское правительство верили в нефть, заразились энтузиазмом геологов и помогали каждый раз, когда работам грозила остановка. Испортился насос — достали насос с какой-то мельницы. Нужен сверлильный станок — не пожалели отдать с городской электростанции.

Прошел год. Скважины опустились ниже трехсот метров, а нефти не видать. Но геологи упорно продолжали бурение на всех четырех скважинах.

В мае 1932 года все газеты Союза напечатали жирным как нефть шрифтом: „Стерлитамак, 21. Уже семь дней скважина № 703 непрерывно выбрасывает фонтаны газа. Скважина № 702 на глубине пятисот семидесяти метров вступила в нефтеносные каменноугольные известняки и выбросила свыше пятидесяти тонн чистой нефти“.

На этот раз никакой случайности не было: нефть была предсказана геологами.

На Чусовой тоже успешно развивается добыча нефти. Промышленное значение и чусовской и стерлитамакской нефти неоспоримо. Нефть уже горит и работает в двигателях Урало-Кузнецкого комбината.

Однако этими двумя пунктами поиски и разведка уральской нефти не должны ограничиться.

Геофизики нащупывают подземные антиклинали в области северной реки Печоры, где издавна находили нефть местные жители. Признаки нефти встречены в разведочных скважинах Чердынского края и Кизеловского района. Через Чусовские Городки и Ишимбаево нефтеносная полоса, по геологическим данным, тянется до города Актюбинска в Казакстане.

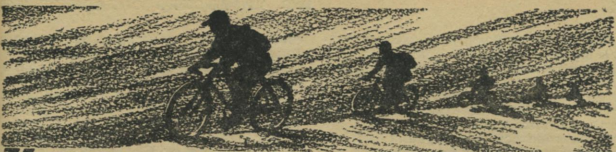
Как бы подтверждая предсказания геологов, нефть показалась в 1934 году в новом месте. И опять, как чусовская, случайно.

На Каме, недалеко от Перми, строится бумажная фабрика. На строительной площадке бурили скважину, искали воду. А показалась нефть. Тогда заложили четырнадцать скважин, бурили восемь месяцев — и ни одна не оказалась пустой. Каждая скважина дала нефть. Новые сто квадратных километров нефтеносной площади, новые миллионы тонн уральской нефти.

Академик Губкин считает возможным искать нефть и на восточном склоне Урала — в породах другого, более молодого возраста. Там тоже было когда-то море, и в его заливах могли отложиться материалы органического происхождения. Из них могли, путем перегонки, образоваться бассейны жидкой нефти, которая могла сохраниться до нашего времени. Как видите, предсказать находку нефти здесь еще трудно, но поискать ее стоит.

На XVII съезде партии тов. Сталин дал директиву: „Взяться серьезно к организации нефтяной базы в районе западных и южных склонов Уральской хребта“.

Это указание успешно проводится жизнь.

Уральские велоследопыты

По рассказам
участников велопробега Уралмаш — Ивдель

20 июня текущего года дан был старт велопробегу Уралмаш — Ивдель — Уралмаш, организованному по инициативе Ивана Дмитриевича Кабакова. Семь уралмашевцев — техник Мальков (командир пробега), электромонтер Первушин, слесаря Алексеев, Мельников и Поскребышев, конструктор Соляников и лаборант Мокрушин ушли в пробег, который представлял исключительный интерес.

Маршрут пробега: Уралмаш — Невьянск — Тагил — Кушва — Верхотурье — Ивдель и обратно.

Путь лежал на крайний север Свердловской области, по северной тайге и горам. Цель пробега — открыть дорогу сотням и тысячам велотуристов, увлечь их за собой по своим следам на суровый и прекрасный наш север.

О смелом походе уральских велоследопытов и рассказывается ниже со слов самих участников.

I

...Долго не могли выбрать маршрут. Куда направить бег наших стальных коней? В Крым, на Кавказ, в красную Москву или в Среднюю Азию, к гробнице Тамерлана, в страну солнца и хлопка? А нас тянуло на наш родной уральский север. Но добровольные советчики с ужасом восклицали:

— Северный Урал? Вы с ума сошли? Да ведь это же terra incognita. Ни дорог, ни тропинок! Это равносильно путешествию в Центральную Африку во времена Ливингстона!.. Когда мы доложили о своей поездке И. Д. Кабакову, он сказал нам:

— Преезжайте на Уральский Север!..

Он отвлек нас от вредных путей ложного рекордсменства и указал правиль-

ный, интересный и нужный маршрут. Вот почему мы считаем Ивана Дмитриевича инициатором, душой нашего пробега.

Итак, маршрут выбран: Уралмаш — Ивдель — Уралмаш. Маршрут исключительно интересный, но и очень трудный. Перед таким пробегом нужна тренировка, тренировка и еще раз тренировка!

Наш тренаж продолжался ровно месяц без отрыва от производства. Мы сами не хотели этого. Мы не заграничные рекордсмены. Мы — рабочие туристы! В течение этого месяца мы и „шагу не сделали“. Мы забыли, что ноги предназначены для ходьбы. На завод, с завода в кооператив, на собрание, по делу, на прогулку — всюду на велосипеде. Кто-то из нас предлагал даже дома, по комнатам, передвигаться не на двух ногах, а только на двух колесах... Каждый выходной день мы отправлялись в тренировочную поездку за город. Начали с 60 километров, дошли до 120 километров.

В итоге месячной тренировки к моменту старта мы были, как говорят спортсмены, „в форме“. Этого нельзя было сказать про наши машины. Велосипеды у нас были здорово потрепаны, особенно три из семи. Новых мы не достали. Ремонт закончили только у двух машин, а две выглы в поход в такой „форме“ — у одной были связаны спицы, у другой цепь вытянулась и выходила из зубьев.

Накануне пробега, 19 июня, нас принял Иван Дмитриевич. Он долго беседовал с нами. Он подвел нас к карте Свердловской области и рассказал о своей поездке на Вишеру и в Чердынь. От его рассказов мы почувствовали буквально зуд в ногах. Захотелось поскорее увидеть строгие уральские хребты,

быстрые горные реки, услышать величавый шум тайги, пожать руку шахтерам, старателям, колхозникам, передельвающим Север — бывший край нищеты и насилия в край счастья и радости. На прощанье Иван Дмитриевич сказал серьезно, даже чуть строго:

— Не гонитесь за рекордами быстро. Не надо их! Поезжайте медленнее, но выполните свою задачу. А главное — изучайте Север и отдыхайте в пробеге.

...20 июня в 16 часов, мы стартовали с площади Первой пятилетки. На прощальном митинге нам сказали:

— Счастливого пути, товарищи! Общественность желает вам этого от всего сердца. Славный маршрут избрали вы!

Нога нажала педаль, зашипел под шинами гравий, упругий встречный ветер впервые ударил в лицо. И вспомнил почему-то строчка стихотворения:

Ветер странствий дальних обвеет лицо мое!..

II

Первый перегон прошли очень легко. Сделали без труда 50 километров. Остановились в селе, которое было извещено заранее о нашем побеге. Приняли нас с настоящим колхозным радушием.

Около озера Балтым неожиданная и радостная встреча с Иваном Дмитри-

евичем. Посмотрел на наши велосипеды, покачал головой:

— Доедете ли на таких машинах? Выдержите?

— Доедем! Выдержим! — заверили мы его.

На следующий день мы были уже в Тагиле, покрыв за день 112 километров. Правда, дорога от Свердловска до Тагила вполне удовлетворительная. Местами были крутые подъемы и спуски, такие, что на колесах не одолеешь. Вели велосипеды в гору „на поводу“, на вершине садились в седло, и под гору летели пулей!

В Невьянске осмотрели знаменитую падающую башню! Жутковато стало, когда склонилась над нами каменная громада.

— Почему она наклонилась? — спрашиваем пробегающего мимо пионера.

— А речка то Нейва рядом. Подмыла основание, ну она и накренилась.

Для этого быстроглазого паренька все просто и понятно — „подмыло и накренилась“. А старики говорят по-другому:

— Не вынесла башня грехов, которые скрывала, вот и покосилась! Сколько в ее подвалах Демидовы людей замучили — ужас!

Интересен подход к Тагилу. Тайга, горы, тишина, и вдруг крутая вспышка

Велоследопыты Уралмаша при переходе в брод через р. Кокву.

заводского гудка, и мы видим — в огромной долине, между гор, горит, полыхает красным, упорным светом домна, дымят бесчисленные трубы.

Гора Высокая, в чье подножие уткнулся завод, представляет собой исполинский железорудный массив в 350 метров высотой. Он весит 155 миллионов тонн! Два с половиной столетия питаются уральские заводы этой высокосортной рудой.

Но разве только железом богат Тагильский район? Нет, не только железом. Это — платиновое дно нашей страны. За последние 60 лет прошлого столетия здесь было добыто свыше пяти с половиной тысяч пудов платины и более подлоторых тысяч пудов золота. И все же, при царях, золото и платину здесь искали на ощупь. Только при власти советов начато подлинное геологическое изучение района, только сейчас раскрываются по-настоящему подземные его клады.

Октябрьская революция смела демидовское „горное гнездо“. И хотя сохранились еще неуклюжие, приземистые цехи с толстыми тюремными стенами, но крохотные домны, которые обычно равнялись с купеческими самоварами и которые символизировали техническое убожество дореволюционной уральской металлургии, уступили место новым советским домнам с механизированной загрузкой шихты, разливочной машиной, газоочисткой, воздухоподувкой и другими чудесами современной техники.

...После Тагила произошла первая авария. Лопнула вилка машины т. Соляникова. Кое-как починили. Едем дальше. В Лае веселая встреча с пионерами в их лагере. Особенно с ними подружился т. Поскребышев. Через пяток минут они звали его просто Колей и засыпали вопросами о целях пробега, о впечатлениях, и т. д. „Коля“ обещал ребятам на обратном пути сделать обстоятельный доклад.

Особенно интересная дорога началась после Кушвы. Глухие, необжитые места, где встреча с телегой — целое событие. Автомобиль же и в помине нет.

Горы и тайга, нетронутая, может быть вековая, легла на сотни километров „без перехвата“. Каменные, хмурые хребты, суровые вершины. Вот он настоящий, доподлинный Урал, древний Каменный Пояс земли, рожденный нашей планетой в ее младенческие годы.

Эти живописные места вдохновили нашего командира т. Малькова, и он разразился таким письмом по адресу „Уральского рабочего“:

„Нехватает слов для того, чтобы рассказать, по каким красивым местам мы едем. Дорога идет по горам. Подъемы и спуски достигают пяти километров в длину и часто приходится подниматься в гору пешком. Дорога нас не балует. 22-го прошел сильный ливень и ехать стало невозможно. Но все же мы делаем 100—120 километров в день, не считая 23 июня, когда сделали только 70 километров. Все из-за дорог, испорченных дождем.

Нас всюду прекрасно встречали и только в Тагиле организация не оказала нам никакого содействия. Зато в Верхней Туре нас приняли исключительно хорошо. На ночлег устроили в ночном санатории. В Кушве за 15 минут рабочие сварили допнувшую вилку велосипеда т. Соляникова. Самочувствие у нас очень хорошее. Аппетит волчий!..“

Проехали Нижнюю Туру. Верстах в двадцати от нее в реку Туру впадает река Ис, знаменитая своими золотыми и платиновыми россыпями. Лет 30 назад здесь была непроходимая тайга, а сейчас на мутных волнах Иса величественно покачиваются громады пловучих заводов — электрических драг. Очень хотелось нам побывать в знаменитом Исовском районе, но с Нижней Туры повернули мы круто на восток, на древний Верхотурский тракт.

Людскими голосами, конским ржаньем, скрипом бесчисленных телег неутомочно шумела когда-то большая Верхотурская дорога. Шли по ней туго-натуго увязанные вozy с драгоценной уральской пушшиной, ползли бесконечные обозы с не менее драгоценными уральскими — чугуном, железом, медью, мчались почтовые тройки, пылили пешие и конные отряды, высланные верхотурскими воеводами на усмирение восставших манси и ханты.

Тремя потоками в одну сторону и тремя потоками в другую шли когда-то обозы по Верхотурскому тракту. А сейчас это тропка в ладонь-две шириною. По бокам непроходимые, непролазные заросли кустов и трав. Древний тракт, живший ввечном движении, зарастает травой пустырей, кропивой. Так умирает дорога!

Но мы не жалеем старую дорогу. Мы знаем, что в связи с развертыванием

III

на горнозаводском Урале строительства промышленных гигантов, в первую очередь Тагильского вагоностроительного завода, Верхотурский тракт снова приобретает исключительно важное значение. В ближайшее время намечается его капитальное переустройство. И не скрипучие, медлительные обозы, а быстрые автомобили промчатся по обновленной дороге.

Но это еще в будущем, пусть в недалеком. А пока нам приходится неустанно лавировать, следуя капризным извивам узенькой тропки. Неосторожное движение рулем — и влетаешь в куст или в жгучую чашу кропивы. Так, черные и бесшумные, словно летучие мыши, зигзагами летим мы по старому тракту. Воображаем, как перепугались бы бывшие верхотурские ямщики, увидав наш бесшумный, стремительный бег.

Тракт сразу уперся в быструю Туру. И как в древности, при верхотурских воеводах, переправились мы через реку на медлительном пароме. Мост через Туру разрушен белыми. Но скоро новый, легкий и ажурный мост, перебросившись через реку, соединит разорванные концы старой дороги.

Еще несколько подъемов, спусков — и на горизонте показалась Верхотурье.

Много раз, особенно в детстве, слышали мы это быстро запоминаемое слово — Верхотурье. „Забрался на верхотурье“. „Урал с верхотурья“. „Живет на верхотурьи“...

Так вот оно какое Верхотурье! Нето село, нето город. Вернее, сейчас село, районный центр, а в недавнем прошлом — город, и самый старый город на Урале. Здесь, может быть, впервые на Урале заблестала секира московских царей. И под эту секиру склонили голову не только пушной и золотой Северный Урал, но и далекая Сибирь. Не даром историки называли Верхотурье „дверью в Сибирь“. Где не помогла секира, выручал крест. Вот почему оцетинилось Верхотурье, как копытами, многочисленными колокольнями.

Большую известность и влияние имел Верхотурский мужской монастырь, сначала оплот русской колонизации на Севере, а затем очаг монархическо-черносотенной пропаганды. „Гвоздем“ монастыря были мощи Симеона праведного. В 1920 году, по желанию трудящихся, они были вскрыты. Фальшивая карта монахов была бита.

На верхотурцев наши велосипеды особенного впечатления не произвели.

Встреча велоследопытов Уралмаша с участниками велопробега В.-Тура — Москва.

Верхотурье первый велосипед увидело... в 1800 году. Раньше Москвы, Парижа, Лондона или Берлина.

Много громких ученых имен претендуют на право называться изобретателем велосипеда — Драйсс, Дайзел, Лальман, Мишлен. Лишь имени Артамонова, верхотурского крепостного мастера, нет в этом горделивом списке. Но Артамонов, а никто другой, изобрел и построил в 1800 году двухколесный „самокат“. Мало того, он совершил замечательный велопробег, Верхотурье — Москва — Верхотурье, покрыв на своем „самокате“ более 5000 километров.

Хозяин и владетель Артамонова отпустил его в Москву не из любви к изобретательству, а из желания снискать „высочайшее благоволение“. Артамонову было приказано явиться в Москву в день коронавания императора Александра I, в 1801 году.

Задача Артамоновым была выполнена точно. В свое время об Артамонове и его изобретении поговорили, а потом забыли, крепко накрепко забыли.

Пора о нем, однако, вспомнить. Пора поставить в Верхотурье памятник Артамонову, крепостному рабочему, изобретателю и строителю первого велосипеда. Физкультурные организации Верхотурья обязаны поднять этот вопрос...

Едва покинули мы „колыбель велосипедизма“, ударил проливной дождь. Дорога раскисла. На колеса наших машин наворачивалось очень много грязи. С характерным мокрым шипеньем одолевали мы одну лужу, чтобы тотчас же попасть в другую.

Дорога внезапно превратилась в тропку и нырнула в березовые заросли. Началась своеобразная игра в прятки. Дорога от нас, мы за нею. Тропка обогнет березу и исчезнет, словно под землю нырнула. Куда ехать? Едешь напролом в чащу. Деревья гневно хлещут по лицу мокрыми ветвями, обдаёт водой, как из ведра. Но тропка уже найдена, и снова виляет, кружит, пытается улизнуть из-под колес наших машин...

Дождь перестал. Мы вздохнули облегченно. Но тотчас же страстно захотели дождя, проливного, крупного, ибо на нас навалились комары, „гнус“ как их здесь называют.

Поистине гнусность! Сетка не помогает, перчатки тоже. Набьются между перчаткой и рукавом и грызут, буквально грызут до кости. Руки начинают дрожать,

велосипед, как испуганная лошадь, бросается из стороны в сторону. А какая дикая, лютая злоба поднимается в сердце против этих гнусных тварей! Убил бы! И убейешь одного, а на его место садится десяток.

Местные жители спасаются от комаров так: привязывают на грудь или на спину консервную банку с дымящимися углями. И нигде не расстаются с этим походным кадиллом. Мы пробовали обвязываться ветками. Помогало, но мало. Нет-нет, а взвоет кто-нибудь или зубами заскрежет от лютой злобы и бешенства. Вчуже страшно... за комаров. А комарам хоть бы что!

Так, подхлестываемые гнусом, влетели мы на Туринские рудники...

* * *

Подведем маленький дорожный итог. Поделемся с читателями нашим следопытским опытом. Дорога от Свердловска до Туринских рудников, 600 километров, вполне проходима для велосипедистов. Свердловские велосипедисты смело могут организовывать экскурсии до Туринских рудников. Но устраивать их надо в августе, так как, по словам местных жителей, это лучший месяц здесь в смысле погоды. А мы попали неудачно, в июне на севере дожди и комары.

Район Туринских рудников — сплошь золотоносный район. Чем он был в прошлом? Читателя, который пытался бы искать в прошлом Туринских рудников юконскую и калифорнийскую экзотику в духе Джека Лондона или Брет-Гарта, мы отошлем к дореволюционной газете „Уральская жизнь“. В одном из своих номеров за 1903 год эта газета писала:

„Нигде преступления не достигали таких невероятных размеров, такой уточненности, кровожадности, нигде не творится таких зверских истязаний, убийств и растлений, как в глуши присковых лесов. Застегивание розгами и плетью, растление во всех его видах, убийство и грабеж — плоды присковой тьмы, безначалия и мрака. Прииск — это какой-то „оазис скорби“, отделенный от культурного мира непроницаемой стеной глухого, мрачного леса, из-за которого вылетают на свет божий мольбы задавленного прискового старателя.“

А теперь в северной тайге расцветает передовая золотая промышленность. В тайге рождаются новые люди, превра-

щающие былые таежные „оазисы скорби“ в оазисы культуры и высокой, передовой техники.

Из Туринских рудников выехали в 9 утра. И остановились, как васнецовские витязи на распутьи. Как ехать, куда? На карте нашей не обозначено никаких дорог на Ивдель. Определили приблизительное направление и тронулись. Но вскоре же почувствовали, что дорога выбрана не совсем удачно: потянулось болото. Колеса увязли в тине. Мы соскочили с седел и повели велосипеды „в поводу“. Тишина вокруг была мертвая. Лишь шуршание шин по мху и траве нарушало ее. Да где-то вдали чуть слышно звенели лягушки. Да еще комары ныли свою ядовитую песню. „Гнус“ опять одолевал нас.

За каждым поворотом мы ждали Волчанский стан. От Туринских рудников до него было всего лишь 20 километров. Но за каждым новым поворотом перед глазами нашими открывалось все то же „качап-болото“ — безлюдная трясина, где „журавли яйца несут“.

Начало темнеть. Мутные ненастные сумерки окутали болото, а за ними пришла сырая, промозглая ночь. Часы показывали первый. За пятнадцать часов мы не прошли и 20 километров... Конечно, мы заблудились! И в этот момент окончательной безнадежности мы услышали далекий собачий лай. Северный промыс-

ловый пес почуял нас за несколько километров.

Только тот, кто блуждал в степи, кто путался в коварных таежных тропах, часами качался на зыбучем болоте, — только тот поймет, каким теплом, сытостью, покоем повеяло на нас от этой далекой собачьей брехни, обычно надоедливой и раздражающей. Вслед за собачьим лаем мы услышали человеческий голос и к нам подошел старатель из той самой Волчанки, которую мы искали ровно 16 часов.

Велосипеда в Волчанке никогда не выдвали, о пробеге нашем никто не знал, к приезду нашему никто не готовился, и все же, несмотря на поздний ночной час, нас приняли очень хорошо — согрели самовар, дали свежего хлеба.

Волчанка стоит от Ивделя в 120 километрах. Было 28-е число — день, когда мы должны прибыть в Ивдель. И мы решили во что бы то ни стало сделать за сутки эти оставшиеся до финиша 120 километров.

IV

На следующее утро старатели, по нашей просьбе, разбудили нас в 4 часа утра:

— Вставай, ребята, хомутай своих коней. В дорогу пора!

Мы выходим на улицу. На дворе звонко от утреннего мороза. Хрустит

Панорама Ивделя — конечного пункта маршрута велоследопытов Уралмаша.

стеклянно под ногой лед на лужицах. А мы одеты более чем по-летнему. Снова ложимся спать. В 8 утра снова делаем вылазку на улицу. Мороз по-прежнему шиплет уши. Но ждать больше не можем. Тронулись. И на первом же километре разогрелись, забыли про холод.

Под самой Волчанкой через реку перекинут мост, выстроенный по последнему слову техники... XVI-го века. Через реку брошено несколько бревнышек. И когда ступишь на этот мост, он тотчас покорно погружается в воду. Впоследствии, в Свердловске, показывая Ивану Дмитриевичу фотографию этого моста, мы называли его „Чортовым мостом“. Пожалуй, и это название слабо.

Много таежных рек и речушек пересекали мы за время нашего пробега. И невольно проникаешься большим и глуповатым уважением к их диким, но звучным именам — Вяя, Тура, Ляля, Сосьва, Лобва.

Это благодаря им оживает тайга, благодаря им вырастают в тайге, за сотни километров от железной дороги, новые поселки, может быть будущие города с клубами, театрами, детскими домами, больницами. Ибо эти реки и речушки откладывают на своем дне драгоценные металлы — золото и платину.

На большинстве рек мостов нет, приходилось переправляться вброд. Через реку Лобву был мост, но сгорел. Переправлялись в лодках-долбленках местному — „душегубках“. Лодки эти отличаются необыкновенной длиной — метром до трех-четырех, при ширине в полметра, если не уже. Делаются они из цельного ствола осины, внутренность которого выдалбливается, бока разгибаются, к ним прикрепляются набои-шпангауты — и лодка готова. Грузили мы на такую лодку сразу 4 велосипеда. Осадка была столь значительна, что от воды до борта оставалось не больше пяти сантиметров, но лодка шла бойко, была послушна рулевому и переправила нас на противоположный берег без всяких приключений.

По Лобве ходят пароходы. Но из-за мелководья пароход не дошел до Першина, остановился внизу, за 20 километров. А когда-то по Лобве, из нее в Тавду и Тобол „хаживала денежная и соболиная казна и хлебные припасы“, отчего и назывался этот древний водный путь „государевой дорогой“.

Тотчас за „Чортовым мостом“ снова началось бесконечное болото. Прошли пешком километров двадцать, выбились из сил, решили невесело: до Ивделя нам сегодня не добраться. И тут увидели синие, как полосы стоячей воды, рельсы и хрупкие мачты семафоров. Железная дорога!

С радостным „ура“ карабкаемся на железнодорожную насыпь. Но бровка засыпана балластом. По шпалам же не поедешь — машина сотрясается, портится, развинчиваются винты.

И пришлось нам превратиться в цирковых „канатоходцев“. Ставили машину на рельсу, брались за руль и вли.

Освоить это цирковое искусство было отнюдь не легко. Пять-десять метров послушно катится машина по рельсу, а потом срывается, иногда падает, иногда и ты за нею летишь и шлепаешься поперек рельса. А виноваты во всем... комары. Руки на руле неподвижны, а летучий „гну“ облепит и пьет кровь бессовестно и безжалостно. Не вытерпишь, рука дрогнет и велосипед срывается с рельса.

Но мы не унывали, даже на ходу придумали себе цирковое название: „рельсоходцев“.

Несмотря на все комариные муки, к двум часам дня прибыли на станцию Вагран. От Волчанки всего лишь 24 километра. До Ивделя — 96 километров. Стиснули зубы и поклялись сегодня же быть в Ивделе.

Выехали мы из Ваграна в 3 часа, пообедав, и последние 96 километров покрыли к 12 часам ночи. Надо принять во внимание, что ночи здесь летом белые, светлые, хоть газету читай. Ехать было светло, как днем.

С нетерпением, с азартом брали мы эти последние, предфинишные километры. Сурово высились вдаль каменные громады уральских вершин. По тайге, по болотам вьется узкая дорожка, петляет в горных отрогах, перебрасывается через быстрые ручейки. Тишина, безлюдье и голубоватый загадочный свет белой северной ночи.

И вдруг (сначала мы не поверили своим глазам, подумали, что это какой-нибудь особенный северный мираж) — из тайги, навстречу нам, несется группа велосипедистов в 6 машин... Действительно, не обман ли зрения это, не свои ли собственные отражения мы видим?

Но вот навстречу нам несутся приветственные крики:

— Ударникам Уралмашзавода, привет!

Это команда ивдельских велосипедистов выехала нам навстречу и встретила нас в 12 километрах от селения.

Весь Ивдель вышел на улицы встречать нас. Со знаменами, с плакатами стояли школьники, пионеры, физкультурники, старые старатели, промысловики-охотники. Всюду были лозунги — „Добро пожаловать“, или „Привет физкультурникам Уралмашзавода!“, всюду были букеты неярких, чуть печальных цветов Севера.

Нас встречать пришли и представители тайги и тундры — ханты и манси. Они стояли отдельной группой. Они на нас и мы на них смотрели с жадным любопытством и дружелюбными улыбками. Мы видели друг друга впервые, но в первую же минуту мы почувствовали себя братьями и соратниками в нашей великой общей стройке и борьбе.

V

Окуровский поэт Сима Девушкин писал в революционную пору про свой город:

Позади у нас леса,
Впереди болота.
Господи, помилуй нас,
Жить нам неохота!

Позади Ивделя тайга, впереди болотная тундра, по бокам горы, но ивдельцы веселы, жизнерадостны, энергичны. Жить им теперь охота!

В течение пятидневного пребывания нашего в Ивделе мы познакомились и с самим селом и его окрестностями.

В прошлом Ивдель — гнездо кулаков и купцов, спавивших тайгу и тундру, обиравших ханты и манси.

Сейчас Ивдель — форпост советской власти на крайнем Севере. Это культурное, благоустроенное село, районный центр, где имеются клуб, кино, школа, больница, своя газета.

Зрители, вышедшие из кино, натякаются на оленью упряжку приехавших из тундры ненцев. Но эти ненцы и ханты не валяются пьяными, как в былые времена, по ивдельским дворам и улицам. Они приезжают сюда лечиться, лечить своих оленей, привозят в школу своих детей. Они — равноправные граждане, а не былые презираемые дикари.

Много в Ивделе старателей. Ивдельский район перекрыл контрольные цифры золотодобычи по сравнению с прошлым годом вдвое. Да, ивдельцам охота жить! И только при советской власти они научились по-настоящему, радостно жить и трудиться.

Ивдельский район славится также охотой на пушнину. Сельское хозяйство ведется здесь в очень незначительных размерах. На весь район только 5 гектаров посевов ржи и пшеницы. Почва плохая, болотистая, климат суровый. Но главное здесь — золото и золото! Спросишь малыша лет пяти-шести: „Ты кто?“ — И слышишь гордый ответ: — „Старатель!“ — И действительно, он моет золото, помогая старшим.

Живут старатели зажиточно. Работают они обычно артелями, человек по 8—10. Часть работает в шахте забойщиками, часть на промывке.

В Ивделе дорог каждый человек. Каждого вновь приехавшего всячески уговаривают остаться. И многие остаются. Суровый и величественный Север тянет к себе мужественных, твердых, негнущихся людей.

Мы идем в последний раз по ивдельским улицам. Выходим к реке Ивдель. Берег вздыбился отдельными вершинами метров на сто-полтораста высотой. И когда вскарабкаешься на эту вершину, видишь, как во всем своем величии стелется перед тобой тайга, стелется на сто, двести километров, а может быть и больше, на сколько хватает глаз.

Завтра в обратный путь!

VI

И вот снова развертываются перед нами величественные картины Уральского Севера. Снова мчимся мы по тайге, бредем по болотам, переходим в брод речки и ручейки.

Места уже знакомые, освоенные. Был случай, когда под станцией Лобва мы сбился с пути и угодили в непроходимое болото. Здесь увидели, — побежденный трясинной, застрял в болоте 60-сильный трактор и с ним сани.

Много работы было на обратном пути т. Поскребышеву. На многих останках — в Верхотурье, в Туре, Ляле, Невьянске нас встречали пионеры, и первый их вопрос был: „Где Коля?“ — А найдя Колю, они тащили его к себе и заставляли

делать подробнейшие доклады о пробеге и засыпали вопросами на тему о наших дорожных приключениях.

Но вот пошли знакомые места: Тагил, Невьянск, а вот и памятное озеро Балтым. Здесь спрашивал нас заботливо Иван Дмитриевич:— Выдержите? Доедете?

Выдержали!..

* * *

Подведем окончательные итоги.

В пробеге мы были всего 25 дней, из них ходовых — 14 дней. За это время в оба конца покрыли 1520 километров. Выходит, что в среднем мы делали 100 с лишним километров за день. Не хватаясь, скажем — не плохой результат! Это несмотря на то, что мы мало обращали внимания на быстроту пробега.

Наши цели были другие, следопытские. Мы должны были пробить вело-

сипедную трассу в новом, неизвестном направлении. И мы это сделали.

Поездка наша дала нам очень много. Мы познакомились с Уральским Севером, который знали очень слабо, с его населением, их промыслами. Мы завязали крепкую связь с добытчиками золота. Мы научились ценить и беречь советский велосипед. И, наконец, мы закалились, набрались свежих сил для предстоящих боев на производстве.

Многое еще надо сделать на том пути, который мы проложили. В первую очередь — исследовать богатства Уральского Севера — лесные, богатства недр, энергетические, пушные и пр. Но это сделают те, кто поедет по нашим следам.

В путь, товарищи уральские велоследопыты! В седло, и крепче жмите педали, осваивайте энергичнее наш край, который таит еще в себе множество невоскрытых богатств!

Велоследопыты Уралмаша со встречными участниками В.-Туринск — Москва.

ПРИРОДА

И ОХОТА

Волки на Урале

Гуще всего волк населяет лесостепную зону Урала, более редок на Среднем Урале, а в округах Остяко-Вогульском, Коми-Пермяцком и в районах Чердынском, Нырбском, Ивдельском и Северной части Кабаковского района почти не встречается совершенно.

Однако, дальше на север — в тундре, где развито оленеводство — волка можно также часто встретить, как и в лесостепи юговосточного Урала.

На Урале водятся три разновидности волка: на севере — крупный, с густой и пушистой шерстью, тундряный волк. На Среднем Урале — среднего размера темносереого окраса лесной волк. На юго востоке — более мелкий, светлосерый, степной волк.

Волки — злейшие враги сельского, оленеводческого и охотничьего хозяйства.

Из сельскохозяйственных животных они уничтожают, главным образом, овец и молодяк лошадей и коров, а из охотничьих животных — зайца, куриных и линяющую водоплавающую птицу. Сильно страдают от волка собаки.

Общий ежегодный убыток, наносимый волками народному хозяйству Урала, составляет свыше 3 миллионов рублей.

Несмотря на огромный вред, организованной борьбы с волками на Урале не ведется и количество волков не только не убывает, но за последние годы заметно увеличивается.

Уничтожения волков, как вредителей, не существует. Волки добываются только ради их шкуры в зимние месяцы, когда шкура имеет товарную ценность, принимается заготовителями пушнины по цене от 80 до 105 рублей за первый сорт.

Несмотря на сравнительно высокую заготовительную цену за шкуру волка, охотников, занимающихся добычей волка на Урале, нет.

Это объясняется тем, что добыча волка трудна, требует больших подготовитель-

ных работ, знания дела, большой затраты труда, не оправдываемого стоимостью шкуры. Поэтому волк добывается охотниками лишь попутно, во время промысла на других пушных зверей, при чем основной способ охоты на него — капкан и отравы стрихнином. Ружейная охота на волка развита слабо, несмотря на ее огромный спортивный интерес.

При всех способах охоты на волка от охотников требуется тонкое знание образа жизни волка, его характера, повадок и привычек.

На охоту волк выходит вечером, свои разбойничьи набеги устраивает ночью, а к утру летом уходит к своему выводу, который помещается обычно в норе на острове трудно проходимого болота, обязательна вблизи воды, а зимою днюет где попало в местах крепких, в лесных трупобах, травянистых болотах.

Несмотря на свою хищность и кровожадность, волк чрезвычайно осторожен.

Хорошо развитое чутье, зрение и изумительно тонкий слух волк умело использует для своевременного определения опасности, а крепкие ноги, быстрота, исключительная выносливость и развитый ум позволяют ему быстро спастись от нее.

Больше всего волк боится человека. Одного запаха человека достаточно, чтобы обратить в бегство целую стаю волков.

* * *

Рассказы о нападении волков на людей в огромном большинстве своем являются вымыслом, результатом безотчетного, ни на чем не основанного страха перед волком.

Неоднократно мною предпринимались попытки установить факты нападения волков на человека, но при проверке трагедия всегда оказывалась или вымыслом или фарсом.

Вспоминается последний случай этого порядка осенью 1934 года.

На охоте за глухарями около деревни Ново-Ипатьевской, в 100 километрах от Свердловска по Челябинскому тракту, нам рассказывали, что предыдущей ночью стая волков чуть не съела караульного хлебных кладей этой деревни.

Караульному, по рассказам, удалось спастись лишь забравшись на хлебную кладь и просидеть там всю ночь до рассвета.

По окончании охоты мы заехали на поле к караульному, чтобы на месте выяснить факт.

В поле стояли пять огромных кладей хлеба, а около них избушка с застекленными рамами, плотно закрывающейся дверью и железной печкой. В избушке мы застали двух сторожей, вооруженных берданками. Один из них был жертвой нападения волков прошедшей ночью.

Увидев охотников с ружьями и узнав, что мы собираемся заночевать у него, старик сразу оживился и, не дожидаясь наших расспросов, под свежим впечатлением только что минувшей опасности, чуть не стоившей ему жизни, начал свой рассказ:

— Съели, было, меня вчера волки, не знаю, как жив остался. Целая стая напала, почитай, штук десять.

— Ты видел их, считал?

— Нет, куда там считать! Не считал я и не видел. Вроде ума сразу решил, как они завыли.

— А где они выли?

— Вот там, в лесу.

Лес находился от избушки метрах в двухстах. Между избушкой и лесом лежала чистая ровная жнива.

— Ну, а дальше что было?

— Как завыли они, все ближе, да ближе. Ну, думаю, конец мне пришел: залезут в окна, да и дверь ненадежна. Схватил я берданку, патроны, да вон из избы и полез на кладь. А они все воют. Забрался на кладь, зарядил берданку и давай палить. А пистоны, известно, железные, да и берданка старая. Сколько ни чикал, так ни разу и не грохнуло. Так до свету и просидел на кладь. Заколеп весь, зуб на зуб не попадает, еле-еле утром у печки оттаял.

— А ночь-то такая же была, как сегодня, лунная?

— Светлая была ночь, только студеной шибко.

— А не видал, не выходили волки из лесу на жниву?

— Нет, бог миловал, на жниву не вышли. Поревели в лесу, да так лесом и утаились куда-то.

Вот и вся история „волчьего нападения“.

А в деревне уже все от мала до велика рассказывают, как волки всю ночь лязгали зубами, бесновались вокруг кладь, на которой сидел и отстреливался дядя Игнат. Слухи эти пойдут дальше в соседние деревни, стая волков увеличится до 2—3 десятков, а дядю Игната волки, наверно, разорвут на мелкие кусочки...

Нам известен и другой факт, который пскazuje отношение волка к человеку. Состоит он в следующем. Известный профессионал окладчик Клементий Яковлев, свыше 40 лет своей жизни посвятив окладу волков. Три года он работал у нас на Урале.

Яковлев проводил дни и ночи в одиночку в лесу, подзывая волчьи выводки и выслеживая волчьи стаи, никогда не имел с собой ни ружья, ни револьвера и, встречаясь стьсячами волков во время своей жизни, никогда не подвергался нападению волков. Он не верит вообще в возможность нападения волка на человека.

Однако отрицать полностью случаи нападения волка на человека нельзя, но случаи эти чрезвычайно редки и, повидимому, бывают при встрече с бешеным волком.

Единственный случай, известный нам, произошел лет десять назад между Свердловском и деревней Решета. Волк бежал по шоссе, бросался на людей и кусал несколько человек.

При нападении на проезжавшего сеновозчика волк был убит, доставлен в амбулаторию и по исследованию оказался бешеным.

* * *

Чрезвычайная осторожность волка и безграничная боязнь человека спасают волка от опасности, но иногда служат и причиной его гибели.

На этом именно качестве волка — осторожности и боязни человека — основана облавная охота на волков с флажками.

Насколько крепко сидят затянутые флажками волки, показывает следующий случай.

Несколько лет назад в Сухоложском районе около деревни Голодаевой были

затянуты флагами шесть волков, залежь в крепком болоте среди полей.

По вызову окладчика охотники из Свердловска выехать не смогли и прибыли в Голодаеву поздно вечером на второй день после того, как волки были затянута флажками.

На вопрос: „Как волки?“ Окладчик, не разговорчивый по натуре, как почти все серьезные зверовые охотники, лаконично ответил: „пока в кругу“.

Утром мы выехали к месту оклада и пред тем как начать охоту, решили, проверив оклад, убедиться, что волки не вышли из флагов прошедшей ночью.

Но проверить оклада не пришлось. Приблизившись к флагам, мы сразу услышали волчий вой, раздававшийся из затянутого флагами болота. Следовательно, волки просидели во флагах трое суток и, несмотря на голод, не решились приблизиться к ним и пройти через них.

Однако бывает и иначе. Если волки побывали в окладе и благополучно прошли через шнур, или во время гона напугались и бросились напролом — „ошалели“ — как говорят обычно охотники, то шнур их не держит.

Не забыть охотникам первой свердловской команды волчатников неудачного оклада сразу 12 волков под самым Свердловском около д. Палкино. Эта стая в составе двух матерых, нескольких переярков и молодых была затянута флагами окладчиком К. Яковлевым в сосновом бору.

На другой день утром 8 стрелков стояли на линии огня, а окладчик и 2 загонщика начали гнать волков с противоположной стороны.

Долго не было заметно никакого движения в окладе. Загонщики уже взбирались с криком на гору, расположенную перед линией стрелков, на вершине которой, как потом выяснилось, лежали волки.

При приближении загонщиков, волки сразу вскочили и полным махом пошли на флаги, перепрыгнув через шнур.

Однако, такие случаи редки и происходят обычно по вине окладчика вследствие неправильной постановки стрелков или неумелой организации загона.

После этой неудачной охоты старик окладчик сам признался в своей ошибке.

Работая всю жизнь в средней России, он знал повадку волков ложиться на дневку в местах низких.

На Урале окладчик работал первый год. Обложив волков и осмотрев место оклада, он решил, что волки лежат в низине под горкой. Поэтому он без особых предосторожностей подволил и ставил цепь стрелков на склоне горы с противоположной стороны от предполагаемой лежки волков.

Он ошибся в своих расчетах. Волки лежали на вершине горы и слышали, а может быть и видели угрожающую им с этой стороны опасность. Услышав гон с противоположной стороны, волки затаились на лежке. Чувствуя себя как бы сжатыми в тисках опасности, они при более энергичном нажиме со стороны загонщиков бросились напролом во фланги и махнули через флаги.

Эта повадка лесных волков Урала устраивать дневки на возвышенных местах подтвердилась всем опытом последующих охот. Объясняется она тем, что в условиях Среднего Урала основная зимняя пища волка — косуля, а косуля любит бродить в поисках пищи на возвышенностях, где снег, сдуваемый ветрами, более мелок. Эти именно места служат также излюбленными местами волчьих дневков в ожидании случайной и лакомой добычи.

* * *

В начале ноября охотились мы с товарищем на теревов около дер. Аромашки. Стреляли доверчивых чернышей с подъезда, пользуясь только что выпавшим первым снегом.

Окончив вечером охоту и тронувшись в деревню, мы услышали из ближнего болота заунывную волчью песню. Густым басом, все повышая протяжные ноты, начинал выть старик, а к нему присоединились переярки.

Весь интерес к теревинной охоте сразу пропал.

Рассвет следующего утра застал нас на кромке болота, где с вечера были волки. В саях лежали катушки со шнуром, унизанным красными флагами. На свежем снегу резким отпечатком вилась цепочка волчьего следа.

Стая шагала след в след, но отпечатки следа были расплывчаты и сильно примяты. Было ясно, что шел не один волк, а стая. Но сколько?

Вспомнил старик окладчик, который безошибочно определял количество волков по примятости следа. Подъ-

едет, бывало, к следу, взглянет на него и лаконично промолвит: „семь“. Ошибки почти не бывало.

След шел на луга, где накануне мы стреляли тетеревов. У проезжей дороги стая разошлась. От общей тропы отделился один след, затем другой, третий, а у самой дороги волки разошлись. Оказалось одиннадцать штук!

Быстро двинулись по следу. Впереди на девственно чистом снегу заметили черные косачинные перья. Это пара волков наскочила ночью на тетерева, очевидно раненого нами накануне, и только пятно крови да перья остались от волчьего пира. По следам было видно, что волки рассыпались по лугам на охоту.

Бросили след и поехали кромкой болота в надежде, что волки после охоты пойдут в него на дневку. Километра через три наши надежды оправдались. Снова след в след возвращалась вся стая в болото.

Поехали в обезд. С трех сторон уже обехали болото, не встречая выходного следа. Росла уверенность, что волки залегли в болоте. Заранее радовал столь легкий оклад большой стаи. Однако преждевременной оказалась наша радость.

Замыкая последнюю четверть круга, мы пересекли волчий след. Зайдя в болото, волки повернули влево и, выйдя из него, ушли к покосной дороге.

На рысях двинулись дальше. Километров семь след шел дорогой, затем круто свернул влево и, перейдя в мах, веером разъединился.

Вскоре выяснилась причина переменны направления и аллюра.

След зайца, брызги крови и утоптаный снег нам рассказали, что произошло ночью на этом месте. Ни одной косточки, ни одного клочка шерсти не осталось от косого. Все исчезло в объемистых волчьих желудках. Покончив с зайцем, волки вышли на дорогу.

А время шло, день был теплый. Точный слой снега размяк и когда километров через 10 волчий след свернул в густой лес, оказалось, что дальше выправлять след невозможно. В лесу тонкий слой снега совершенно растаял.

На этот раз волки спасли свои шкуры.

Вспоминается другая, более удачная левка волчьей стаи.

Пользуясь свободными днями ноябрьских торжеств, мы компанией в шесть человек с окладчиком и флагами выехали на волков в Сухоложский район. Два дня безрезультатно гонялись за волчьей стаей. Привады не было и волки ходили широко.

На третий день посчастливилось с утра напасть на свежий след. Двинулись по следу и к часу дня запустили след в довольно светлое березовое болото.

Оставив нас около лошадей на кромке болота, окладчик пешком ушел влево, в обход болота.

Через час нетерпеливого ожидания маститая фигура окладчика уже возвращалась скорым шагом с противоположной стороны. Еще издали, делая кругообразное движение руками, он дал нам знак, что волки обойдены и находятся в кругу.

Спешно, но молча, без единого звука, начали подготавливать ружья и флажки.

Затягивать волков двинулись сразу с двух сторон — в одну сторону окладчик с помощником, в другую я с одним из охотников. Торопимся, быстро двигаемся вперед. Один распускает шнур с флагами, другой подвешивает его на кусты и деревья.

Вдур видим волка, пересекающего нам путь. Стараемся молча забегать правее, чтобы заворотить волка в оклад — наспрамо. Волк переходит на галоп и вскоре скрывается в лесу.

Обидно, один унес свою шкуру, но раздумывать некогда, надо спешить замкнуть круг.

Вскоре видим продвигающегося навстречу окладчика и, наконец, красная линия флагов сомкнулась. Волки затянуты столь страшной для них лентой.

Наскоро делимся впечатлениями с окладчиком. Оказывается, во время оклада у него тоже прорвались из круга три волка. Итого четыре успели скрыться. По подсчетам окладчика — пять должны быть в кругу.

По жеребьевке становимся на номер, а окладчик с двумя помощниками уходят в загон. Мне достается второй номер с левого фланга. Встаю у березы. Влево ясно видна красная линия флагов.

Вот и гов.

Как только раздались крики загонщиков, на правом фланге прогремел дублет, еще один выстрел ближе и через

несколько мгновений я вижу пару волков, галопом машущих вдоль линии стрелков влево, прямо на флаги.

Волки идут от меня шагов на 80, стрелять далеко, пропускаю, наблюдая их скачку. Вижу, как сразу осадил вдруг переудный, наткнувшись на флаги. Задний тоже с маху присел и, сидя, заскользил по льду, невольно приблизившись почти к самым флажкам, а в следующее мгновение оба волка круто повернулись от флагов и бросились прямо к линии стрелков.

Передний быстро приближался ко мне. Напустил его шагов на двенадцать, я выстрелил, и волк безжизненно рухнул набок.

Второго убил сосед справа.

Не успел смолкнуть гул выстрелов, как я заметил волка, катившего из круга между мной и соседом слева. Определив, что волк идет ближе к моему номеру и, следовательно, право выстрела принадлежит мне, я быстро вскидываюсь и пускаю заряд картечи по серому красавцу. После выстрела волк мгновенно садится и, ошетинив баки и мотая головой, внимательно смотрит в мою сторону.

Стреляю вторым — осечка. Заменяю патрон в правом стволе, стреляю — осечка. И так под ряд пять или шесть раз. А волк сидит и при каждом щелкании ударника вздрагивает и мотает головой.

Видя, что волк не может двинуться с места, успокаиваюсь, осматриваю осекшиеся патроны и замечаю, что на капсюлях нег никакого следа от удара бойка.

Оказывается, осекся только первый патрон, а следующие не стреляли потому, что второпях после первого выстрела по волку я перевел случайно тройник на пулю и спускал курок попустому пулевому стволу.

Исправив ошибку, добиваю раненого, и в тот же момент вижу, как вдоль линии флагов полным махом идет крупный волк прямо в ноги товаришу слева.

Кошу в его сторону глазами. Он тоже заметил уже волка. Ружье в плече, застыл в напряженной позе, весь сосредоточенный, ничего не видящий, кроме быстро приближающегося зверя.

Наконец — выстрел. Волк, не меняя направления, машет вперед, высоко подпрыгивает, наткнувшись на затоптанные

в снег флаги сзади линии стрелков, и в следующий миг получает от соседа заряд картечи по спине.

В результате этой красивой охоты в редком болоте, когда все волки во время гона были на виду, взято четыре волка. Лишь один ушел невредимым, махнув через флаги.

Забавно было видеть, как подошедшие к убитым волкам загонщики из местных колхозников лупили их кнутами по шкурам, приговаривая:

— Вот тебе за Федора Иваныча жеребушку.

— Вот тебе за телку тетки Матрены.

— Вот тебе за марфиных ягнят.

Отомстили!

* *

Лет пять назад интересный случай произошел у нас при окладе волков около дер. Палкино.

Поздно вечером были затянуты флаги пара волков.

При проверке на другой день утром оклада оказалось, что вместе с волками были обложены и затянуты флагами две косули.

Тронувшись на промысел ночью, волки напали на косуль, погнались за ними.

Спасаясь от преследования, косули наскочили на флаги, порвали шнур и выпустили из оклада своих злейших врагов.

В тот же день оба эти волка были вновь затянуты флагами и убиты километрах в трех от первого оклада.

Раздутые бока и отсутствие столь типичной для волка поджарости свидетельствовали о том, что желудки волков переполнены.

При снятии шкур, волки были вскрыты и оказалось, что желудки их полностью набиты огромными кусками козье-го мяса. Было очевидно, что ночная охота их за косулями кончилась удачей и туша одной косули, исключая ног и головы, без остатка была съедена парой волков.

* *

Иногда стае волков достается и бо-лее крупная добыча.

В районе дер. Решета, следуя за четырьмя волков, мы были свидетелями лесной драмы, когда волки напали на двухгодовалого самца лося и после упорного боя зарезали его.

Надеясь, очевидно, на силу своего страшного оружия — передних ног и рогов — лось при приближении волков не спасался бегством.

По следам было видно, как четыре волка с разных сторон шагом приближались к лосю, а последний бил ногами, разрывая до земли глубокий снег, и постепенно отступал в мелкий и густой сосняк.

Эта тактика лося — уход с чистого покоса в густой сосняк, — очевидно, и погубила его.

Очутившись в густом сосняке-карандашнике, как говорят уральцы, лось лишился возможности быстрого маневрирования при защите от нападения, и волки, использовав момент, с четырех сторон бросились на него.

Защищаясь, лось с огромной силой бил ногами и рогами. Молодые сосны диаметром в 10—15 сантиметров были перебиты могучими копытами лося и отброшены на 2—3 метра от торчащих из снега комлей. Часть деревьев была сломлена на высоте одного-полуторых метров ударами рогов. Однако, боевая позиция лося была слишком неблагоприятна, и исход кровавого боя решился не в его пользу.

На боках лося зияли огромные раны. Целые куски мяса с кожей и шерстью были вырваны могучими волчьими зубами, а перегрызенная глотка решила конец кровавой схватки.

Полость живота и мягкие части зада были съедены волками, рога я взял себе, а остатки лосиной туши увезли на пельмени наши возчики.

В тот же день два волка из этой стаи были затянута флагами, но, к сожалению, один ушел через флаги, другой же получил возмездие за свои ночные разбои и был взят лично мною.

А. Сарафанов.

„Путь к центру земли“

Пыльные Нижние Серги остались позади. Перейдя речку Бардым по „запаням“¹, мы вступаем в душистый лихтарник. Дорога лезет круто в гору и внезапно обрывается. Мой проводник — местный житель Михаил Егорович

Засыпкин — уверенно шагает впереди, обходя бурелом и колдобины.

Я стараюсь запомнить дорогу, но дороги нет. Мы идем по лесу, так криволинейно, что через несколько минут совершенно сбиваемся с взятого направления.

Проводник, улыбаясь, обертывается: — Примечай дорожку-то. В другой раз когда доведется пойти, так сам найдешь. Я смюсь.

— Какое уж там „примечай“! Сам-то смотри не сбейся.

— Не сбьешься. Не бойся.

— А то мне вчера рассказывали, как недавно экскурсия курортников ходила. Целый день их проводник по лесу водил. Упарились по этакой-то жаре, а „провала“ так и не нашли.

— Да, это верно. Хоть и недалеко до него, да путь-то больно мудреный. Близок локоть, да не укушишь.

Наш путь лежит к так называемому „провалу“. Это какое-то легендарное место. Все о нем говорят как о чем-то удивительном, а видет — мало кто видел своими глазами.

Понятно, что после таких разговоров я с большим интересом следую за своим проводником.

— Ну, пришли. Побереги-ка лицо!

Михаил Егорович ныряет в чащу хвой. Я раздвигаю колючие ветки, с трудом продираюсь и... замираю от восторга.

Мы стоим на краю огромной воронки. Диаметр ее достигает метров семидесяти. Скалистые стены почти отвесно спускаются вниз. По тещине, цепляясь за редкую траву, мы долго спускаемся на дно.

Над нами, как в колодеце, синеет клочок неба. Мы стоим на зеленой лужайке, стиснутой со всех сторон каменными стенами с высокими елями наверху.

Под нависшей скалой — дыра в земле. Из нее медленно струится белый, вязкий туман. Он тихо поднимается вверх, растворяясь в прозрачном воздухе. Внизу виден лед и черная зияющая пустота, из которой веет холодом и сыростью. Становится как-то жутко, глядя на этот „провал“.

— Интересно бы вниз спуститься, — говорю я.

— А тут в котором-то году приезжала экспедиция, спускалась вниз. Давно уж теперь.

— Ну, и что же они нашли?

— Дыра-то круто вниз спускается. Метров на двести вниз спустились и там

¹ „Запаня“ — деревянные сооружения на реке для улавливания плывущего леса.

открылась пещера. Дно усеяно мелким песочком. В одном краю — озеро с прозрачной хрустальной водой. На берегу старый плот. Ну на плоту плыть не посмели. На этом и, оборвались их исследования... А кто плот построил — тоже неизвестно.

Я стою на краю провала. В туманном воображении возникает таинственный плот, недвижимый на зеркальной поверхности чудесного подземного озера. Кто его построил? Кто отважный проник в неведомую глубину? Злая ли неволя загнала его или жажда познания тайн природы? Кто знает, может, там, в прозрачных подземных водах, он нашел свою гибель.

Мне приходит на память „Путешествие к центру земли“ Жюль Верна. Вот где путь к центру земли. Кто сможет сказать, как далеко он ведет и где его конец и как образовался он в земной толще?

Я стою неподвижно, зачарованный этой чудесной загадкой природы.

Сколько таит их Урал в своих дебрях? Вот прекрасный материал для исследования молодым уральским следопытам-краеведам. Редакция журнала „Уральский следопыт“ усиленно рекомендует заняться им разгадкой тайны „провала“.

Много ли нужно времени, чтобы, организовавшись в небольшую группу, забрав все необходимое для спуска под землю и заручившись содействием и помощью соответствующих организаций, двинуться к этой загадке уральской природы.

— Для этого следует поездом доехать до завода Нижние Серги (там же бальнеологический курорт Нижнесергинский) и, взяв в поселке проводника, двинуться пешком к „провалу“.

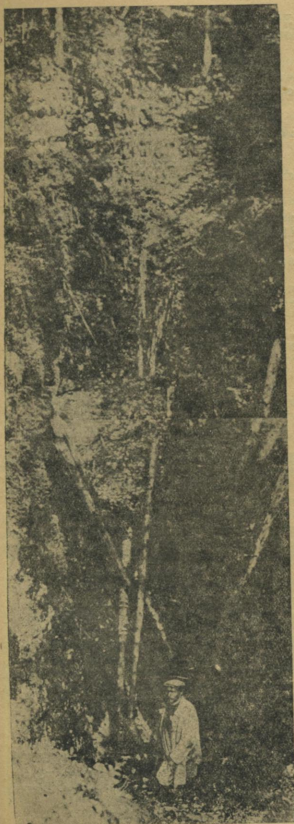
— Прекрасного проводника можно найти в лице Михаила Егоровича Засыпкина, постоянно живущего в Н.-Сергах по улице Свободы, дом № 5.

Результаты своих исследований присылайте в редакцию „Уральского следопыта“. Мы с удовольствием поместим их на страницах нашего журнала.

Б. Рябинин.

Хвойные леса Урала

В отношении дубовых рощ, надо сказать, что они были бы на Урале, если бы человек приложил труд. Но на Ура-

Нижне-Сергинский провал. Фото Б. Рябинина.

ле столько было лесов (и теперь еще ежегодный прирост древесины исчисляется величиной многих десятков миллионов кубометров), что, видимо, никому не могла прийти в голову мысль об искусственном насаждении дуба, который может найти на Урале все необходимые условия для произрастания.

В Перми, в садах, вы встретите отдельные экземпляры огромных вековых дубов. Но в лесах пермского Урала их нет. Причину этого, надо признать, видимо, в следующем.

Ледниковый период (а их насчитывают несколько), который залил ледяной лавиной всю европейскую часть нашей страны и докатил свои льды почти до берегов Черноморья, хотя и подверг Урал той же участи только в северной части, оставив свои льды у северной границы 6. Пермской губернии,—тем не менее, его холодное влияние должно было сказаться на изменение флоры Урала. Более южные формы должны были уступить место растительности севера.

Обратное же шестие южных на север совершается в естественных условиях крайне медленно. И только мощное вмешательство человека может ускорить этот процесс возврата.

Впрочем, с точки зрения чисто практической нет особой нужды для замены хвойных лесов лиственными. И даже наоборот. Резкое увеличение площади лиственных пород за счет сокращения хвойных могло бы отразиться на снижении летней температуры воздуха.

В летний, яркосолнечный день вы не сможете пробыть долго в хвойном лесу. Здесь душная жара. При переходе же в лиственную рощу вы сразу чувствуете резкое облегчение в прохладе. Разница температуры может достигать нескольких градусов.

По сути говоря, хвойные деревья в солнечный день своими стволами, сучьями и даже хвоей представляют собой своеобразные аккумуляторы солнечной энергии и отдают теплоту окружающему воздуху. Сухость воздуха хвойного леса дополняется еще и тем, что, в сравнении с лиственными породами, хвойные слабо насыщают нагретый воздух влажностью, в виду малой испаряемости воды хвоей в сравнении с обильным испарением лиственными с поверхности листьев.

Крайне незначительное испарение воды хвойными (исключая лиственницу с

мягкими иглами) объясняется строением игл хвой, которые покрыты снаружи плотными покровами (слоем кутикулы и толстыми клетками кожицы). Это своеобразное строение игл хвой и позволяет хвойным растениям в течение зимы, несмотря на слабую подачу воды из почвы, сохранять свои зеленые иглы в течение всей зимы и, следовательно, питание хвойных деревьев происходит беспрепятственно в течение круглого года.

Недавние исследования (работы Т. М. Захаровой) показали, что хвойные деревья, несмотря на 40° мороза и вьюгу, в течение всей зимы могут продолжать усваивать углекислоту из воздуха, превращая ее в сахар.

Если принято говорить о „запахе“ озонированного воздуха, то мы можем ощутить приятность этого „запаха“ в хвойном лесу и в зимнюю пору. Воздух хвойного леса особенно резко выделяется зимой, когда роши широколиственных пород стоят голыми и не работают над усваиванием углекислоты, вредной для человеческого организма.

Побывайте в уральских лесах и летом и зимой, и в любое время года, и вы почувствуете всю прелесть хвойных лесов. Ощутите запах озона и залюбуетесь величием стройных деревьев.

Например, кедр на Урале, о которых не имеют представления в степях, достигают до 30 метров высоты и толщиной в три человеческих обхвата!

Побывайте в уральских горах, ближе к хребту, и там вы найдете целые роши этих величественных гигантов, которые, как известно, дают очень вкусные плоды — орешки.

Гигантский рыболовный снаряд

С Прохором Алачевым мы встретились случайно, так же как встречаются сотни людей на ямских станциях. Он ехал из Остяко-Вогульска, с окружного совещания, на котором решались вопросы весенней путины.

„Веровочка“ — так называют езду на перекладных от Тобольска до Сале-Харда — была забита пассажирами. Подвод не хватало, иногда „очередь“ приходила только через сутки. Едут партийные работники, кооператоры, госторговцы, рыбаки, рыбтрестовцы, колхозники. Просто невозможно перечислить профессий и специальностей едущих людей.

Пришла пара лошадей. Она привезла двух колхозников с обветренными скуластыми лицами из Козьмского края. Они едут на курсы советского актива—в Свердловск. Не успел ящик выбросить из гужей дугу, как в ворота со звоном колокольчиков и грохотом саней влетела другая пара. Она привезла немецкого инженера, едущего инструктором консервного комбината. С инженером переводчик.

Когда я приехал на сухоруковскую „веревочку“, оказалось, что Алачев сидит там уже десять часов.

— Как дальше то пойдешь? Подвонету. Какой только народ не идет „веревочкой“,— вздохнул Алачев, рассматривая мою полевую сумку.— Раньше-то начальники ходили, да рыбопромышленники. Приедет человек, а за ним все село бегаёт — заработать надо. Нынче лошадей нехватает. Подумай, какое время настало!

Говорит он — не поймешь с восторгом или с сокрушением. Мне казалось, что рядом со мной сидит один из потомков княжеской династии Алачей. Красное, береженное от зимней стужи и ветров лицо, широкие плечи, полная фигура, затянутая суконным пиджаком, как бы на показ выпирающим из-под расстегнутого просторного дубленого полушубка,— все это будило во мне подозрения, что Прохор никто иной, как кулак. Однако в ближайшей же дни пришлось в этом разувериться.

Получилось так, что мне дальше пришлось ехать вместе с Прохором.

Из Сухорукова мы выехали на почтовых лошадях, сидели в санях обложенные почтовыми посылками и баулами. Почта идет с бешеной скоростью. Не успеешь на станции размять ноги, как ямщики уже переложили почту в другие сани и кричат:

— Садись! Пошли!

Некогда попить чаю, не говоря уж о сне и хотя бы двадцатиминутном отдыхе.

— Приедем в наши юрты, отдохнем. Рыбу есть будем,—успокаивал Прохор жуя на морозе сухой крендель.

— Какая же сейчас рыба? Глухое время, рыбаки говорят.

— Рыбу найдем. Гимгой промышляют.

Я столько-же знал о гимге, сколько он о марснание. Когда мы подъезжали на рассвете к юртам, от которых до дому Прохора было еще две станции, он ткнул меня в бок.

— Гимга, гляди!..

В поблекшей ночи, поперек реки, я увидел вытянувшуюся шеренгу предметов, напоминающих наши уральские „морды“ но они были такими гигантами, что казались китами, собирающимися нырнуть под лед.

— Так это же морды?!

— Ну да, морды. А ты думал — зверь какой...

Пока переключивали почту, Прохор повел меня за амбар. И я увидел эту гигантскую ловушку, поставленную на устье. Ее вершина была вровень с коньком крыши амбара. Вышина, вернее, ее длина, когда она поставлена в воду, не меньше трех с половиной метров. Внутри ее свободно поместится самый крупный медведь.

По форме гимга напоминает колоссальный артиллерийский снаряд. Основание — рама-прямоугольник, шириной около двух и вышиной в полтора метра. Рама из кедровых корневых коряжек. От рамы идут восемь листовичных прутьев в палец толщиной, в вершине собранные в один пучок. Эти прутья обжимают спираль из строгого тальника, идущего до самой вершины.

Расстояние между кольцами спирали — три сантиметра. Таких колец я насчитал девяносто пять штук.

Вдоль гимги идут на расстоянии друг от друга тоже, примерно, трех сантиметров, гладко выструганные палочки, наколотые из листовички и прикрепленные к виткам спирали сиргой — тонкой лентой из кедровых корней.

В устье гимги влетено воронкообразное „горло“, длиной в метр с лишним. В отверстие „горла“, куда заходит рыба свободно проскочит шапка. На вершине гимги — отверстие, прикрытое такой-же решеткой, как и сама гимга. Через него достают пойманную в ловушку рыбу.

— Кого же ловят такой ловушкой? — продолжая удивляться ее размерами, спросил я Прохора.

— Осетр, один осетр. Эта гимга зимняя... Ловят сплошь от неремовских юрт до Обдорска.

Дальнейшая дорога — это рассказы Прохора о гимгах. Оказывается, существует такое разнообразие их, что почти невозможно описать их все. Основных три типа — зимняя, варовая и летняя.

Зимней гимгой промышляют после ледостава до нового года исключительно осетра. Помысел очень сложный и тру-

доемкий. Прохор работал у подрядчиков и владельцев промыслов и считается опытным человеком по устройству зимних заповров.

Выбирается место не глубже семи метров, с глинистым дном и ровным прямым течением. Поперек реки долбят борозду шириной в полметра. Забиваются жерди в семь-восемь метров на расстоянии друг от друга двух „меховых“ сажений — четырех метров. Из таловых жердей вяжется лимоз — решетка — и опускается до дна к вбитым колям метра на три.

Река почти на целый километр оказывается перегороденной. Рыбе не остается иного выхода, как итти в свободное пространство — горло гимги, поставленной против течения. Гимги ставятся друг от друга на расстоянии десяти метров.

Таков зимний запор. Раньше он был под силу только богачу, которому на устройство его надо вложить не меньше тысячи рублей. Он требует работы 15 человек, 5 лошадей и не меньше десяти дней. Всего-то было по Оби двадцать заповров.

Варовой гимгой промышляют в оврагах — низинах, затопляемых весной водой, сразу как только начнет убывать вода, вплоть до сентября. Варовая гимга похожа на бочку. Диаметр — метр, длина — два метра. С одного конца, которым гимга ставится к запору, сделан рукав в полметра длиной, пятнадцать сантиметров в диаметре. Соединяется с другим рукавом в форме воронки длиной в три-четыре метра.

Впоследствии мне удалось узнать, что модели гимг бывали на Курганской и Нижегородской выставках.

Маленькая юрта Прохора обладала нас теплом, чаем и ухой. У Прохора одна лошадь, на которой его жена возит дрова. Сам он работает десятником в Рыбтресте.

Мы тепло расстались с Прохором. Долгое время меня преследовали воспоминания о гигантах-мордах — зимних гимгах.

* * *

Июнь. Ослепительно яркий день, но без шубы на реку не выйдешь. Несколько

дней назад прошел лед. Еще месяц его постепенно будут ломать ветры в Обской губе.

В разгаре вонзь — первый весенний подъем рыбы. Невода ходят круглые сутки. Непрерывно спуют катера, парусные рыбницы. Я садился в лодку, чтобы плыть

Гимги — гигантские морды, которыми пользуются для ловли осетра на Оби.

с Сомутнелского песка на Аксарковский остров. Меня окликнули с проходившего катера.

— Прохор?! — удивился я появлению здесь моего старого знакомого. — Куда едешь?

— Изучаю реку. Запор ставить.

— Чем ловить будешь? Гимгой?

— Гимгой... нет... не... неводо-о-ом! — кричал он мне с уходящего катера.

Специалист по зимним запорам ехал ставить капитальный запор Рыбтреста, стоимостью в десятки тысяч рублей, для того, чтобы дать любителям сосвинской селедки сотни тонн ее с одного запора.

Ив. Панов.

ПУТЕШЕСТВИЯ ^{по} книжкам и газетам

Железная дорога вдоль Полярного Урала

Июль. Но склоны Урала покрыты снегом. Он тает, рождая горные потоки. Бурлящие реки, непроходимые заросли ивовых кустарников, тучи комаров и мошек — „гнуса“, а временами снежные или густые туманы — таковы условия тяжелого пути изыскательской группы от Обдорска — ковечного пункта водного пути до Воркуты, где начинается трасса будущей железной дороги Воркута — Югорский Шар.

Северный край нуждается в каменном угле. Растущая промышленность, железнодорожный и водный транспорт не могут быстро развиваться, пользуясь дальнепривозным топливом. Уголь есть и за полярным кругом. Близ реки Воркуты (приток Усы, впадающей в Печору) в 1930 году обнаружено богатейшее месторождение. Однако, это месторождение на 1300 километров удалено от рельсовых путей. Далеко до него и от судовой части Печоры (600 километров).

Железная дорога до Воркутинского месторождения до пролива Югорский Шар, отделяющего остров Вайгач от материка, даст выход полярному углю к океанским базам, к Архангельску и Мурманску.

Железная дорога протяжением около 310 километров пройдет вдоль Полярного Урала (между 68° и 70° северной широты).

Изыскания этой заполярной дороги ведутся уже третий год двумя группами, идущими друг другу навстречу: одна от Югорского Шара к юго-востоку, другая от Воркуты на северо-запад.

Особенно трудны условия южной группы, которой приходится каждое лето преодолевать тяжелый путь через Полярный Урал пешком и частью в лодках по пороженным рекам.

Что значит такое путешествие на лодке, показывает, например, подсчет: на реке Воркуте на 100 километрах пути насчитывается 100 порогов и отмелей, которые приходится преодолевать.

Порою прокапывая каналы через отмели, порою беря пороги с разбега в разрез бурлящему потоку, увязая в топкой тундре, изыскательская партия достигает начального пункта изысканий — буровой Воркутинского месторождения.

Здесь, собственно, и начинаются основные трудности работы.

Чтобы наметить трассу дороги, нужно располагать достаточным картографическим материалом. Но дорога Воркута — Югорский Шар проходит по местности, на которую прежде почти не вступала нога исследователя. Приходится самим разгладывать белые пятна на карте.

Короткое полярное лето оставляет для изысканий слишком малый срок. Каждый день должен быть использован наиболее производительно. Надо избегать так называемых бросовых ходов и как можно быстрее и лучше пройти по заданному направлению. Поэтому особое внимание уделяется рекогносцировкам.

В тундре очень трудно передвигаться не только людям, но и лошадям. Очень важно сократить, по возможности, расстояние между лагерем и изыскательской партией. Вот почему приходилось ежедневно перебрасывать лагерь и устанавливать его вблизи от линии.

Пройти линию — это значит не только отыскать кратчайшее ее направление, но и выбрать более спокойный рельеф, чтобы избежать глубоких выемок и высоких насыпей, и тем самым удешевить стоимость будущей дороги.

Все представления о тундре, как о заболоченной равнине, были поколеблены с первых же дней работы. Местность оказалась очень пересеченной. Овраги и развалы достигают иногда 50—60 метров глубины. Кроме того, приходилось работать в условиях вечной мерзлоты и выбирать направление с учетом промерзаемости водоемов зимой.

Почти ежедневно в тундре идет дождь, мелкий в виде пыли, застилающий горизонт сплошной мглой. На расстоянии 100—150 метров уже ничего не видно. Все же для изыскательской работы эти дожди представляют меньше препятствия, чем туманы, пригоняемые ветрами с Карского моря. Туманы так густы, что при нивелировании нужно устанавливать инструмент раз пять чаще обычного и всю основную работу по трассировке делать на ощупь.

В районе реки Воркуты много „гнуса“, которого не выносит олень. Все оленье поголовье тундры ранней весной угонится на север. Поэтому при выходе из Обдорска пришлось взять с собой на пробу лошадей. Всадник в тундре — необычное явление.

Однажды, в день случайно хорошей видимости, восьмикратный Цейс обнаружил вдали копытце

венцев. Когда изыскатели подскакали к чуму, все его обитатели были насмерть перепуганы. Только спешившись, удалось убедить старика-ненца, немного понимавшего по-русски, выйти из чума, куда он спрятался при виде всадника. Этот старик оказал неоценимые услуги изыскательской группе, как проводник.

...Особенно быстро проходят последние километры. Быстрее, чем обычно, устанавливаются вешки, еще скорее мелькает мерная лента, еще более уверенно отбиваются углы на поворотах линии, оживленнее двигаются нивелировщики, быстрее работают геологи, проникая в изучаемый слой четвертичных отложений.

Приближается смычка — встреча южной партии с северной, идущей от Югорского Шара.

Подсушенная 15-градусным морозом тундра побелела от начавшихся снегопадов. Пора возвращаться в Ленинград. Но и возвращение тоже не легко.

Особенно трудно пришлось в 1932 г., когда из-за недостатка лодок не удалось всех изыскателей и имущество перевезти морем от устья реки Каратайки до Югорского Шара.

Сорок человек, бросив палатки, почти без пищи вынуждены были пройти пешком 120 километров. Это расстояние было пройдено при 20-градусном морозе в 2½ суток без ночевки.

Навигация в Заполярье заканчивается. На рейде — последний пароход, направляющийся в Архангельск, но добраться до него не легкая задача.

Почти на километр от берега все пространство заполнено глыбами битого льда. Обкалывая лед вокруг лодки, продвигаясь вперед со скоростью 10—15 метров в час, участники экспедиции попадают на пароход только через 12 часов.

Почти в таких же условиях протекало возвращение и в прошлом году.

В этом году, по последним сообщениям, полученным из Воркуты, южная партия закончила работу и идет навстречу северной. Если смычка задержится и изыскателям не удастся захватить последний пароход, уходящий в Архангельск, им придется возвращаться зимним путем к Печоре и оттуда к Котласу.

„Известия“.

Медвежье засилье

Наша экспедиция поднялась на перевал — и уже реки Печорского бассейна текут перед нашими глазами. Из Азии мы перекочевали в Европу!

Сильно отличаются один от другого восточный и западный склоны Полярного Урала.

Первый — с более резким рельефом, глубокими долинами и многочисленными лесами.

Второй же имеет вид обширной, слабо всхолмленной горной страны, горы которой весьма поло-

ги, с широкими плоскими долинами. Лишь далее к западу склоны немного круче.

Западный склон, насколько видно в бинокль, почти безлесен. Даже ольховник встречается только небольшими группами. Зимних кормов для оленей — лишайников — здесь не видно. Нередки среди кустарников обширные цветистые лужайки. Все говорит о долгом лежании снега и его недавнем сходе.

Выбираем место для стоянки. Это — довольно трудная задача! Негде поставить палатку и совсем нечем подогреть чай. Мы собираем сухие веточки ивняка. Невдалеке примечаем сухую горку. Идем туда. На этом месте, в 100 метрах от нас, чернеется какая-то туша...

— Лошадь! — восклицает завхоз.

— Да что же?! — недоумеваем мы, приближаясь к лошади.

И вдруг ясно различаем, что это не лошадь, а крупный медведь! Он не смотрит на нас и бродит взад и вперед, выскивая полевки, напоминающих короткохвостых мышей.

Он бегает на четвереньках и срывает дерн, под которым скрываются полевки. Вероятно, медведь из-за комаров поднялся так высоко в горы. Они и сейчас еще домогают его. Он обтирает лапами морду, катается и трется мордой о землю.

Наши кони пока спокойно стоят и равнодушно смотрят на медведя. Соскакиваем с лошадей.

— Надо сбросить вьюки, — шепчет завхоз, — а то лошади учуют его и могут понести. Панки, отверни им головы в сторону.

Молча созерцаем медведя. Ружья у нас нет — мы не взяли его, чтобы не отягощать вьюков. Сетки для гербариев в научной экспедиции бывают важнейшее ружья.

— Мокро везде, а он единственную сухую полосу занял... — жалуется руководитель. — Что ж помирить нам здесь что ли в сырости? Идемте, пугнем его.

— Э, э, чорт проклятый! Пошел, пошел прочь! — кричат руководитель и завхоз, наступая на медведя. Завхоз дико колотит, кроме того, палкой по пустому чайнику.

Медведь садится на "карачки", смотрит с полминуты, потом... Потом испуганно мчит прочь. Бежит, оглядываясь через плечо, снова бежит. Только болотные брызги летят из-под его когтистых лап.

Мы с видом победителей занимаем медвежью территорию и начинаем кипятить чай.

Скверные места. Негде достать кольев для палатки, и мы ложимся спать в поlogах, кое-как прикрепив их к камням...

* * *

28 июля, в жаркий тихий день, преследуемые тучей мошек и комаров, выступаем по западному склону Полярного Урала. Пересекаем две довольно-

крупных реки:— одну близ перевала Кокпала — Западную Тумблову, а вторую далее — Малую Западную Харуту.

Дует западный ветер, всегда приносящий на западном склоне дожди. Мы останавливаемся около кустарника, раскладываем костер и начинаем расседлывать лошадей.

В это время нас встречает новый на этот раз молодой медведь. Он, как и вчерашний, ищет полевик. Он видит нас, но обращает мало внимания. Иногда подходит близко. Пугать его нечем: чайник ведь занят кипятком.

Рабочий Панкин смеется и говорит руководителю:

— Иди, сними его на карточку. Ты все спи-маешься... И, попивая чаек, вздыхает:

— А ведь приедешь в деревню — не поверят! Ей-бо, не поверят!.. Ходит, как корова на поскотине. И людей не боится... Эх, жалость какая, ружья-то нет!..

— Смотрите! Еще один! — вскоре восклицает завхоз.

И в самом деле, немного подалее бродит второй медведь.

— Эй, слушай, Мишка, иди с нами чай пить! — кричим мы медведю.

* * *

Опасаясь плохой погоды, мы направляемся обратно на восток. Войдя в узкое ущелье реки Харуты, мы вынуждены двигаться все время переходя с одного ее берега на другой.

Ущелье узко, склоны его круты, скалисты и часто обрываются прямо в реку.

Бурные потоки мешают переправам. Голова начинает кружиться, если посмотреть себе под ноги. Стчаявшись, зигзагами поднимаемся по сланцам вверх на горы, где ехать оказывается не плохо, так как здесь преобладает травянистая тундра. Около полуночи натываемся на третьего медведя за эти сутки. Медведь быстро убегает от нас. Утром доходим до водораздела и спускаемся в долину реки Тумбуловой.

Чрезвычайная перемена в растительности показывает, что мы вступаем на восточный склон Полярного Урала. Вскоре перед нами уже выстраиваются зеленеющие лески и, вспоминая голый западный склон, мы разбиваем здесь лагерь и устанавливаем палатки.

К 1 августа, как было условлено, все участники экспедиции, за исключением геолога, работавшего на Большой Западной Харуте, собираются на базе при реке Лапте. Топограф по пути к базе снимает последний чум на реке Нельке.

* * *

— Послушайте! — тревожно сказал зоолог завхозу, когда они стали приближаться к лодкам и складу. — Здесь что-то неладное!

И на самом деле, словно ураган пронесся над складом. Аккуратно сложенные вещи, покрытые брезентом, были раскиданы и разбросаны. Брезент сорван, кусок из него хищнически выдран.

— Да это медведь здесь был! — воскликнул завхоз.

— Эх, — печально сказал пришедший с нами зырянин Филипп. — Не помогла и моя веревочная ограда — не побоялся он ее.

Кругом валялись жестяные банки, вся поляна была усеяна гербарной бумагой. Слабый ветерок шелестел серыми листками, слегка уже почерневшими от дождя.

— И ящики все разбиты! — в отчаянии развел руками завхоз. — Будь он проклят, мерзавец, разорвал когтями жестяные банки и аккуратно их вылизал! Смотрите, лучше всякой судомойки вымыл их языком!

Только банки, наполненные кусками колотого сахара, остались нетронутыми. Видно, медведь, схватив их лапами, испугался, услышав, как загремел сахар.

— Да не ходите вы там! — закричал завхоз на рабочих. — Крупа ж под ногами у вас! Всю крупу рассыпал и с песком ее смешал!..

— Мои шкурки, мои шкурки!.. — жалобно повторял зоолог, находя там и сям свои шкурки. — Он их обсосал, негодяй!..

Медведю, вероятно, очень хотелось хлебнуть спиртного. Он разбил стеклянные банки со спиртом, вылакала весь спирт и даже слизала спирт со шкурки, которые сохранились в банках.

— Это похоже на тщательный обыск, — сказал завхоз. — Но правосудие восторжествовало! Это ему не прошло даром. Он катался, вырывал с корнем мох!..

Мох повсюду был выдерган, а под одним из деревьев мох и трава оказались сильно примяты: верно пьяный медведь долго лежал, очухиваясь после спирта и мышьяка.

— Нет ли где его труп? — заинтересовался зоолог. Он осмотрел все окрестности, но медведь, конечно, отлежался и ушел во-свояся опохмеляться згодами!..

В итоге этого разгрома наше продовольствие, и без того очень оскудевшее, сильно уменьшилось. Кроме того, погибли почти все зоологические и ботанические коллекции, собранные на реке Сыне!..

В. Тобояков.

Из книги „Путешествие на Полярный Урал“

Самолет летит в Свердловск...

Утро на московском аэродроме начинается в два часа ночи. Не верьте, когда летчики говорят: — Я только что позавтракал.

Выражение „завтрак“ давно потеряло у них свой обычный смысл.

Третьего дня, например, командир Ефремов вернулся домой из аэропорта в 8 часов вечера, побрился, переоделся, затем, как он говорит, «позавтракал» и к двум часам ночи снова был на аэродроме.

Город гасил фонари, город спал, видел первые сны, а для Ефремова началось утро. Автомобили уже отправились за пилотами. В эту ночь вместо обычных трех самолетов отряд выпускал в воздух восемь.

Накануне вечером выяснилось, что тракторному заводу в Харькове дозарезу нужны подшипники. Они имелись на подшипниковом гиганте в Москве. Но как доставить их в Харьков, да поскорее, в несколько часов?

— Заправьте машины!

Машины заправляются, пилоты готовятся к полету, гараж извещен о необходимости послать за ними автомобиль.

Командир отряда проверяет накладные на груз, прикидывает, как расположить его на трех самолетах, но вдруг выясняется, что шарикоподшипниковый завод сейчас может дать Харькову только 500 килограммов подшипников.

Эта новость обрушивается, как снег на голову. — Чорт возьми, это ведь не транспортная контора по перевозке мебели! Как-никак, имеете дело с воздухом! Не так-то просто приспособиться к изменившейся обстановке.

На плечах лежит забота не только о харьковских подшипниках. На линии Москва—Свердловск продолжается хорошо заведенная жизнь. Ждет отправки очередная почта, собираются в дорогу пассажиры. Приходится на-ходу менять всю воздушную диспозицию.

Командир отряда перетасовывает все свои самолеты и в 8 часов вечера уходит домой. Живет он рядом с аэропортом. Передохнув часок, он бредет.

Дисциплина в воздухе начинается с маленького — человек должен быть чисто выбрит, подобран.

В 10 час. 30 м. вечера Ефремову звонят из аэропорта. Он слышит одно слово — подшипники.

— Товарищ начальник, с завода сообщили, что могут послать все 1200 килограммов. Очень просят доставить в Харьков, а то, говорят, Тракторный нуждается.

Ну и денек! Ефремов отдает распоряжение о переводе еще одного самолета на Харьков. Кончат бриться. Переодеваются. Завтракает. И в два часа ночи является в аэропорт.

Наконец, все готово. В 2 часа 50 минут первая машина уходит в воздух и берет курс на восток. Поднимаясь навстречу бледному утру, уходят остальные семь машин. Три из них — в Харьков.

Ну, прямо гора с плеч! В 9 часов утра командир отряда является в штаб свердловской линии. Он выглядит, как обычно — аккуратен и свеж.

А машины летят. Сигнальные маяки мигают навстречу. Радиолуч, посланный из Москвы вдоль свердловской трассы, твердит пилотам две буквы «А» и «Н».

Прислушиваясь к ним, пилот соблюдает правильный курс. Если одна из букв, передаваемых азбукой Морзе, слышна хуже, значит, самолет уклонился в сторону от трассы. Он выправляет курс. Точка триреф.. Тире, точка!.. Между ними в прямом радиолуче летит самолет. По радио передается пилотам погода. Зажигание в моторе еще не экранировано, оно заглушает слова в сводке погоды. Поэтому, выслушивая погоду, пилот сбавляет в моторе газ, и самолет летит чуть медленнее. Ночью весь путь до Свердловска обозначен световым пунктиром: мигающими маяками.

Так изюда в день, ночью и днем, в жаре и в стуже, месяцами напролет поднимаются в воздух воздушные транспорты. С грузом, с газетами, с почтой, с людьми. Летят, летят на восток.

Так работает одна из многих советских авиолиний Свердловская. Трасса ее имеет сложное путевое хозяйство. Для полета нужен не только воздух, нужна и земля.

На протяжении 1485 километров трасса имеет три аэропорта и ряд запасных аэродромов на случай вынужденных посадок.

Там же разбросаны 49 светофаторий. Четыре из них представляют собой контрольно-семафорные пункты. Здесь ведется наблюдение за движением самолетов. Здесь передают в Москву сводку о пролетающих рейсовых машинах. Здесь в случае ненастной погоды выкладываются знаки, запрещающие пилотам дальнейший полет.

Есть на трассе и радиомаркеры. Что такое радиомаркер? Он стоит в том пункте трассы, где посланный из Москвы радиолуч расширяется так сильно, что пилоту становится трудно следить за правильным курсом.

Здесь радиомаркер переданным по радио характерным треском извещает пилота о том, что он летит правильно, что машина его выходит из московского радиолуча и входит в радиолуч, посланный Свердловском. Этот луч постепенно суживается и приводит машину прямо в столицу Урала.

Все это хозяйство требует неустанного контроля, присмотра, ухода. Неприятности подкрадываются внезапно, в самых неожиданных случаях.

Выясняется, например, что запасные аэродромы в некоторых районах не могут быть введены в эксплуатацию. Пока шло припреительство об участках, здешние колхозы засеяли будущие аэродромы овсом и рожью. А Бежбатовский аэродром пересекает телеграфная линия, не убранная до сих пор из-за отсутствия проводов.

Но, несмотря на помехи, жизнь на трассе идет своим чередом. Не мечтая о славе и почестях, отличные летчики несут свою трудную службу.

Запросто, чуть не задевая в облачную погоду колесами лес, летают через Уральский хребет, везут по воздуху посылки и письма. Ночуют то в Азии, то в Европе и, прилетая домой, говорят:

— Здравствуйте.

Как будто отлучались не за тысячу верст, за дальние горы и доли, а так — за угол, в соседний переулок.

„Известия“.

Ночной учебный полет

Я готовился к очередному ночному дежурству. Ночное дежурство в авиационной части дальневосточного пограничного городка — вещь не совсем обычная. Это значит — всю ночь провести на аэродроме возле готовых к полетам машин, в заглушенном реве работающих на малом газу моторов.

С ночным дежурством у меня всегда связывается воспоминание о ночных учебных полетах, а они, в свою очередь, остаются до сих пор самыми значительными из всего периода моей дальневосточной жизни. Поэтому мне хочется рассказать о них подробнее.

Ночью взлет, пожалуй, даже труднее посадки. Вихрем пролетаешь мимо стартовых огней и попадаешь в густой мрак, словно в темный коридор из освещенной комнаты. По памяти представляешь: здесь должна стоять сопка, здесь мачта, здесь столбы, не нарваться бы. И пока не наберешь высоту, все время сохраняется такое впечатление, словно ошупью идешь по темному коридору.

Но вот ты уже высоко в воздухе, под тобой огни аэродрома. И с этой минуты начинается удивительная жизнь.

Самолет, набирая высоту, подыхает голубоватыми и красными огоньками выхлопных труб. Они воскресают в памяти сказки о драконах, из ноздрей которых вырывался огонь.

Воздух, потерявший прозрачность, кажется густым и глубоким, как море. Потеряна земля, которая днем пестрела яркими красками. Снизу воспринимается только свет. Красноватыми огнями, словно пунктиром на карте, обведена граница аэродрома. Ярко светится посадочное ¹Т⁴.

Черное поле аэродрома пересекает луч стартового прожектора. Бегая по земле, он неожиданно выхватывает из темноты то белую палатку, то будку радиостанции, то группу людей.

Линия железной дороги мерцает сигналами и огнями разъездов. Они расставлены по прямой линии, как телеграфные столбы. И, словно тонкие провода, угадываешь между ними невидимую ниточку рельсов.

Далеко на горизонте возникает красное зарево. Оно дрожит и растет, как заря на черном небе.

¹ Знак на аэродроме, указывающий направление ветра и место посадки.

Это город. И вот уж под тобой не зарево, а букет огней, словно красные цветы пышно и густо уставлены в громадной вазе. Ты снижаешься, и цветы рассыпаются врозь. Видишь домики, слезутся прямые улицы, ярко освещенный сад, толпы народа. Все проплывает внизу бесшумно, как немой фильм.

Город кончается. И снова самолеты, как летящий дракон, из ноздрей которого пышет красное и голубое пламя.

А если летаешь зимой в лунную ночь, земля лежит под тобой, облитая белым, молочным светом. Слово странные темные массы, движутся по снегу тени облаков.

Но все эти мгновенные впечатления проплывают на втором плане, нисколько не мешая четкости в работе и наблюдениях.

Я хорошо вижу десятки приборов, которыми увешана кабина. Каждая из этих дрожащих натертых фосфором стрелок имеет свой предел. Температура воды — не выше семидесяти пяти градусов. Давление масла — не выше пяти атмосфер. Мотор работает четко. Компас, альтиметр¹, хронометр, жироскоп² настороженно смотрят кошачьими глазами. Я знаю — сейчас надо быть осторожным.

Вдруг прожектор, как нож, тонким блестящим лезвием полосует небо. Это заработала наша зенитная охрана. Еще один. И еще. Прожекторы начинают бегать по небу, как шупальцы слепого великана. Внезапно в глаза ударяет молния. Готово, ты поймай!..

Были случаи, что летчик, попав в лучи прожектора и пытаясь найти горизонт, прикиривал³ и врезался в землю. Прожектор слепит, выбивает всякое представление о положении самолета. Под его лучом летчика слепят даже собственные приборы и козырек кабины.

Перекрестные лучи крепко держат и ярко освещают пойманный самолет — прекрасную цель для зенитной артиллерии. В боевой обстановке каждая лишняя секунда в лучах прожектора — гибель для самолета.

Мысль об этом заставляет еще больше напрягать нервы. Конечно, достаточно сказать в телефонную трубку летчабу⁴, он даст ракету, и зенитчики, поняв сигнал, отведут лучи. Но это все равно, что признать себя сбитым! Для того чтобы сохранить машину и уйти от прожекторов надо лететь, не глядя ни на что, кроме стрелок приборов.

Начинается самый ответственный полет, полет вслепую — по приборам, по компасу и расчету времени.

¹ Альтиметр — указатель высоты.

² Жироскоп — указатель поворота и крена.

³ Прикиривать — снижаться под крутым углом почти отвесно к земле.

⁴ Летчабу — летчик-наблюдатель.

Но уйти от прожектора — это еще не все. Надо выполнить задание. Надо пройти над намеченными пунктами по заданному маршруту. Надо, наконец, выполнить самый сложный, заключительный аккорд полета — посадку. Только бы она не была вынужденной!

Однажды мы вылетели в групповой ночной полет. В пути у головного самолета погас свет. Я потерял точку, по которой держал строй. Минуты через две-три снова заметил впереди себя белый огонек. Я прибавил газ, пытаюсь догнать огонек, но время шло, а он не приближался. Я плюнул с досады, поняв, что это была... звезда! Сколько раз я смеялся над летчиками, которые во время ночных полетов „гонялись за звездами“, принимая их за огни самолета, а теперь — попался сам.

Строй был потерян окончательно. Я летел уже на свой риск.

И, как нарочно, в моторе испортилось водяное охлаждение. Вынужденная посадка была неизбежна, а до аэродрома — километров двести.

Я убрал газ и начал планировать, приказав летцабу сбросить ракету, в минутном блеске которой

увидел под собою белое пятно в черной рамке. Можно было повянуть; подо мной снежное поле, окруженное лесом и сопками.

Я стаб спиральить над белым пятном, непрерывно давая ракеты и стараясь разглядеть место для посадки. Стрелка высотометра показывает 0, а земли еще нет.

Я понял, что здесь пониженная местность. Ориентировка по высоте потеряна, и надо было дать последнюю, самую нужную ракету. В этот момент летнаб сообщил мне, что ракет больше не осталось.

Мы неслись к невидимой земле.

Я едва успел добрать ручку — самолет коснулся земли. Машина задралась, подпрыгнула, но удержалась на лыжах и только в конце пробега лениво, нехотя стала на нос.

Мы высочили.

И только тут, на земле, я разглядел, что в нескольких шагах от нас стояли телеграфные столбы и забор кирпичного завода. Чуть подальше чернеет глубокий овраг...

Б. Пивенштейна.

Из книги „Гора Дионисия закрыта“

ПРАЗДНИК ГРИБНОГО УРОЖАЯ

Фото-Этюд Б. Рябинина

Минувшее лето, обильное теплыми дождями было праздником грибного урожая на Урале. Их собирали ведрами, корзинами, везли на телегах, в лодках, на грузовиках... Грибы с картошкой или картошка с грибами являются излюбленным блюдом уральцев и на завтрак и на обед, и на ужин. Фото-художник Б. Рябинин сделал для нашего журнала прекрасный фото-этиюд. На нем мы видим пару полберезовиков стыдливо прячущихся в траве. Между прочим, фотографирование „мира под ногами“ редко практикуется фотолюбителями, а между тем этот мир очень интересен.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ВИКТОРИНА

Море, в котором нельзя утонуть

Как же это может быть, чтобы нельзя было утонуть в море? Значит, это не море, а что-то другое! Нет, это именно море с настоящей морской водой и тем не менее в нем действительно невозможно утонуть, если бы человек пожелал даже утопиться самым серьезным образом.

Но мы не собираемся рассказывать вам историю о неудачливом самоубийце, а хотим рассказать о том, как и что происходит с человеком, пожелавшим выкупаться и поплавать в этом море.

Вот что рассказывает по этому поводу один знаменитый американский писатель, испробовавший такое купанье.

„Это было забавное купанье. Мы не могли утонуть, если бы даже сами пожелали этого. Здесь можно вытянуться на воде во весь рост, лежа на спине и сложив руки на груди, при чем большая часть тела будет оставаться над водой. При этом можно совсем поднять голову.

Вы можете лежать очень удобно на спине, подняв не только голову, но и ноги, согнув их в бедре и в коленях, и опираясь о воду руками.

Мало того, вы можете совершенно спокойно усесться на воде, подняв колени к подбородку и обхватив их руками, но непременно перевернетесь, так как голова перевесит.

Вы можете, кроме того, встать на голову и от середины груди до носков ног будете оставаться вне воды. Но, конечно, вы не можете долго сохранять такое положение.

В этом море вы не можете плыть на спине, подвигаясь сколько-нибудь заметно вперед, так как ваши ноги торчат из воды и вам приходится отталкиваться одними пятками. Если же вы попытаетесь плыть на груди, лицом вниз, то будете подвигаться не вперед, а... назад.

Лошадь, которую вы захотели бы заставить поплыть или погрузили бы в воду, оказалась бы в таком неустойчивом состоянии, что немедленно легла бы вабок*.

Однако купанье в этом море не всегда проходит безнаказанно. Русский доктор и путешественник Елисеев убедился в этом на собственном опыте.

„Легкое жжение слизистых оболочек,— рассказывает он,— заставило меня выйти из воды и, по

совету проводников, пойти к устью небольшой реки, впадающей здесь в это море, чтобы поспешить выкупаться в пресной воде и смыть с себя морскую воду. Все тело мое чесалось и я чувствовал, что купанье в реке мне необходимо“.

Местные жители питают к этому морю суеве- рный ужас. Когда в 1835 году ирландский путеше- ственник Костичан первый решился переплыть это море, они не только отказались сопровождать его, но даже не решились помочь ему, когда лодка опрокинулась и путешественник очутился в воде.

С величайшими усилиями, выбившись из сил. Костичан достиг берега вплавь и здесь, оставлен- ный на произвол судьбы, погиб самым жалким образом от истощения и жажды.

Между тем, когда вы подлезаете к этому мо- рю, ожидая увидеть мрачную, тягостную картину смерти, то поражаетесь его красотой. Перед вами расстилается прозрачная синева-то-жемчуж- ная морская гладь в рамке гордо вздымающихся скал.

Волшебная игра чистых и ярких красок вечно чередующихся контрасты света и теней при ярком сиянии солнца способны привести вас в восхищение.

ВОПРОС. Что же это за море, как оно назы- вается и где находится и почему в нем невозмож- но утонуть?

Дерево смерти

На всем земном шаре едва ли найдется еще другое растение, о котором в старину сообщалось бы так много баснословного, как о „дереве смерти“. Чем менее о нем знали, тем больше рас- сказывали безумиц.

Первые печатные сведения о „дереве смерти“ относятся к началу четырнадцатого века. Итальянец Каталона в своей книге „Путешествие в Ост-Индию“ поведал миру о дереве, которое в период цветения одним лишь своим ароматом убивает каждого, кто к нему приближается.

Но самые фантастические сведения о „дереве смерти“ были пушены в обращение доктором — хирургом ост-индской компании Фуршем.

„В окаймленной горами пустыне,— пишет Фурш,— между Батавией и Суракарта, на острове

Ява, произрастают одинокие „деревья смерти“, доставляющие тот страшный яд для стрел туземцев, который пользуется столь печальной славой. Дерево это настолько ядовито, что на 12 миль вокруг не может расти ни одна травинка, не может дышать ни одно животное. Даже птицы, пролетающие над ним, падают, отравленные его ядовитым дыханием. Люди, приближающиеся к нему с подветренной стороны, задыхаются. Правитель Суракарты казнил преступников млечным соком этого дерева, хотя достаточной карой является уже само поручение добыть его сок, ибо из десяти посылаемых лишь один возвращается живым“.

Очевидно, что и русский поэт заимствовал эту версию о „дереве смерти“ в стихотворении, посвященном ему. Да еще и до него этим мрачным образом смерти воспользовался в 1789 году для своей научной поэмы в стихах „Ботанический сад“ Эразм Дарвин, дед знаменитого натуралиста и сам выдающийся естественный философ своей эпохи.

Поэма Дарвина немало способствовала распространению басни Фурша.

Первое вполне научное и полное описание „дерева смерти“ дал французский ботаник Лемон де-ля-Гур, посетивший остров Яву во время своего кругосветного путешествия в 1804 г. А после него целый ряд французских и голландских натуралистов посвятили легендарному дереву специальные исследования.

Что же известно теперь вполне достоверного о „дереве смерти“?

Оказывается, что оно принадлежит к семейству тутовых и, следовательно, родственно нашей шелковице. Ботаническое название его — Антарис токсикарна.

Остров Ява — не единственное место произрастания „дерева смерти“. Оно распространено по всей Ост-Индии, в части Индо-Китаю и на островах Зондского архипелага.

Могучий и стройный ствол „дерева смерти“ достигает 30 и более метров высоты и несет на себе густую крону широких кожистых листьев. Древесина его белого цвета, пористого строения и очень легка. Из надрезов коры обильно истекает млечный сок, быстро темнеющий на воздухе.

Этот-то сильный ядовитый сок и употребляется туземцами для отравления насекомых стрел. В настоящее время туземцы Явы, Целебеса, Суматры пользуются отравленными стрелами исключительно для охоты.

Любопытно, что плоды дерева яда совершенно неядовиты: их охотно клюют птицы, семена же употребляют как целебное средство при малярии и дизентерии.

ВОПРОС. Как же называется дерево смерти и какому русскому поэту оно послужило образом, правда, неправильным с научной точки зрения, для его стихотворения?

Дерево жизни

Если спросить нескольких людей, какое из растений земного шара они считают универсально полезным для человека, то ответы получатся самые различные. Одни назовут самым полезным растением рожь, другие картофель, третьи, быть может, каучуковое дерево, четвертые — хлебное дерево и так далее.

Но если обратиться с таким вопросом к людям, которые много путешествовали и жили в разных странах, в особенности в экваториальном поясе, то они немедленно назовут вам этот растительный универсал.

И действительно, чего-чего только не дает на потребу человека это дерево! Из всех деревьев нет ни одного, которое могло бы обслужить человека с такою полнотой и разнообразием.

Все оно — от своих корней и до самой верхушки может быть использовано человеком.

Дерево это даже в необработанном виде дает лесоматериал в виде готового бревна для постройки жилища, материал для крыши, мягкую постель, разнообразную пищу, прекрасный здоровый напиток, фибру для плетения цыновок и готовую посуду.

В самом деле, представьте себе, что вы потерпели кораблекрушение и попали на необитаемый остров или коралловый атолл в Тихом океане, на котором нет ничего другого, кроме этого дерева. И что же? Вы можете прекрасным образом существовать исключительно при помощи этого дерева, его листьев и плодов.

Во-первых, из его стволов вы можете построить себе бревенчатый домик, покрыв его листьями этого же дерева. Оно же будет служить вам топливом.

Из молодых его побегов вы можете приготовить прекрасное овощное блюдо, которое с успехом заменит вам одновременно и капусту и салат.

Их плод дает вам готовую питательную пищу и густой вкусный напиток, подобный молоку.

Из этого же напитка вы легко можете приготовить себе вино, дав молоку перебродить, так что дерево заменит вам и огород, который вы не успели еще развести на вашем острове, и корову, которых вообще не водится на островах Тихого океана, и виноградник, для которого вы не успели, кстати сказать, захватить виноградных лоз.

Из твердой скорлупы плода вы немедленно сделаете себе столько посуды, сколько вам понадобится.

Из волокон, окружающих плод, сплетете корзины, цыновки, веревки и множество других нужных вам предметов домашнего обихода.

Если же говорить о переработке сырья, даваемого этим деревом, то придется упомянуть о том, что они дают очень хорошее растительное масло, продукты для мыловаренных заводов, материал для прочных корабельных канатов, приводных ремней.

Дерево это растет во всех тропических странах Старого и Нового Света и на очень многих островах.

Своему широкому распространению оно обязано главным образом тому, что его плоды — прекрасные мореплаватели и нисколько не сте-

сняются дальними расстояниями, так как под скорлупой его плода находится своеобразная оболочка, заключающая в себе воздух, что предохраняет плавающий по морским волнам плод от намокания.

Волны и морские течения способствуют этим дальним плаваниям, выбрасывают плод на берег необитаемого острова, где он легко прорастает, пускает корни в почву — и пустынный догол остров покрывается с течением времени деревьями.

Вот уж поистине это дерево можно назвать деревом робинзонов. Но они, конечно, называются по-иному.

Вл. Штарк.

СОДЕРЖАНИЕ № 9

„УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“

По путям Восточных караванов Рассказ <i>М. Бортвина</i>	Нападение муравьев на улей <i>С. Колосницина</i>
Летающий сундук Рассказ <i>Леонида Мартынова</i>	Уральские самоцветы засверкают над кремлем Очерк <i>Мозорда</i>
Теремок под снегом Очерк <i>Анатолия Климова</i>	„К причалу“ О Свердловской причальной мачте Очерк <i>М. Э.</i>
Человек на удочке Рассказ <i>Сергея Качиони</i>	Камчатский следопыт Рассказ
К саранским „богатырям“ Путевой очерк <i>Ю. Аргентовского</i>	Погоня за „вором“ Из романа <i>Вяч. Шишкова</i>
Крылатые вестники Очерк <i>Бориса Рябинина</i>	Красные снайперы
Гигантский рыболовный снаряд Очерк <i>Н. Панова</i>	Змеиный следопыт Очерк
Дикая рожь Заметка	По четырем рекам на 4-х веслах Очерк <i>М. Зуева—Ордынца</i>
Варварская охота на лосей	

совершенно исчезают под расцвевшими цветами. Белыми крапинками отмечает свое местоположение полярный салат. Мясистые листья его чуть горьковаты на вкус, как редис; в них содержится большое количество противоязвотных витаминов. Для зимовщиков салат и декоративный полярный шалфей — целебные природные запасы.

Здесь же колышутся алаковские растения — дальние родственники ячменя и овса.

Желтыми и белыми точками украшают арктическую посылку потники.

Полярные цветы неожиданно захватывают внимание прибывшего жителя умеренных и южных широт. Он ищет сравнений и разгадки столь резкого контраста между дерзким растительным миром и холодным покоем льдов Арктики.

В растительных оазисах Арктики на каждом шагу встречается полярная ива. Пусть не ищет здесь путешественник лесных чащ. Полярная ива растет как трава, достигая 20—30 сантиметров. Каждый год она подрастает всего на несколько миллиметров, прибавляя не более 2—3 листьев. Просто восхитаясь этим маленьким деревцом: как оно стойко сопротивляется суровому арктическому климату!

Издака попадается карликовая полярная береза.

И все же здесь такое богатство различных форм и такая роскошь красок, что восхищенный наблюдатель положительно не в состоянии оторвать от них глаз. Тут жизнь, тут она бьет ключом, тут такое разнообразие видов и такие яркие цветы, что даже на юге этого не найдешь.

Тяньшаньские контрабандисты

Воспоминания детства: прохладная осенняя ночь. Черная зубчатая стена гор врывается в синее звездное небо. Странное для ночи оживление в селе — селадуты кошей, навьючивают верблюдов, гонят скот, носятся, как темные птицы, плачущие женщины... И где-то грохот, словно падают камни с гор...

Отец, уславив Дагози в село, говорит:

— Скорее, русские стреляют...

Самое страшное — русские. На рассвете в тяньшаньских горах, диких и прекрасных, нападают люди в серой одежде. Выстрелы, крики, свистят белые клинки длинных, длинных ножей. Мечутся испуганно бараны, табун рассыпался по доли-

не. Бросая скот, дунгане бегут. Кто-то подхватывает в седло Дагози, который с плачем стремится к отцу, лежащему на спине, раскинув руки.

Это — раннее детство Дагози, год 1916... Дунгане бегут в Китай после разгрома киргизского восстания. И снова дунгане ищут родину и не находят ее.

Согнанные с насиженных мест, они искали счастья на труднейших и головолодных горных тропах, перебираясь по ночам с тюками контрабанды, вверив свою жизнь цепкой, как кошка, и терпеливо выученной к невозможным переходам лошадей. Китай — Россия, Россия — Китай — на этих тайных переходах, требовавших ловкости и бесстрашия, выковался тип контрабандиста-дунганнина.

«Россия превратилась в советскую республику. Покинутые дунганские селения заселялись возвращавшимися из Китая беглецами. Быть может, сбывалось веще значение слова „дунгане“ — „народ, который остановился...“

Дунганин Дагози, секретарь сельсовета, показывает кохозные поля. Он недавно окончил вуз в Ленинграде и вернулся на свою родину.

Острый, одуряющий запах джипиты плывет над полями отцветающего мака. Лиловые, белые и красные шелковые лепестки, как стая мотыльков, порхают над полем. В густой зелени садов чуть желтеют дома дунганского колхоза „Дзшин“. Полуденный зной умеряется ветерком со снежных хребтов Терской Алатау. Мы въехали в просторную улицу села Иракы.

— Мои односельчане вернулись из Китая в 1923 году. Меня привез с собой из Китая, из Сынь-Цзяна друг отца. Советская власть дала мне образование. Разве для того, чтобы только я лично был счастлив? Я вернулся к своему народу разделить с ним свое счастье. Что знал в прошлом мой народ? Там, — Дагози указал по ту сторону снежных вершин Тянь-Шаня, — кабала у китайского помещика, а здесь — самоуправство русских чиновников. А сейчас вы увидите, что нам дали советы...

Полеводство, пчеловодство, птицеводство, овцеводство и завод финьгозы (китайской лапши из гороха) — производственная база колхоза. Строятся бани, конюшни, амбары, школа, мечеть переделывается под клуб.

В домах колхозников появились швейные машины, европейские кровати (раньше спали вповалку на кане), велосипеды, хозяйственная утварь.

Колхозницы пошли яркие шелковые платья — в почете оражиевые и голубые цвета. Только старухи ходят в китайской одежде.

Такова новая жизнь этих бывших контрабандистов, обретших снова новую родину.

Дунгане — один из самых маленьких народов в нашей стране. Их около 20 тысяч, и живут они преимущественно в Киргизии.

Они сохранили свой язык и имеют свою письменность, школы, книги на родном языке, газету. В Западном Китае их 385 тысяч. Там нет ни книг, ни газет на родном языке.

Небо на земле

В ноябре исполняется пять лет существования московского планетария — этого искусственного неба на земле. За эти годы планетарий превратился в подлинное политико-научное учреждение. 45 тысяч посетителей пропускает он в месяц. Большинство из них — рабочие, колхозники, школьники, студенты. По скромным подсчетам, за пять лет в планетарии побывало на сеансах свыше двух с половиной миллионов человек.

Пять лет назад в планетарий был лишь один главный аппарат, посредством которого демонстрировался небесный свод. Теперь посетители могут посмотреть в планетарий дождь падающих звезд, солнечное и лунное затмение, северное сияние, движение комет. За пять лет главный аппарат оброс дополнительными устройствами.

Сеансы в планетарии ведутся на темы: небесные „знаменья“, астрономия и социалистическое строительство, есть ли жизнь на планетах, стратосфера и межпланетные путешествия, прошлое, настоящее и будущее земли и борьба за научное мировоззрение.

Во время демонстрации небесного свода купол планетария по горизонту обрамляет полоска силуэтных очертаний Москвы. Силуэты неподвижны и одинаково видны при показе как московского, так, к примеру, и каприйского неба. Чтобы создать полную иллюзию при демонстрации, теперь сооружается оригинальный аппарат, при помощи которого будут менять одновременно с небом и контуры на горизонте. При показе, например, звездного дождя над Африкой посетитель увидит на горизонте очертания Каира, во время северного сияния — контуры полярного порта Игарка.

(Продолжение см. на 4 стр. обложки).

Край необычайных богатств

Природа Дальневосточного края весьма богата противоречиями и контрастами. Субтропические виды манчжурской флоры сожительствуют здесь с полярными видами растений.

Тигры заходят далеко на север по Бурею и другим рекам. В то же время северный олень спускается далеко на юг, а южный, пятнистый поднимается на север.

Погода стоит суровая зима, температура которой опускается ниже 50 градусов. Погода — горячее лето с температурой в тех же местах выше 50 градусов. Зимой и весной преобладает засухливая погода. Летние месяцы отличаются высокой влажностью.

Все это несет с собой быстрые изменения в жизни растений, животных и в строении земной коры.

На Дальнем Востоке наблюдается бурное и быстрое накопление осадочных пород, повсеместно встречаются грандиозные массы торфа и угля. Они залегают большими пластами буквально в любой точке Дальневосточного края и могут обеспечить топливом любую будущую стройку.

Дальневосточный край обладает, кроме того, несметными рыбными богатствами. Научно-исследовательская работа в области рыбного хозяйства края установила особенности разведения и передвижения рыбных стад в морях и реках. Лов ценнейших рыб, крабов и морского зверя имеет здесь сырьевую базу мирового значения. Древнейшее в геологическом отношении озеро Ханка — это ключ к рыбным богатствам края.

Во всем районе от этого озера до реки Амура исключительно мы находим колоссальные количества жемчуга, моллюсков и креветок, имеющих большое значение для удобрения в сельском хозяйстве и для экспорта.

Имеется особый вид ценной черепахи, могущей составить важную экспортную статью. Возможный годовой улов рыбы по краю исчисляется в 25 млн. центнеров. В настоящее время улов едва достигает лишь 16 процентов этого количества.

Вместо ишаков — на самолетах

Почтовое и грузовое сообщение между Хорогом и Мургабом на Памире поддерживалось при помощи ишаков, которым приходилось пробираться по узким горным карнизам, нависающим над глубокими пропастями. Назывочные ишаки проходили этот путь в 17 суток.

Исключительную по трудности воздушную линию Хорог-Мургаб открыл летчик Любченко, один из отважных и опытных мастеров летного дела, многие годы работающий в Таджикистане.

Линия Хорог-Мургаб относится к разряду особо трудных. Летать приходится на высоте в пять тысяч метров над снежными хребтами, где посадка совершенно невозможна. Если полет по этой линии без кислородного прибора требует выдающейся выдержки и смелости, то посадка на аэродроме Мургаба, расположенном на высоте в 4.000 метров, возможна при совершенном знании самолета, при самообладании и многолетнем опыте полетов в высокогорных условиях.

Любченко — старейший летчик, налетавший в Таджикистане 3 тысячи часов, много раз награждался премиями за безаварийную работу. Он коммунист, сын полтавского рабочего-железнодорожника, а детстве был пастухом, сейчас командир Памирского звена.

Индийский язык жестов

Ленинградская фабрика учебных и научных кинокартин „Союзтехфильм“ закончила

съемку первого в мире научно-лингвистического фильма „Язык жестов“. В картине снимались индеец Альбианд Финней, показавший около 500 жестов северо-американских индейцев, применяемых ими для сношений между различными племенами. Язык жестов настолько развит, что при помощи его передаются даже такие сложные современные понятия, как например, „телеграмма“, „автомобиль“, „самолет“.

Фильм будет озвучен мотивами национальных индейских песен и музыки. Научно-полярный вариант этого лингвистического фильма будет выпущен на экраны в октябре — ноябре этого года, так что предстоящей зимой уральцы увидят и услышат его.

159 народностей СССР

Академия наук составляет новый „Список народностей Советского Союза“ (старый был издан в 1927 году). В нем будут содержаться сведения о численности и расселении народностей. К списку будет приложен алфавитный указатель с характеристиками народностей и т. д. По предварительным подсчетам, в СССР насчитывается в настоящее время 159 народностей.

Охота в Узбекистане

В этом году впервые охота на волков, причиняющих огромный убыток скотоводству Узбекистана, велась организованно. Охотниками застрелено 750 волков. Горный волк ценится своим прекрасным мехом. Помимо того, охотники убили 10 барсов, 8 медведей, полторы тысячи шакалов, несколько гиен, 3.600 мангулов — огромных кошек, достигающих метра величины. Мех их отличается высоким качеством. Охотничьи артели заготовили также 16 слинком тысяч шкур лиски, барсука, сурка, суланка, зайца.